

Олег Плотников – Свой-Чужой

ГЛАВА 1. ФАБРИКА.

Хотя пожар остался позади и Астри успела пробежать уже почти полкилометра от горящего цеха, плотный серый дым был везде. Фигуры повстанцев мелькали то тут, то там, неожиданно появляясь и так же быстро исчезая. Смесь гари от разорвавшихся снарядов и бетонной пыли забивалась в нос и уши, не давала надолго открыть глаза, поэтому люди бежали, хромали и ползли по территории, как слепые котята.

Сама бы в таком смоге Астри никогда не смогла сориентироваться, но навигатор, встроенный в защитные очки, указывал ей примерное расположение заброшенных складов, а респиратор помогал не задохнуться.

Штурм, как всегда, начался внезапно. Территория базы повстанцев под кодовым названием «Фабрика» представляла собой заброшенную шахту с небольшим производственным комплексом на поверхности. Комплекс был также заброшен. Сама база была обустроена в стволе шахты и не просматривалась с воздуха. Долгое время Фабрика служила надёжным укрытием Астре и её соратникам, но, видимо, что-то произошло. Что именно, выяснять сейчас не было никакого смысла и желания, всё потом.

Полиция использовала весьма ожидаемую тактику: сначала наземную территорию расстреляли реактивными снарядами с самолётов, чтобы поднять как можно больше пыли и вызвать обвалы в шахте, потом сбросили перцовую мину. Сами по себе эти действия не были разрушительными для укрепленного ствола, но люди, находящиеся под землёй, враз лишились нормального воздуха, потому все кинулись на поверхность. В первые минуты Астри ещё пыталась как-то организовать выход повстанцев, но паника накрыла Фабрику моментально, так что девушка решила спасаться сама.

В её рюкзачке, с которым она никогда не расставалась, был припрятан небольшой запас как раз на такие случаи: респиратор, защитные очки-навигаторы, восьмизарядный миниатюрный пистолет «Магнетик» и крошечный контейнер с едой. Ну и бутылка воды, разумеется. Ещё в своё первое появление на Фабрике девушка тщательно изучила окрестности и нашла несколько заброшенных же складов примерно в километре к югу от самой базы. Остальная местность представляла собой выжженную кислотой пустыню, смесь камней и песка, на несколько километров, куда ни пойдешь. Подобных фабрик на Шарре было немало, но такой жёсткий урон экологии значил только одно: конкретно здесь добывали и выплавляли медь, а соляную кислоту, которой в процессе производства получалось в избытке, просто сливали в землю.

Конечно, склады были приметным убежищем, и штурмовики наверняка обыщут и их, когда начнется наземная фаза операции, но пока у девушки где-то с полчаса форы. А на складах её дожидается небольшое убежище как раз под стать ей, где Астри и надеялась пересидеть штурм.

Вообще, номинальный лидер Сопrotивления меньше всего напоминала террористку или бойца революции. Худенькая, миниатюрная, чуть больше полутора метров ростом, Астри ну никак не тянула на самую разыскиваемую личность Шарры. Но в свои двадцать шесть лет она успела стать одним из главных врагов Метрополии, а за её голову была такая награда, что всю жизнь потом можно не работать. Это она помнила всегда, потому план отхода готовила заранее.

Смог понемногу начал рассеиваться, и впереди показались очертания складов. Девушка на секунду остановилась и оглянулась назад. За её спиной разворачивался настоящий театр теней:

плотная пелена дыма уже была позади, в ней мелькали крохотные фигурки людей и чуть более крупные фигуры спецназовцев, а на заднем плане пробивались огни вертолётов. Ей удалось отбежать так далеко только благодаря навигатору. Больше им никто из повстанцев не озаботился, а спецназовцы старались согнать всю толпу в одно место и ещё не начали тщательно прочёсывать территорию Фабрики.

Девушка глубоко вздохнула, сорвала уже ненужный респиратор и бросилась вперёд. Буквально через пять минут она добралась до своей цели – три длинных глухих ангара из бетона, закрытых крышей из толстого шифера. За много лет в их стенах не появилось ни одной трещины, служить бы им и дальше, но, видимо, в шахте закончилась руда и весь комплекс бросили, даже толком не проведя консервации.

Вход в первый ангар закрывала добротная деревянная дверь с проржавевшим засовом. Такую конструкцию хрупкой Астре было в жизни с места не сдвинуть. Она и не собиралась: внутрь можно было попасть ещё и через небольшое вентиляционное окошко, которое располагалось чуть дальше, по правой стенке. Внутри были навалены горы строительного мусора и стоял запах цемента. Как и во всей округе, здесь не было ничего живого, даже гниль не образовывалась. К дальней стене кто-то когда-то привалил осколок бетонной плиты, получился своеобразный треугольный домик: пол, стена, и плита к ней привалена. После на эту конструкцию набросали ещё гору камней, деревянных досок и прочего мусора, так, что плита оказалась погребена под ним. Астра своим зорким глазом сразу заметила, что внутри этой кучи мусора должна быть скрытая ниша, куда ей можно будет спрятаться. Сделать туда неприметный лаз уже было делом техники.

Тяжело дыша, девушка залезла в своё убежище и ногами постаралась подгрести к лазу побольше мусора. Теперь оставалось ждать полицию; спецназовцы наверняка обыщут склады, лишь бы её не углядели. Астра сняла со спины свой рюкзачок и достала оттуда бутылку воды и верный восьмизарядный «Магнетик». В своём миниатюрном убежище девушка провела долгих сорок минут. За всё это время на складе не было ни одного подозрительного звука, а грохот взрывов и стрекотание автоматических винтовок постепенно стихли. Но Астра точно знала, что эта тишина обманчива. Просто полиция уже поймала всех, кого смогла, и сейчас начнётся самая тянущая фаза – будут прочёсывать все здания, облетать степь вертолётными, словом, искать. Пока Астра ждала, ей под руку подвернулся тонкий металлический прутик и она смогла проковырять в толще мусора небольшое сквозное отверстие. Получился такой глазок для наблюдения, в который как раз было видно вход. Ещё лучше, она будет точно знать, что происходит.

...Добротную дверь вместе с засовом выбило направленным взрывом. Полицейские не стали мучить старый засов, а пошли броневой путём. В буквальном смысле. После чего вход заслонила собой тень, хозяин которой был явно крупнее обычного человека. Полицейские штурмовики сами по себе не маленькие, а ещё полный комплект защитной амуниции внушительно добавлял им габаритов. Тень двигалась абсолютно бесшумно, хотя, когда заходила Астра, у неё под ногами хрустела бетонная крошка. Как человек, весящий в три раза больше неё, может идти так тихо, было загадкой. Штурмовик был одет в серую пятнистую форму, на голове – шлем того же цвета и зелёные очки тепловизора, а нижнюю половину лица прикрывал респиратор. Вслед за штурмовиком вошёл ещё один, такой же. Астра поймала себя на мысли, что абсолютно не воспринимает их как людей из плоти и крови, скорее, это были просто роботы, запрограммированные ловить повстанцев. Стрелять по ним с такой мыслью, конечно, легче, но, учитывая их защиту, толку от этого не будет никакого. Разве что попасть в респиратор – единственное место, не рассчитанное на пулю. Шевроны штурмовиков были покрыты тонким

слоем грязи, потому понять, кто перед ней – полиция или Комитет Метрополии, – было нельзя. Штурмовая форма у них была одинаковая – серая, без погон, только по шевронам и можно что-то понять. Тем хуже для них. Хотя против двух штурмовиков у Астры не было ни шанса, и она это отлично понимала.

Девушка затаила дыхание и вплотную прижалась к своему крохотному глазку. Бетонная крошка была холодной, это хорошо. За такой каменной кучей её вряд ли засекут портативным тепловизором. Штурмовики, также мягко передвигаясь и общаясь только знаками, потихоньку обшаривали территорию склада. Так прошло ещё пятнадцать томительных минут. Всё это время они ходили где-то в стороне от Астры, но осмотр закончили тоже напротив входа.

Хрусть! Звук бетонной крошки в такой тишине просто резанул по ушам. Хрусть! Хрусть, хрусть! Штурмовики опустили винтовки и перестали двигаться так же бесшумно: заскрипела форма, один из них кашлянул и снял респиратор, а после этого они вообще заговорили:

– Я был уверен, что она здесь! Всех выловили, кроме неё! Куда она могла пойти?

– Если её здесь нет, то либо побежала в поле, либо успела уйти с Фабрики. Нова – та ещё змеюка, её уже много лет поймать не могут. Думаешь, почему? Потому что хитрая и осторожная.

– В поле её бы уж с вертолёта засекли. Вот как ей всегда удаётся сбегать?

– А вот поймаем, и спросишь.

Штурмовики стояли у дверного проёма и продолжали оглядываться, но уже как-то рассеянно, без особой надежды кого-то найти. Вдруг тот, кто зашёл первым, сказал:

– Слушай, а ту кучу мусора мы же ещё не трогали?

Сердце Астры ёкнуло: она-то уже надеялась, что и на этот раз ей удалось всех одурачить и полицейские (или кто они там?) сейчас уйдут.

– Не трогали, – вяло отозвался второй. – Да где бы там ей быть? Ну хотя для порядка...

Он вскинул винтовку и направился прямо к Астре. Девушка прижалась к плите и перестала дышать. Штурмовик наклонился и заглянул в бетонную дырку. Всё произошло так быстро, что Астрада даже не успела ничего сообразить. Только она сидела в своём крошечном убежище – и тут серая фигура подошла почти вплотную к ней. Ещё миг – и на неё уставились два глаза из-под зелёных очков.

Астрада была готова ко всему. Что штурмовик начнёт стрелять или крикнет напарнику: «Она здесь!». Но то, что произошло дальше, повергло девушку в оцепенение. Штурмовик встретился с ней взглядом и вдруг улыбнулся. Приложил палец к респиратору и подмигнул. Затем резко разогнулся и повернулся к своему напарнику:

– Нет её тут, мусор один. Опять ушла, змеюка!

– Ничего. Сколько верёвочке ни виться, – философски заметил первый и пошёл к выходу. Второй штурмовик вышел за ним.

Сердце Астры бешено колотилось. Не так уж часто Сопrotивлению удавалось завербовать полицейского и ещё ни разу – агента Комитета. И почти обо всех она знала: это были мелкие сошки, патрульные, офисные работники. Штурмовик – это в любом случае офицер. Никого из них Сопrotивлению на свою сторону привлечь ещё не удалось. А этот смотрел прямо на неё, Астру Нову. За её поимку он получил бы премию, медаль и следующее звание. А он смотрел на неё. И ничего не сделал.

ГЛАВА 2. ФЛЁР.

Флёр Дешанель был одним из самых опасных людей в колонии Шарра. Хотя сам он родился в Метрополии, но за свои сорок с лишним лет успел немало поехать по миру.

В детстве и юности Флёр был головной болью местного отделения полиции и постоянно там оказывался. Правда, сноровки юному бандиту было не занимать, и из всех историй он выходил с наименьшими потерями, а уж привлечь его к ответственности полиции в итоге так и не удалось. Кто-то пророчил ему место среди боссов преступного мира, кто-то, напротив, считал, что со своими авантюрами он и до двадцати не дотянет. Однако Дешанель благополучно справил и тридцать, и сорок лет и вообще умирать не планировал. В ближайшие полвека точно.

Это был худощавый, предпочитающий строгие костюмы мужчина с абсолютно каменным лицом. Эмоции на нём появлялись лишь через силу и в случае крайней необходимости. Обычно же было очень трудно распознать в нём хоть какие-то чувства: говорил он почти без интонаций, да и немного.

Вот и сейчас, глядя на потрепанного повстанца, который сидел напротив него, Флёр не произнёс ни слова. Просто сделал рукой жест, что можно говорить. Но тот молчал, глядя в стол. Тогда Дешанель всё-таки расщедрился на реплику:

– Просто расскажи, что произошло. С твоей точки зрения.

Повстанец вздохнул и отвёл взгляд в сторону:

– Ну что произошло? Я спал после дежурства. Вдруг шум, грохот, тревога сработала. И дышать стало нечем. Ну, перец пустили. Стены ходуном ходят, все бегут. Я тоже побежал.

– Меня интересует мисс Нова. Она была на Фабрике в момент начала штурма?

– Да. Куда она делась, я не знаю, был уверен, что её схватили штурмовики, – тут повстанец поднял голову и всё же решился взглянуть на своего собеседника. – Разве это не так?

Дешанель не удостоил его ответом. Собственно, он уже узнал всё, что хотел, поэтому встал из-за стола и подошёл к окну. Дверь в кабинет открылась, и в неё заглянул штурмовик, весь в пыли, похоже, ещё даже толком отряхнуться после операции не успел. Он коротко спросил:

– Полковник, могу я увести задержанного?

Дешанель повернулся вполоборота и утвердительно кивнул.

Флёр Дешанель был одним из самых опасных людей в колонии Шарра. К несчастью для Спротивления, он был не на их стороне. Его криминальная биография закончилась годам к двадцати, когда молодое дарование завербовали в Комитет Метрополии – могущественную организацию, поддерживающую порядок в колониях.

Метрополия была самым большим континентом на их планете, вся жизнь пошла именно оттуда. Её обитателям повезло практически со всем: они жили в тёплом мягком климате, днём видели яркое солнце, а ночью спали в лёгком свете звёзд. Их земли были более чем плодородны и способны прокормить население огромных городов.

Но вот с ресурсами в Метрополии было не так радужно. По странной иронии, они были сконцентрированы в так называемом поясе ископаемых – череде островов и небольших континентов на другом конце планеты. Прогресс не стоял на месте, и пояс ископаемых колонизировали приблизительно триста лет назад. И сразу начались проблемы.

Климат в поясе разительно отличался от климата Метрополии. Летом проливные дожди сменялись палящим солнцем, зима была холодной, а в некоторых колониях даже выпадал снег и дули холодные влажные ветра. Вдобавок к этому, добыча ресурсов серьёзно загрязняла местную атмосферу, так что желающих работать в столь суровых условиях находилось немного. В основном это были бедняки, которые искали в колониях жизнь лучше той, что они вели в Метрополии. Мало кто из этих бедолаг возвращался обратно: как правило, они оседали в

местных поселениях, где и пускали корни. Конечно, счастья здесь они не находили, но их жизнь становилась более осмысленной, здесь всегда была работа и окружены они были людьми своего сорта. Вот и получалось, что для таких людей колония оказывалась лучшим местом, нежели то, которое они покинули.

Метрополия тоже не горела желанием возвращать этих людей обратно, так что со временем для жителей колоний установили ограничения в передвижении по миру. Это помогало привязывать персонал к их шахтам и не засорять города Континента рабочим сбродом. Конечно, такой подход не был правильным или справедливым, и далеко не все жители колонии готовы были признавать себя существами второго сорта. Кто-то пытался вернуться жить в Метрополию, некоторым даже удавалось. Однако большинство таких недовольных объединялись вокруг идеи независимости. Почему колонии вообще что-то должны Метрополии? Она хочет ресурсы? Пусть покупает их, тем более у неё есть что предложить взамен. Продукты, технологии, медицина — всего этого колониям отчаянно не хватало. То тут, то там поднимались бунты и восстания, имеющие одну-единственную цель: свергнуть власть Континента и получить независимость.

Такой подход Метрополию совсем не устраивал, потому бунты безжалостно подавлялись. Чтобы их более не возникало, за всеми колониями следил вездесущий Комитет. Его главной задачей был отлов и уничтожение повстанцев, требующих независимости.

Приблизительно так выглядел этот мир сто лет назад. Внешне ничего не изменилось: повстанцы, Комитет, помогающая ему полиция, всемогущая Метрополия.

Но Флёр Дешанель знал: мир давно не тот. И жители колоний даже не представляли, насколько всё изменилось.

ГЛАВА 3. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ.

Штаб-квартира колониальной полиции, как и все важные административные здания, располагалась в центре Терраны. По периметру она была обнесена высоким бетонным забором, с каждой из четырёх сторон располагался пропускной пункт. Само здание представляло собой серый бетонный прямоугольник из двадцати этажей без особых архитектурных излишеств. На крыше располагалось несколько посадочных площадок.

На одну из них и опустился лёгкий патрульный вертолёт. Из него выпрыгнули два человека, и он полетел дальше, а люди направились ко входу в здание.

Если верить полицейской картотеке, одного звали Ирвин Интерфер, а второго Крис Когель. Оба носили звание «лейтенант колониальной полиции» и служили в отделе рудной безопасности Департамента Поддержания Стабильности.

Ирвин и Крис ещё были в штурмовой форме, хотя от песка Фабрики им уже более-менее удалось отряхнуться. Эти двое не были ударной силой полиции, совсем напротив, отдел рудной безопасности занимался расследованием диверсий в шахтах, на заводах и производствах. Большая часть их работы была скучна и обыденна: изучение отчётов экспертов, работа со свидетелями, осмотр мест преступления и, конечно же, поиск, поиск, поиск диверсантов всеми доступными средствами. А диверсий на беспокойной Шарре хватало, спасибо повстанцам. Изредка напарников привлекали для участия в штурмовых операциях. И хотя сражались они далеко не в авангарде, такие вылазки становились настоящим событием. Сегодняшний разгром базы повстанцев был главной темой разговора на ближайший час, но из-за свиста улетающего вертолёта они начали свою оживлённую дискуссию только внутри здания.

– Нову так и не нашли! – тот, на чьей форме значилась фамилия Когель, был намного эмоциональнее своего друга. – Куда, ну куда она опять подевалась?

– Крис, прочесали всё, при том, что территорию всё время контролировали и в шахте так и не нашли никаких подземных лазов, – Ирвин был куда спокойнее своего напарника. – Я думаю, ответ элементарен: её не было на Фабрике в момент штурма.

– Да была она! Все захваченные повстанцы из тех, что начали говорить, её видели! Все!

– И что? Последний раз её видели за полтора часа до начала нашей операции, потом она якобы ушла спать. За полтора часа я пешком от этой базы до Рекуренты добегу. А она явно не пешком ходит.

– Ну про полтора часа – это ты загнул, – хмыкнул Крис. – Там до Рекуренты километров сто.

– Я условно сказал.

Лейтенанты спустились по чердачной лестнице и попали на последний, двадцатый этаж здания. По нему уже ходили сотрудники, тянулся длинный коридор с дверями кабинетов. Понятно, что в штаб-квартире полиции случайных людей не было, каждый из встреченных Крисом и Ирвином имел звание, должность и личный идентификационный номер. То есть не обычные зеваки. Потому никто не стал задавать им лишних вопросов, но любопытные взгляды они ловили на себе постоянно. Весть о штурме Фабрики уже разносилась по этим коридорам, даже локация базы перестала быть секретом, и всем было очевидно, откуда вернулись эти двое в пыльной форме.

Но человеческое любопытство непобедимо. В огромном светлом лифте напарники ехали со случайным коренастым капитаном-попутчиком, по виду явным представителем Департамента Тыла. Он-то и спросил вполголоса:

– Ну как всё прошло, ребята? Всех поймали?

Ирвин открыл было рот, но Крис сделал невероятно серьёзное лицо и холодно ответил:

– Это секретная информация, всё, что нужно, вы узнаете из новостей и внутренней рассылки.

Капитан округлил глаза и поспешно кивнул. Лифт как раз остановился на его этаже, и он быстро вышел, смешно семеня своими короткими ножками. Двери закрылись, и Ирвин прыснул:

– Секретная информация? Да все каналы уже вот в такую, – тут он развёл руки в стороны, – вот в такую трубу трубят о том, что случилось. А ещё через час начнут подробности обсасывать.

– Вот когда начнут, тогда и поговорим, – Крис сохранил нарочито-серьёзное лицо. – А пока секре-ет.

Лифт проехал их родной седьмой этаж, проехал и первый и устремился ещё ниже. Двадцать этажей полиции были видны лишь простым смертным, на самом деле штаб-квартира уходила в землю ещё на четыре этажа. Внизу располагались бомбоубежища, оружейная, тир и архив. Но так глубоко напарникам было не нужно: они вышли на минус первом этаже, где были хозяйственные помещения: раздевалки, душевые кабинки и даже небольшая сауна.

Шкафчики Криса и Ирвина располагались по соседству и мало напоминали раздевалку какого-нибудь завода. Это неудивительно: в них постоянно хранилась парадная, повседневная и штурмовая форма полицейского, тревожный чемоданчик и всё оружие, закреплённое за сотрудником. К примеру, у Ирвина была личная винтовка со встроенным передатчиком, тяжёлый двадцатиоднозарядный пистолет «Стерк» и лёгкий «повседневный» шестизарядный «Корт». А помимо всего этого, туда же убирались всякие личные вещи, вроде шампуня, мыла, дезодоранта, и гражданская одежда в рабочее время. Так что личный шкафчик сотрудника больше напоминал шифоньер: широкий, высокий, глубокий, двустворчатый. Правда, он был не деревянный, а металлический.

По желанию, сотрудники могли сдать оружие и в оружейную, но так делали, только когда было подозрение на неисправность или сбитый прицел. А вообще, там хранился только резерв и спецсредства на случай массовых волнений.

Освободив себя от штурмовой формы, друзья заняли соседние кабинки:

– Наконец-то душ! У меня эта пыль уже в лёгкие, наверное, попала. В рот-то точно! Как они там жили? – Крис включил сильную струю горячей воды и принялся энергично смывать с себя всё лишнее.

– Ко всему привыкаешь. Да и пыль-то больше мы подняли, тоже не забывай. Я не думаю, что там в обычное время бетонная крошка в воздухе летает.

Некоторое время они молчали, потом Ирвин спросил:

– Слушай, а у тебя какие планы на выходные?

– Не знаю пока. А есть предложения?

– Да можно куда-нибудь выбраться, мяса поесть, пива попить.

– Я не против, так-то. Давай. Какой день?

– Давай в субботу. Расскажу тебе кой-чего.

– Уж не про ту ли рыженькую, с которой, ты говорил, познакомился?

– А вот и узнаешь!

Если судить по личному делу Криса Когеля и Ирвина Интерфера, помимо работы, их связывала давняя дружба.

ГЛАВА 4. НОВА.

Колониальная полиция весьма условно представляла себе внешность Астры Новы. Самая свежая её фотография была восьмилетней давности, она же была и последней: с тех пор девушка никогда не снималась специально, а на видеообращениях от Сопrotивления её лицо было в маске. Честно говоря, Астре не хватало возможности взглянуть на себя два-три года назад, иметь общий портрет с дорогими людьми или просто полистать свой фотоальбом. Иногда так и подмывало сделать маленький снимок и тут же его удалить. Но... Такова была плата за безопасность: любое фото потенциально могло её выдать, и она не делала его принципиально.

Конечно, оставалась последняя крайность: ДНК-тест. И образцы её ДНК у полиции были, равно как и всех жителей всех колоний. Но чтобы сделать такой тест, нужен забор генетического материала (кровь, кожа или волосы), нужна лаборатория, нужно время. Уровень местных криминалистов был весьма невысок, тут вам не Континент. Так что генетические тесты делали в основном постфактум, для стопроцентного установления личности. А при объявлении в розыск руководствовались лишь приметам да фото.

За восемь лет лидер Сопrotивления остригла волосы, сменила манеру одеваться, научилась использовать макияж так, чтобы каждый раз выглядеть чуть-чуть по-разному. И, конечно же, имела в кармане чистые документы. Правда, почти никак нельзя было замаскировать её небольшой рост. Но это спорная примета: мало ли коротышек на Шарре?

Единственным местом, где её гарантированно могли опознать, были базы повстанцев: вот там из маленьких хрупких девушек только она и была. Потому Астра всегда с большой осторожностью посещала Фабрику, Кречет и Призму, везде у неё был план отхода. Впрочем, Фабрики больше не было...

Сегодня у девушки было важное и опасное дело. Сумев сбежать с рассекреченной базы, она даже не думала появляться на двух других и залегла на дно. Долгие и томительные две недели прошли в одной из гостиниц Терраны, столицы и крупнейшего города Шарры. Всё это время девушка смотрела телевизор в номере и каждый день выходила гулять, отслеживая, нет ли за ней хвоста. Чудесное спасение лидера Сопrotивления ей самой казалось каким-то неправдоподобным, потому она осторожничала больше обычного.

Но за эти две недели Астра не обнаружила ни намёка на слежку. По ночным улицам за ней не кралось ни одной тени, днём на неё буднично смотрели жители столицы, полиция, даже встретилось несколько агентов Комитета, которых она опознала по «Стеркам» в скрытой кобуре. Но никто не интересовался маленькой неприметной девушкой.

И вот вчера она пошла на первый решительный шаг: вышла на контакт со своими. Шаг был крайне рискованный: теоретически, всё это время за ней могли незримо наблюдать. Но лежать на дне дольше просто не было смысла. Вряд ли её противники работали настолько чисто, что не выдали себя за всё это время. Значит, пора вылезать из норы. Чтобы это сделать, Астра выбрала самый безопасный и надёжный путь — Ринга.

Ринг был куда более засекреченной и влиятельной личностью, нежели сама девушка. Этаким «серый кардинал» их движения. Если она частенько выступала с обращениями к народу Шарры, которые распространяли повстанцы, и была неким символом Сопrotивления, то Ринг не появлялся никогда и нигде. Формально про него не было известно полиции, хотя почти наверняка какой-то информацией их противники располагали. И всё же Ринг старался не светиться без нужды. Он же отвечал за самое главное в их борьбе — за финансирование повстанцев. Откуда берутся деньги и какими путями попадают по назначению, девушка старалась не вникать. Революция — это всегда грязно. Однако пополнение фондов обычно происходило после очередного громкого ограбления банка или учреждения Метрополии. Все всё понимали, но вопросов не задавали.

Астра о Ринге тоже знала немного, но лучшей кандидатуры найти было трудно. Все эти две недели она обдумывала происшествие на Фабрике. Конечно же, первой её мыслью было, что её чудесное спасение — обыкновенная провокация и теперь полиция ждёт, когда она приведёт их в следующее логово повстанцев. Но поскольку и тени слежки обнаружено не было, девушка решила сделать следующий шаг. «Серый кардинал» был невероятно осторожен, имел связи в колониальной полиции и среди мелких уличных преступников. Если бы он что-то заподозрил, то не пошёл бы с ней на контакт, и это служило бы главным подтверждением того, что за ней всё же следят. Но.

Но Ринг откликнулся на её тайное послание, которое использовалось в экстренных случаях. И сейчас, сидя в кафе в самом центре Терраны, Астра уже видела сутулого и чуть неуклюжего мужчину, который приближался к её столику.

— Я могу присесть?

— Садитесь, — девушка указала рукой на пустой стул напротив. — Вы пришли, значит, мне нечего бояться?

Ринг присел и жестом подозвал официанта. Девушка молчала, пока он делал заказ. Но даже после того, как официант отошёл, Ринг не проронил ни слова. Астра тоже не собиралась говорить первой: она и так уже задала вопрос. Наконец, её собеседник не выдержал:

— Нет, всё в порядке. Хвоста за тобой нет. Всё чисто, и меня это пугает. Когда я узнал о штурме Фабрики, то был уверен, что мы больше не увидимся. Но вот ты здесь. Думаю, я имею право на какое-то объяснение.

– Имеете. Но я не знаю, что мне ответить.

Астра подробно рассказала всю историю её спасения. Она специально выбрала столик в углу, они сидели в удалении от основного зала, и лёгкое гудение вечернего кафе полностью скрывало их беседу от любопытных ушей. Конечно, их могли прослушивать более технологичными устройствами, но Астра знала, что любой конспирации есть предел. Это была её личная защита от паранойи – всему есть граница, в том числе мерам предосторожности.

Ринг слушал не перебивая. Когда она закончила, он спросил:

– Ты знаешь, как звали того штурмовика?

– Когда он наклонился, я видела нашивку на куртке. Судя по ней, его зовут Крис Когель.

– А звание?

– Они не надевают на штурм знаков различия.

– Да, точно, они ж там все одинаковые. Давно я на штурмах не бывал.

– Радуйтесь. Ну что вы на всё это скажете?

Ринг вздохнул и посмотрел на девушку. Астра знала, что его взгляд может быть очень жёстким, но он редко показывал свою внутреннюю силу. Вот и сейчас он смотрел на неё обычным, немного растерянным взглядом:

– Я думаю, что больше всего это похоже на какую-то провокацию. С тобой, Астра, в главной роли.

– Вы меня не подозреваете, иначе бы не пришли.

– Тоже верно. Хотя подозревать стоило бы. Сама подумай: шикарная провокация. Полиция тебя отпускает, а ты приводишь их в наши логова.

– Гнилая провокация, Ринг. Я прекрасно знаю, где находятся Кречет и Призма. Как раз правильнее было бы меня взять под защиту, а наши базы брать штурмом. Кроме того, если это я навела их на Фабрику, то зачем сама околачивалась там? Штурм дело такое: прихлопнет случайный выстрел – и нет Астры Новы.

Девушка знала, о чём говорила. Прошное своё ранение она получила именно так – шальной пулей. И Ринг тоже это знал.

– Ну хорошо. А если цель – это не наши базы, а, скажем, я?

– Но это значит, что вы давно бы лежали со скрученными руками. Если бы вообще пришли.

Ринг, я сама не очень понимаю, что произошло на Фабрике. Но это мало напоминает мне провокацию. Потому в первую очередь надо бы побольше узнать об этом Когеле. Вы сможете это сделать?

– Смогу. Думаю, ради такого дела надо будет засунуть нос в полицейскую картотеку. Это недёшево, но того стоит.

Астра Нова улыбнулась:

– Именно поэтому я и решила встретиться с вами. Представьте, какие мы получим перспективы, если в наших рядах окажется штурмовой офицер?

Ринг промолчал, но по его лицу было видно, что представил. Перспективы и правда были что надо.

ГЛАВА 5. ВАЙОЛЕТ.

Дождь на Шарре почти всегда начинался внезапно. Поднимался сильный ветер, ясное небо моментально затягивало свинцовыми тучами и начинался настоящий ливень. Этому было какое-

то научное объяснение, Ирвин даже читал про это, но потом забыл за ненужностью. Просто факт оставался фактом: колония была богата на ресурсы, но вот с климатом ей повезло куда меньше, чем континентальной Метрополии. Там погода была спокойней: если начинался дождь, то между первыми каплями и хорошим ливнем проходило не меньше получаса, их вода ни разу не замерзала, но и не прогревалась выше температуры человеческого тела, сильные ветры также не дули. Прямо не континент, а теплица. Островной Шарре о таком было только мечтать: колонию бросало то в жар, то в холод, на несколько месяцев побережье сковывало такими льдами, что вода промерзала на полметра вглубь, однако потом всё таяло, начинался сезон дождей, за ним — месяц изнуряющей жары, похолодание и всё по новой. В таких условиях с сельским хозяйством было трудно, сажали только самые стойкие культуры и выращивали животных. Остальные продукты получали с Континента, а занимались в основном добычей ресурсов, их переработкой и производством. Впрочем, как и все колонии.

В этот раз погода не изменила своему любимому сценарию: небо моментально затянуло свинцовыми тучами, и уже через минуту ливень был как из душа. Ирвин даже ему порадовался: настроение было подстать, сырое и тоскливое. Он любил прогуляться от штаба полиции до своей квартирки пешком, немного подумать о жизни и помолчать.

Трудно сказать что, но что-то подъедало молодого лейтенанта изнутри. Его жизнь вроде бы шла по плану. Понятное дело, что работа в колониальной полиции была далеко не сахаром, но она щедро оплачивалась и Ирвин принадлежал к той небольшой части населения Шарры, у кого были хоть какие-то перспективы. Уже это дорогого стоило, ведь все его сверстники из небольшого посёлка Рута отличались друг от друга только названием шахты или предприятия, где они трудились рядовыми сотрудниками. Ирвин же в свои двадцать девять лет уже умудрился получить офицерское звание.

Конечно, его успеху сильно помог случай. Восемь лет назад, когда на Шарре поднялся мятеж, тогда ещё молодой постовой Интерфер выбрал сторону Метрополии и не прогадал. Сейчас к этому можно относиться по-разному, но Ирвин никогда не жалел о своём выборе. Ни одна революция не принесла счастья, развитие общества идёт только путём эволюции. Потому тогда, восемь лет назад, когда всё только начиналось, он предупреждал бывших сослуживцев, что вооружённый мятеж — это не выход, он не поможет освободиться от гнёта Метрополии. Всё станет только хуже. Ему не верили и вежливо послали, мол, раз такой умный — иди на другую сторону и сражайся с нами. И не жалуйся, когда тебя будут судить за предательство Шарры.

Ирвин так и поступил. А дальше... Известная история: Метрополия оказалась сильнее, судили как раз мятежников, а ту маленькую толику полицейских, оставшихся верными своей присяге... Нет, их не осыпали золотом и званиями. Их просто оставили в обновлённой колониальной полиции. Заставили пройти переобучение в Метрополии, дали офицерские звания и напоминали об их происхождении при любом удобном случае. Ирвин всё никак не мог подобрать то слово, которое бы выражало отношение к ним. С одной стороны — постоянные подозрения, недопуск ко многим секретам и негласный надзор, который был установлен над «старой гвардией» с первых дней возвращения в ряды полиции. Со временем это ушло в прошлое. С другой, повышение в звании, надбавка за верность и бесплатное переобучение на офицера. Интерфер, к примеру, начиная с постового, и думать не думал, что окажется в погонах лейтенанта, не достигнув тридцати лет. Была ещё третья сторона, которая иногда сквозила в отношениях некоторых коллег: презрение. Как ни крути, большая часть старой полиции выступила против Метрополии. А «старая гвардия» предала своих коллег, переметнувшись на сторону более сильного противника. Где гарантия, что они не поступят так же ещё раз?

Словом, просто клубок противоречий, как и вся Шарра. В этой колонии вообще трудно найти хоть одну полярную вещь, всё тут серо и неоднозначно. Его наставник любил повторять фразу: «У монетки всегда есть две стороны, вопрос лишь в том, какой она выпала тебе сейчас». Кстати, наставника убили во время восстания. Он выступил не за тех.

Ирвин щёлкнул складным зонтиком, и над его головой раскрылся чёрный матерчатый купол. Если ветра не будет, то поможет остаться более-менее сухим. Да и дом уже совсем близко, однако Интерфер особо не торопился: за день он насиделся в светлом душном кабинете, и прогулка под освежающим дождём сейчас была кстати.

Итак, трудный выбор молодого лейтенанта был сделан много лет назад, и пока жизнь доказывала, что сделан он был верно. С каждым годом о мятеже вспоминали всё реже. Иногда даже казалось, что это всё было не здесь и не с ними. Впереди было будущее, будущее в составе Метрополии. Каким оно будет? На этот вопрос по-прежнему никто не мог ответить. Но Ирвин был уверен, что дальше будет только лучше. Тогда Шарра всё же удержалась и не свалилась в пропасть анархии, сейчас повстанцы уже не так сильны и колониальная полиция обязательно добьёт оставшихся. А раз сорвалась революция, значит, колония пойдёт по пути эволюции. На этом пути редко становится хуже. Во всяком случае, Интерфер в это верил.

От этих мыслей лейтенанта отвлекла грустная картинка. Внутри стеклянной остановки от дождя спряталась девушка. То ли у неё не было зонта, то ли она его просто не открыла. Судя по виду, на дождь она внимания не обращала. На лице застыло отрешённое выражение, по щекам текли слёзы. Притом это всё было как-то отдельно друг от друга: девушка вроде и не плакала, тем не менее было видно, что мыслями она сейчас где-то далеко от этого места.

Ирвин вздохнул. Нравится ему это или нет, но пройти мимо такой сцены сотруднику полиции нельзя: девушку могли ограбить, или она оказалась жертвой насилия. Да и чисто по-человечески надо хоть спросить, что произошло. Ирвин подошёл к остановке. Девушка его не заметила. Тогда лейтенант начал первым:

– Простите! У вас всё в порядке?

Девушка подняла голову. Ирвин непроизвольно отметил, что, несмотря на слёзы и припухшие глаза, она выглядела гораздо выше среднего. Спортивная подтянутая фигура, приятное лицо. На вид ей можно было дать лет двадцать пять-тридцать.

– Что вы спросили?

– Я спросил, всё ли у вас хорошо. Я сотрудник полиции. У вас что-то произошло?

Девушка вздохнула и снова опустила голову:

– Произошло. Жаль, что полиция не занимается супружескими изменами. Я бы написала вам заявление.

Ирвин хмыкнул. Было видно, что девушка просто раздавлена, но даже в такой ситуации нашла в себе силы немного пошутить. Он любил таких людей.

Однако девушка была права: супружескими изменами полиция не занималась. Ими вообще никто не занимался, свобода выбора одинаково работала и в Метрополии, и на Шарре. Лейтенант вдруг понял, что не хочет уходить так просто. С другой стороны, протокол он выполнил и сказать ещё что-то... Только что? Почему хорошие идеи не приходят в голову, когда они так нужны? Хотя стоять и молчать было бы глупее любой нелепой реплики. Так что:

– Какой смысл переживать из-за кого-то в вашем возрасте?

– Что? – девушка снова подняла голову и непонимающе посмотрела на Ирвина. – Как понять «в моём возрасте»?

– Ну сколько вам? Двадцать пять? Двадцать четыре?

– Двадцать шесть, – ответила девушка. – Но я не понимаю вашей мысли...

– Ирвин, – представился Интерфер и протянул руку.

Девушка осторожно пожала её:

– Альбина. А вы точно из полиции?

– Могу значок показать, – Ирвин вдруг почувствовал, что самый первый и трудный барьер, когда незнакомому человеку нечего сказать, он уже прошёл. А потому присел на скамеечку в некотором удалении от Альбины и продолжил мысль:

– Даже если вам изменил супруг, в вашем возрасте вы ещё десятерых успеете найти, прежде чем такой поступок станет проблемой. Тем более, с вашей внешностью.

Девушка удивлённо посмотрела на Интерфера и хмыкнула:

– То есть вы полицейский психолог?

– Нет, я оперативный сотрудник. Это я так, из житейского опыта.

– Ирвин, не считите за наглость, но можно всё-таки увидеть ваш значок?

Лейтенант чертыхнулся про себя. Только что сказанная фраза показалась ему оригинальным началом знакомства. Похоже, он ошибся. Пришлось показать значок.

Девушка взглянула на него, кивнула и снова опустила голову. Так они и сидели на скамейке под дождём чуть поодаль друг от друга.

«Что ж, не всегда всё выходит, как хочется», – вздохнул про себя лейтенант и поднялся:

– Ладно, Альбина, раз у вас всё хорошо... то есть всё в порядке в плане закона, я, пожалуй, пойду.

Девушка ничего не ответила.

Интерфер развернулся и, мысленно ругая себя, направился к дому. Какой он всё же бывает неуклюжий, аж самого злость берёт. Но не успел он сделать и пары шагов, как вдруг услышал голос Альбины:

– Лейтенант, а вы не хотите выпить кофе?

ГЛАВА 6. ПЕРВЫЙ ЗВОНОК.

Рекурента была столицей Шарры практически с самого основания колонии. Она располагалась в стратегическом месте – посередине всех рудников, на перекрёстке важнейших дорог. На её территории находились обогатительные и перерабатывающие заводы, куда свозили добытую руду, также в черте города располагался грузовой аэропорт, откуда переработанные ресурсы вывозились в Метрополию. Идеальная столица.

Правда, для жизни этот город был непригоден совершенно. За много десятилетий откачки нефти и руды, их обогащения и перегонки вокруг Рекуренты образовалась вымершая пустыня, выжженная соляной кислотой и загрязнённая метровой толщей выбросов. Сам город представлял собой набор хмурых серых зданий, занятых под заводы и фабрики.

Чуть в отдалении находился бывший жилой район, однако сейчас он был наполовину пуст. В Рекуренте жили вахтовым методом сменные рабочие производств и добычи, а также небольшая часть администрации и обслуживающего их персонала. Большая часть бюрократии давно переехала в Террану, а рабочие вне вахт жили в небольших посёлках по всей Шарре. Собственно, Террану в своё время строили с одной-единственной целью: вывезти людей из мёртвой промышленной зоны, чтобы хоть как-то снизить нереальный уровень смертности от

выбросов. Оказалось, что построить чистую столицу дешевле, чем постоянно находить и обучать новый персонал взамен умершего.

Мера принесла желаемый результат, после появления Терраны продолжительность жизни среднего обитателя колонии выросла вдвое, с тридцати до шестидесяти лет. Потому символом новой столицы стал медицинский крест. Кто-то из лояльных Метрополии политиков подчёркивал это в своих выступлениях, вот, мол, смотрите, Континент заботится о нас, а не только качает ресурсы. О том, что в самой Метрополии средняя продолжительность жизни составляет девяносто лет при качестве на порядок лучше, скромно умалчивалось.

Астра родилась именно в Рекуренте, в одной из последних семей, которые ещё жили здесь на постоянку. Здесь же прошло её детство, омрачённое чередой болезней и аллергий. Пару раз она даже была при смерти, но что-то помогало выбраться. И каждый раз это были не врачи: уровень медицины в городе был крайне невысок. Возможно, потому она так и осталась хрупкой и маленькой. В итоге, когда девушке было тринадцать лет, их семье всё же дали жильё в Терране, но грязный город до сих пор был одним из самых сильных её воспоминаний.

Сегодня ей предстояло туда вернуться: через Рекуренту легче всего было попасть на самую маленькую и самую защищённую базу повстанцев – Кречет.

Самым простым способом пересечь рукотворную пустыню и попасть из новой столицы в старую был поезд. Он ехал семь часов с двумя небольшими остановками, именно так передвигалось абсолютное большинство людей. Собственно, поезд мог быть только пассажирским, грузы и почту возили по воздуху транспортными самолётами.

Астра не стала брать индивидуальное купе, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания проводников, ведь пассажир высшего класса получает перворазрядное обслуживание. А значит, велик шанс, что кто-нибудь из персонала железной дороги сможет её опознать.

Нет, она выбрала обычный мягкий вагон. Он представлял собой длинные ряды кресел, по два с каждой стороны, и широкий проход между ними. Современные поезда мало напоминали те сараи на железных колёсах, что возили шахтёров и нефтяников ещё пятьдесят лет назад. Сейчас они стали быстрыми, удобными и достаточно комфортабельными, что, впрочем, неудивительно. До того как попасть на Шарру, они ездили по Метрополии.

Вообще, трудно было не признать, что отношение к колониям сильно изменилось за последние полвека. Террана вполне могла сойти за одну из провинций своего доминиона, остальные посёлки также убирались, всячески облагораживались и содержались в порядке. Давно ушли в прошлое разбитые стёкла, горы мусора и тёмные улицы. Астра не могла назвать какую-то конкретную причину этих изменений. Тут был целый букет.

Разумеется, в первую очередь лодку раскачивали повстанцы своими призывами бороться против верховной власти. Метрополия была вынуждена задабривать жителей Шарры, всячески демонстрировать им, что они не рабы и совершенно не нужно устраивать какие-то революции: и так всё меняется в лучшую сторону.

Не меньший вклад вносил тот факт, что здоровые, сытые и более-менее довольные жизнью люди работали куда эффективней голодных и озлобленных рабов. Первой ласточкой этого курса стало строительство Терраны, и оно произвело такой мощный экономический эффект, что политика отношения к колониям была серьёзно пересмотрена. И всё же жители Шарры по-прежнему оставались рабами по своей сути. К примеру, они могли ездить в другие колонии, но не могли находиться там дольше тридцати дней без уважительной причины. Нужно было приглашение на работу, поступление в университет или государственная необходимость (ей

пользовалась полиция). Что же касается самой Метрополии, то там жители колоний вообще не могли находиться без веских оснований.

При этом была удивительная лазейка в законе: если кому-либо удавалось прожить в Метрополии более пяти лет, то он автоматически становился её гражданином, независимо от того, легально он жил там эти годы или нет. При этом после пяти лет срок давности нарушения иммиграционного законодательства считался истёкшим и уголовное преследование к таким переселенцам не применялось. Естественно, в Метрополии постоянно находилась огромная масса искателей лучшей жизни. На них регулярно устраивали облавы, которые заканчивались массовыми депортациями и судами в родных колониях.

Сакральный смысл таких действий понимали не все, но Астра понимала. Жители Метрополии не собирались пачкать руки, подметая улицы или вывозя мусор, а нелегальные мигранты готовы были делать эту работу за копейки. Если же человек мог просуществовать на Континенте на нелегальном положении пять лет, не попасть в тюрьму или под депортацию, значит, в нём были какие-то незаурядные способности, которые могли пригодиться Метрополии. Такой вот искусственный естественный отбор.

Хотя те, кто в итоге получал гражданство, как правило, всё равно миллионерами не становились. Улицы они, конечно, уже не мели, но всегда найдётся такая работа, для которой нужны руки или мозги и на которую не согласится коренной житель Континента.

В любом случае искать лучшей доли ехали единицы, большая часть оставалась жить в своих поселениях, и пределом мечтаний жителей Шарры продолжала быть Террана. Вот попасть туда было куда более реально, если человек имел хоть какие-то способности. Но многим не удавалось и этого. Именно руками этих многих Метрополия добывала нефть, руду, газ, перерабатывала это всё и вывозила к себе. А они жили по своим крошечным посёлкам, радовались, что больше не умирают от голода, и втайне мечтали о свободе от колониального статуса.

Девушка выбрала самый первый ряд кресел в вагоне: эти места находились прямо над колёсной парой, сильнее всего ощущалась тряска, и при полупустом вагоне люди стремились расположиться где-нибудь в центре. А Нове чем меньше внимания, тем лучше.

И всё же, когда поезд подъезжал к станции Рута, в соседнее с ней кресло опустился молодой человек. Он уже явно собирался выходить, в его руках была спортивная сумка, очевидно, просто хотел быть поближе к выходу. Но Астра всё равно насторожилась. Она по-прежнему глядела в окошко, но за много лет в Соппротивлении глаза выросли на затылке почти в буквальном смысле.

Молодой человек совершенно не заинтересовался своей попутчицей, напротив, смотрел в противоположное окно, через проход, и, казалось, о чём-то думал. Астра тоже молчала. До Руты оставалось минут десять, когда он вдруг повернулся к ней и с улыбкой спросил:

— Как много вы хотите узнать?

— Что? — девушка захлопала глазами. — Я вас не понимаю...

— Понимаете, я живу в Руте уже много лет, и мне показалось, что вам было бы интересно узнать о ней кое-что. Это хороший посёлок, добрый, чистый. У меня там есть друг, Крис, он, кстати, служит в полиции.

До Новы начало доходить. Свои весточки Ринг почти всегда передавал нетривиальными путями.

— Да вы что! Как интересно! И давно ваш друг служит в полиции?

— С двадцати лет, плюс год обучения и стажировки.

– А... ммм... Как получилось, что он захотел дружить с вами?

Молодой человек улыбнулся:

– Я вам не смогу ответить на этот вопрос. Думаю, что тут нужно поговорить с самим Крисом. Но пищу для размышления дать могу.

– Интересно услышать.

– Три года назад его перевели в рудный отдел из другой колонии. Официальной причиной перевода была ротация кадров, но вы же знаете, что это формальная отписка. Перевод полицейского в другую колонию – серьёзный шаг, обычно это происходит по семейным обстоятельствам или когда нужно латать кадровые дыры. Но в этом случае указывают реальную причину: смена места жительства в связи с браком или необходимость данного специалиста на данной должности. Ротация кадров – слишком общая формулировка.

– И когда ей пользуются?

– Когда сотрудника поймали на коррупции, но доказательств не хватило. Чтобы он не почувствовал свою безнаказанность, его переводят подальше, на должность, где ему сложнее будет брать взятки и где он при желании сможет начать всё с чистого листа.

– И ваш друг начал такую жизнь?

– За три года – ни одного звоночка.

Девушка удовлетворённо откинулась в кресле. Помаленьку стали вырисовываться мотивы их тайного друга:

– Что ж, похоже, всё-таки зазвенело.

ГЛАВА 7. ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ.

– Моя история стара как мир, даже ещё древнее, – Альбина отхлебнула кофе из огромной чашки и вздохнула.

Они с Ирвином сидели в кафе «Дуал». Особенность этого заведения заключалась в том, что тут не было столиков, за которыми могли бы сидеть больше двух человек. Сами столы были круглые, и сдвинуть их вместе тоже было проблематично. В общем, «Дуал» предназначался для встреч вдвоём и только так. Хотя при желании можно было прийти сюда в одиночестве, но так обычно не поступали.

– Жить мы вместе не жили, и брак наш не зарегистрирован. Да и... какой это брак. Это я так, не отошла ещё, наверное. Просто мне нравилось называть его своим мужем... Сейчас-то я понимаю, как глупо всё это было.

– Ну почему же глупо? Скорее, преждевременно, – Ирвин сам чувствовал, что излишне осторожничает в выражениях, но второй раз спугнуть Альбину ему не хотелось. Получалось ещё глупее, как будто он под неё подстраивается. Впрочем, похоже, девушка уже решила не сбегать.

– Глупо, лейтенант Интерфер. Кстати, красиво звучит, у вас приятная фамилия. Вообще, вы выглядите именно так, как я себе представляю полицейского офицера... Только, наверное, я не думала, что он будет таким большим.

Ирвин пожал плечами и не стал комментировать. Сохранил внешнее спокойствие, хотя от комплимента у молодого человека аж уши покраснели. Ну да, служба в полиции накладывала отпечаток на внешность.

– Но я отвлеклась... В общем... В общем, всегда есть звонки, которые нельзя игнорировать. Никогда нельзя, понимаете? Вот я вам сейчас это расскажу, и вы скажете: «Какая глупая». И я

так про себя могу сказать, глядя со стороны. А когда в этом всем соку варишься, оно ведь смотрится совершенно по-другому, понимаете?

Настроение и тон Альбины скакали волнообразно, она вроде успокаивалась и говорила спокойно, но периодически её накрывало эмоциями.

– Так вот. В моём случае маячок был. Серьёзный.

– Он любил свободные отношения и поглядывал по сторонам?

– Нет. Если бы. Даже такая дурочка, как я, поняла бы. А тут... Нет.

Ирвин был заинтригован историей.

– Так что же тогда?

– Бич процентов двадцати мужчин. Его мама. Точнее, не так, – тут девушка выпрямилась и сделала страшное лицо. – ЕГО мама. Я уже начала привыкать, что она лезет в нашу жизнь, когда и как захочет. И она считала, что я не пара её сыночку. То есть как не пара... Я родилась в Метрополии, как и они, но мой социальный статус, – тут девушка показала рукой над столом небольшое расстояние, – и их, – она задрала руку выше головы. – Происхождение, порода, деньги. Всё выше среднего.

– Я бы не сказал, что вы прям выглядите как бедняжка, – тактично заметил Ирвин.

– Ну и я не бедняжка. У меня есть работа, образование, всё такое. Но среднее, всё среднее. А они – далеко не такие. Я даже не понимаю, из-за чего мы сошлись. Хотя нет, теперь понимаю. Из-за его чувства протеста. У него оно такое... волнами, что ли. Он-то рогом упирается, пытается вырваться из-под гнёта своей мамы, но... но большую часть времени слушает её. Она тоже женщина неглупая, чего уж тут говорить. Тот год, что мы встречались, яма под меня копалась тихо и осторожно. Как я теперь понимаю... Да и всегда понимала, просто видеть не хотела. Вот, к примеру, приехали в гости к ним. Она прям вся такая со мной ласковая. Альбиночка, какие у вас красивые, тонкие музыкальные пальцы. Вы, случайно, не играете на рояле? Нет, я не играю, как-то не приходило в голову научиться. Не играете? Жаль, жаль, если бы вы были из аристократической семьи, вас бы обязательно научили.

Прям даже не знаешь, как реагировать. Вроде ж комплимент, а с подвохом. Начнёшь возмущаться – тебя же и засмеют, мол, как можно так реагировать на похвалу?

В общем. В общем, это была ситуация, когда она считала меня ему не ровней, но давала время погулять и побеситься. Пока мальчик молодой. И, проклятье... Обидно признавать, но тактика-то броневой: чем в лоб запрещать, показать, что ничего такого умопомрачительного в девушках попроще нет. Сладок запретный плод, а когда его не запрещают, то он... Ладно. Вот так мы с ним и жили какое-то время. А потом... А потом...

Тут девушка уставилась в одну точку и из её глаз вновь полились слёзы. При этом лицо оставалось таким же каменным.

– А потом... Я даже не думала, что так бывает.

Ирвин пил кофе маленькими глотками и слушал не перебивая, хотя очень хотелось поторопить рассказчицу. Уж больно интересно было.

– А потом он пригласил меня в кафе. Вот в такое же, ну только там много человек могло поместиться. Неделю назад. Пришли он, его мама и его невеста.

– Невеста? – Интерфер поперхнулся кофе.

– Невеста, – повторила Альбина. – Нет, ну красивая девушка, ничего не скажешь. Породистая. Благородных кровей, в Метрополии такое любят. Вы были в Метрополии?

– Я там четыре года учился. И я бы не сказал, что там важна какая-то чистокровность. Метрополией правят деньги, в меньшей мере связи. Кто богат и знает нужных людей – тот и на гребне. Я не встречал там такой щепетильности в вопросах родословной.

– Ну... Может, это мне сейчас мир видится таким полярным, я так-то раньше тоже на такое внимание не обращала. А его мама обращала. И невесту она ему подобрала подстать. С родословной, дочь людей с деньгами и связями. И поставила ему ультиматум... Либо они едут в Метрополию, играют там свадьбу и продолжают семейные дела, либо я, здесь, но он ей больше не сын. А куда он без неё?

– Он так боялся потерять наследство?

– Нет, скорее, он боялся остаться без её покровительства. И эта высокородная... жена его будущая, видно, из той же серии. Вот, собственно, и вся история. Они готовятся к свадьбе, а я хожу на работу, сплю, ем, а по вечерам слоняюсь по городу и реву. На следующей неделе поеду в другой город по работе. Наверное, там есть такие остановки, в которых я ещё не была.

Ирвин не удержался и хмыкнул. Всё-таки чувство юмора не оставляло Альбину, несмотря ни на что.

– Ну? Что скажете? Я идиотка?

– Идиотка, – Интерфер всё же нашёл в себе силы перестать юлить. – Самая настоящая. Но история не знает сослагательных наклонений, Альбина, что было, то было. Другой вопрос, сможете ли вы сделать правильные выводы из этой истории. Вот если сможете, подниметесь на одну мозговую ступень выше. Значит, не зря всё было. А если не сделаете, это будет обидно, потому что всё окажется зря.

– Интересная мысль, – девушка вновь отхлебнула кофе. – А делать-то теперь что?

– Ехать в другой город, обтереть скамейки на остановках там и так и слоняться, пока первый шок и первая боль не пройдут. Их ничто не снимет, их надо просто пережить. Поверьте человеку, у которого было ранение. А вот когда надоест – это и будет признаком того, что можно двигаться дальше. Тогда и подумаем.

– Подумаем? – тут девушка впервые улыбнулась. – Прямо вместе?

– Можно и вместе, если вам к тому времени не надоест скучное общество офицера полиции.

– Ну... пока интересно. А куда у вас было ранение, если не секрет?

– В руку. Больно, зараза, и ещё потом долго-долго восстанавливался. Это в кино всё так красиво: подстрелили героя, пулю вытащили, подлатали, и снова бегают как новенький. А в жизни всё как-то больше времени занимает.

ГЛАВА 8. ВЛАСТЬ КОНТИНЕНТА.

Два здоровых комитетчика, выкручивая руки пленному, затащили его в допросную комнату. Дешанель молча показал на стул с высокой спинкой и ремнями на подлокотниках. Пленного усадили и надёжно прикрутили, хотя он изо всех сил пытался вырваться.

Стул стоял посередине абсолютно пустой комнаты без окон и дверей. Стены были окрашены в серый цвет, бледное освещение давала единственная лампочка под потолком.

Флёр Дешанель расположился у одной из стен лицом к пленному повстанцу и рассматривал его. При этом лицо полковника не выражало ни единой эмоции. В отличие от своих коллег, он был в строгом деловом костюме, единственное, что его выдавало, – зажим для галстука с гербом Метрополии.

Повстанец чувствовал, что это не будет обычным допросом, он прекрасно знал, кто перед ним стоит, и готовился к худшему. Это был худощавый молодой человек, лысый, с глубоко посаженными глазами и застывшей ненавистью на лице. Неудивительно, что он пошёл в наступление первым:

— Я так понимаю, допрашивать меня будут недолго? Честно признаться, я очень устал, полковник Дешанель, и хотел бы поспать.

Флёр приподнял правую бровь и спросил:

— С чего вы решили, что допрос будет недолгим?

— Полковник, вам же явно не двадцать лет, а стул в этой комнате есть только у меня. Долго ли вы на ногах-то?

Дешанель пожал плечами и достал из кармана какую-то коробочку:

— Я готов допрашивать вас хоть сутки. Но вы правы, я попросил бы себе хоть какую-нибудь табуреточку. Как видите, мистер Леру, её нет. Значит, мне нужно поторопиться. Вас же зовут Пьер Леру, не так ли?

Пленный особо не удивился, что его личность уже раскрыта:

— Допустим, я Пьер Леру. Даже больше вам скажу, не допустим, а так и есть. Хотите, даже расскажу несколько фактов из своей биографии?

— А я смотрю, разговор у нас неожиданно клеится. Что ж, мистер Леру, я весь внимание.

— Я родился в поселении Миранда, колония Шарра. Мне двадцать три года.

Флёр кивнул и жестом показал Пьеру продолжать.

— Мои родители работали на медной фабрике, той самой медной фабрике, где меня задержали в момент штурма... Я даже не знаю, сколько времени прошло с тех пор.

— Две недели, — учтиво подсказал Дешанель.

— Две... погодите, как две недели? Две недели?

— Две недели.

— Ну допустим. Моя мать умерла, когда мне было тринадцать, что-то с лёгкими. На Фабрике плавил медь, а когда плавится медь, выделяется большое количество соляной кислоты. Вы знаете?

— Нет, вот вы уже рассказали мне что-то новое. Видите, это не так сложно.

Пьер с ухмылкой посмотрел на Дешанеля, ожидая увидеть хоть тень издёвки. Но тот оставался непроницаем. Как будто ему и правда интересно было, как выплавляется медь.

— После её смерти я, отец, брат и моя младшая сестра получили крошечную подачку от Метрополии.

— Наверное, вы про пенсию?

— Называйте, как хотите. Может, я бы даже сказал вам за неё спасибо. Вырос и пошёл работать на шахту или на другую Фабрику, нашу-то закрыли вскоре после смерти мамы.

— Но?..

— Но. Вы знаете, что случилось с моей младшей сестрой?

— Во время мятежа, восемь лет назад, её, четырнадцатилетнюю девочку, изнасиловали и убили. Насколько я знаю, это сделала группа мятежников прямо в штабе колониальной полиции,

— Дешанель оставался непроницаем. — Это ужасная трагедия, и я вам искренне сочувствую. И мне тем более непонятно, как после такого вы пошли в это, как вы его называете, Соппротивление.

Глаза Пьера налились кровью, и он попытался рвануть со своего места, но ремни только впились ему в предплечья и запястья.

– Ложь! Вы отлично знаете, что ложь! Её изнасиловали, жестоко изнасиловали. Отец рассказал как-то, когда выпил, он был на опознании тела. Во все места. А в конце на спине поставили клеймо! Герб Метрополии! Это, по-вашему, сделали мятежники?

– По мне, так ни частям армии Континента, ни той части полиции, что осталась верна Метрополии, было не до жестоких изнасилований. И, поверьте, мы не звери. У нас есть смертная казнь, тюремное заключение. Но вот клеймения в арсенале наших наказаний нет уже очень давно. Тем более, массового изнасилования. Штаб полиции на тот момент был занят мятежниками, что там творилось потом, детально устанавливало следствие.

Пьер горько усмехнулся и опустил обратно:

– Нам говорили то же. Только мы оба знаем, что это неправда. Метрополия всегда была очень изобретательна в отношениях с колониями. В самую гущу мятежников запустили несколько диверсионных групп, которые отлавливали детей и делали с ними примерно то же, что с нашей Жюстин. Тогда это было что-то вроде послания мятежникам и тем, кто их поддерживал: не прекратите бунт, это случится и с вашими детьми. После разгрома всё на самих же мятежников и свалили.

Дешанель пожал плечами:

– Я был тут восемь лет назад, от начала и до конца. Ничего подобного не было, уверяю вас. Было много пьяных и ошалевших от вседозволенности людей. Анархия выпускает на волю худшие человеческие качества. Потому я борюсь с ней всеми силами.

– Но что-то тех уродов вы найти не смогли. А я смог! Слышите, нашёл двоих! Они спокойно жили, причём в Терране. Никогда не были осуждены. Я втёрся к ним в доверие, и мне удалось разговорить их. Не просто так, разумеется, пришлось купить им выпить. Не раз пришлось. И они рассказали, сначала первый, потом второй, один в один! Они уже давно не виделись, я отлавливал их по очереди, и оба раза история была одинаковая. Они делали это на деньги Метрополии.

Дешанель почувствовал, что ноги начинают уставать, и решил немного размяться, потому неспешно двинулся вокруг стула:

– Вот бы вам и насторожиться, мистер Леру. Столько лет прошло, а истории одинаковы, как по нотам. Редко коллективная память бывает так точна. Впрочем, я вряд ли посажу в вашей душе зёрна сомнения, я это вижу. Вы верите в свою правду, что ж, это ваше право. Меня интересует другое.

Леру выгнул шею, пытаясь уследить за Дешанелем:

– Мой отец спился и замёрз под забором. Это тоже не тайна. Он так и не смог пережить всё то, что случилось с Жюстин. Брат переехал жить в колонию Аваст, что-то там ему предложили, помогал деньгами иногда.

– Разумеется, я и про это знаю. Ваш брат – Жан Леру. На Авасте у него легальный и весьма прибыльный бизнес, кроме того, он известен как меценат. Похвально. Но не скажу, что мне это прямо интересно.

– А что же тогда? Астра Нова?

– Не поверите, но и про неё вы вряд ли мне что-то новое расскажете! Не-е-ет, мистер Леру, меня интересует совсем другой человек, – Дешанель к тому времени уже обошёл стул вокруг и встал прямо перед Пьером. Его холодные глаза буквально впились взглядом в юношу.

– Знакомо ли вам имя... Ринг.

Пьер вздрогнул. Разумеется, он знал, кто такой Ринг, даже видел его один раз. И уж точно он знал, что никогда и ни за что не выдаст никакой информации об этом человеке.

– Нет. Имя Ринг я слышу в первый раз.

Дешанель открыл коробочку, которую всё это время держал в руках, и принялся рассматривать содержимое. Попутно продолжая задавать вопросы:

– Вы уверены в этом, мистер Леру? По моей информации, как раз-таки вы знаете о Ринге больше других. Казалось бы, странно. Совсем ещё юный член Сопротивления, особыми талантами не блещете, на войну с Метрополией пошли из-за какой-то своей выдуманной мести. И вдруг – прямая связь с самим Рингом! Невероятно. Когда я вас запросил для допроса и объяснил причину, меня чуть на смех не подняли. Спасло то, что меня боятся поднимать на смех. Меня вообще боятся.

– Не я, – решительно ответил Пьер. – Вы задали вопрос, я ответил. Никакого Ринга я не знаю.

Дешанель как будто не заметил его ремарки:

– Итак, все такие удивлённые доставили вас сюда, ко мне, и никак не могут понять: что ж я в вас такого углядел? Но вы только что сами дали мне ответ. Вы таки разыскали двоих палачей своей сестры, вы планомерно втирались к ним в доверие, вы узнали, что хотели, и убили их. Ну, вы не отрицаете.

– Нет, в этих убийствах я готов признаться.

Дешанель, который до этого стоял перед Пьером во весь рост, вдруг стремительно подошёл к нему, слегка наклонился и заглянул прямо в глаза:

– Я НЕ ВЕРЮ, что существовал способ найти этих людей без чьей-либо помощи, у вас в жизни не хватит связей и мозгов такое провернуть! И то, что вы планомерно втирались в доверие ИМЕННО к тем, кто убил вашу сестру, говорит об одном. Вам кто-то их сдал. Но кто?

Тут Дешанель распрямылся и снова начал ходить вокруг стула, но уже куда быстрее. Ускорилась и его речь, полковник нагонял панику:

– В этой колонии есть несколько повстанцев, способных раздобыть любые сведения. Ринг – главный из них. А ещё он очень любит иметь везде глаза и уши. Не преданных людей, а именно глаза и уши, которые могут передать ему то, что говорят неформально, не при всех. А как завербовать себе глаза и уши? Найти фанатичного человека с целью и помочь ему в достижении цели! Всё! – Флёр громко стукнул рукой по спинке стула, Пьер вздрогнул. Потом слегка прикрыл глаза и тихо сказал:

– Больше я вам ничего не скажу.

– Ошибаетесь, мистер Леру. Я скажу вам, что будет дальше. Вариант первый: вы говорите всё, что знаете. И возвращаетесь в камеру. Никто и никогда не узнает о нашем разговоре. Кроме того, я гарантирую, что вам сохранят жизнь, а вот ей, – тут он достал из коробочки фотографию и поднёс к глазам Пьера, – а вот ей сохранят ещё и свободу. Мы оба знаем, что она почти ни в чём не замешана, думаю, условное освобождение для нескольких задержанных на Фабрике организовать не так уж сложно. Мы же не звери. И ваши соратники не заподозрят подвоха, в конце концов, что уж такого можно повесить на медсестру, пусть и медсестру базы повстанцев.

Пьер лишь мельком взглянул на фото. Он почти сразу догадался, что там изображена та самая девушка, врач с Фабрики. К которой он... да он и сам не знал, что он к ней чувствовал, просто понимал. Она для него важна... Знал и Дешанель. И Леру даже не хотелось думать откуда. Дешанель всегда всё знает, не зря его все так боятся.

Полковник тем временем продолжил:

– Но есть и менее радужный вариант. Её, – он помахал фотографией в воздухе, – расстреляют. Это можно организовать без труда. А вот вас, вас, мистер Леру, освободят, только охрану к вам приставим. Из двух самых бестолковых агентов.

Пьер испуганно поднял глаза. Такого поворота он не ожидал. Его отпустят? Но тогда, тогда...

– Тогда ваши друзья решат, что вы раскололись. И получили за это свободу и охрану. А поскольку охрана будет так себе, то очень быстро вас... Ну, в лучшем случае убьют. В худшем – выкрадут и, очень может быть, выжгут на вашей спине что-нибудь. Герб Метрополии, к примеру. Мне даже руки пачкать не придётся.

Пьер был просто огорошен. Он был готов к тому, что его будут пытаться, угрожать убийством, шантажировать жизнью кого-то из соратников, даже готов был, что на карте окажется жизнь медсестры. Но такой расправы он не ждал. И Дешанель абсолютно прав: никто даже слушать не станет, если его отпустят, да ещё и с охраной... Что могли сделать свои за предательство, Пьер тоже знал очень хорошо. Он молчал. Молчал и Дешанель. Наконец, Леру не выдержал:

– Вы гарантируете, что никто не узнает об этом разговоре и девушка с фото останется жива?

ГЛАВА 9. КРЕЧЕТ.

Кречет всегда был самой маленькой базой повстанцев, так что его Астра ненавидела меньше остальных. Но сама идея собрать несколько сотен бойцов Сопrotивления в ограниченном пространстве и надеяться, что про это не пронюхает полиция, – авантюра похлеще покушения на президента Метрополии. И всё же такие базы существовали. Не от хорошей жизни, конечно. На них находились в основном те, кто уже попал в чёрные списки полиции и числился в колониальном розыске. Жить в городах и селениях таким бойцам было небезопасно. На базе же они имели крышу над головой, еду, возможность тренироваться и общаться с единомышленниками.

Руководство Сопrotивления отлично понимало все риски, которые несут подобные базы, потому их число строго ограничивалось тремя. И каждая принципиально отличалась от двух других.

Фабрика была оборудована в стволе заброшенной шахты, с воздуха не просматривалась вообще, с земли вход на её территорию также было ещё поискать. Не спасло.

Кречет, напротив, ни от кого не скрывался, представлял собой небольшое поселение с заводиком в центре. Из заводских труб постоянно струился лёгкий дымок, в поселении бурлила жизнь. Несколько улиц из одно- и двухэтажных домишек, администрация, магазин – всё как полагается. Только вот этого поселения до недавнего времени не было ни на одной карте. И странного заводика с дымящимися трубами было не найти в реестрах колонии. Городок-призрак.

Не так давно Рингу удалось внести его в официальную статистику. Кречету придумали название Лемниската, поместили на его эмблему горизонтальную восьмёрку и даже заводик умудрились подчинить империи местного рудного миллиардера Энгельберта Томили. Каким образом Ринг всё это провернул, оставалось загадкой, но база получила официальный статус и внешне вела понятную обыденную жизнь. Но это внешне. На самом деле все, кто жил на территории Кречета-Лемнискаты, состояли в Сопrotивлении. Это была единственная из баз, где, не таясь, могли жить семьями, там даже были дети. Представить себе такое на душной подземной Фабрике было сложно.

И всё-таки Астра не чувствовала себя в безопасности даже здесь. Пользуясь своей свободой передвижения, она старалась появляться на повстанческих базах исключительно по необходимости, сама же предпочитала жить в Терране, Руте или каком-нибудь из поселений, у очередного сторонника их дела.

Но сейчас обстоятельства вынудили её приехать в Кречет. Самое главное дело, которое предстояло сделать, — доказать, что Астра Нова жива. За то время, что она залегла на дно, появилась масса слухов и домыслов, которые колониальные власти активно подогревали. Коротко, смысл их сводился к тому, что хотя тела девушки на Фабрике и не нашли, но она мертва и Соппротивление лишилось одного из своих самых харизматичных лидеров.

Перво-наперво показать, что это не так, надо было своим. Потом записать видеообращение, и уже вся колония узнает, что Астра Нова по-прежнему не даст спокойно спать Метрополии.

Ну и, разумеется, на разгром Фабрики должен быть дан какой-то ответ. Какой именно, предстояло обсудить на общей встрече. Тоже здесь, на Кречете.

Ринг подкинул Астре пару мыслей, каким должен быть ответ Соппротивления, но сам, как обычно, не поехал. Куча повстанцев в розыске на ограниченной территории — в таком месте ноги Ринга не будет никогда. Разве что в крайнем случае.

Астра хорошо помнила первую встречу с Рингом. Она тогда жила в Терране и уже года два как вступила в Соппротивление. Посодействовала её подруга по кличке Крыса.

Правда, серьёзных задач у неё не было, так, шпионить по городу, наблюдать за постовыми, быть индикатором настроений молодёжи. И вот, в один прекрасный момент, ей передали, что с ней хочет встретиться важный человек. Она не знала о Ринге вообще, потому крайне удивилась. Они встретились в одном из кафе. Так же сидели в уголке и пили кофе. Ринг долго болтал ни о чём (совсем не в его стиле), расспрашивал Астру о её жизни. И потом прозвучало оно. Предложение.

— Мисс Нова, я... мы все хотим от вас... хотим, чтобы ваша революционная борьба вышла совсем на другой уровень.

— Что-что? — Астра ничего не поняла, но внутри всё сжалось. Уж не хочет ли он ей предложить работу вроде той, которой занимается Крыса?

Ринг примирительно поднял руку:

— Я уверен, что моё предложение вам понравится. Видите ли... Все мы, Соппротивление, все, кто ему сочувствуют, хотим лишь одного. Независимости и благополучия для Шарры. К сожалению, не все это понимают. Метрополия пытается выставить нас головорезами, которые устроят хаос, как только придут к власти.

Астра кивнула. От Континентальной пропаганды и правда иногда закладывало уши.

— Я хочу, — продолжил Ринг и тут же поправился: — Мы все хотим, чтобы нас не боялись обычные люди. Те, ради кого мы сражаемся.

— И как этого добиться?

Казначей улыбнулся и демонстративно оглядел Астру, ту её часть, что выглядывала из-за стола:

— Есть несколько способов, и все мы попробуем. Но вам, мисс Нова, я хочу предложить стать одним из наших лидеров.

— Что? — Астра поперхнулась кофе. Она была даже не в боевой бригаде, мелкая-мелкая сошка. Если бы не знакомство с Крысой, её не факт что вообще бы взяли в повстанцы.

Ринг спокойно дал ей прокашляться и продолжил:

– План в следующем. Вы становитесь нашим номинальным лидером. Подчеркну, номинальным. Вы сможете участвовать в круглом столе руководителей, сможете продвигать свои идеи и решения. Время покажет, насколько они окажутся дельными, возможно, постепенно ваши позиции укрепятся. Я даже уверен, что так произойдёт. Но пока мы берём вас не за это. Вашей главной задачей будут обращения от имени Сопrotивления к народу и Метрополии. Во время революции, несколько лет назад, мы перегнули палку. Сопrotивление боятся. А вы, Астра, внушаете доверие. Я уверен, что если вы станете нашим... я бы назвал это пресс-секретарь, Карет настаивает на определении «говорящая голова», но давайте привыкать. Если вы станете одним из лидеров, доверие к нашему движению многократно возрастет. Вы не тот человек, которого будут бояться, но тот, кому будут сочувствовать.

И вот, Астра Нова собственной крошечной персоной сидела за круглым столом. За эти годы она прошла большой путь и доказала, что тоже имеет право на свой голос. К ней прислушивались, хотя за этим столом собрались самые разные представители повстанцев: командиры ударных бригад, коменданты обеих сохранившихся баз, координаторы Сопrotивления. Совещание ещё не началось, все тихонько переговаривались друг с другом и, конечно же, смотрели на неё.

Вообще, сила повстанцев была в том, что у них не было единого и безусловного лидера. Все решения принимались коллегиально, движение было пёстро и неоднородно. Поэтому нанести какой-то смертельный удар Сопrotивлению было почти невозможно. Потеря рядового бойца в расчёт не принималась, они гибли часто, и это была неизбежная плата за работу Сопrotивления. Гибель кого-то из командиров ударных бригад – урон уже серьёзнее, и всё равно это не повлияет на общее дело. Гибель Астры Новы, Ринга или кого-то из тройки координаторов явно заставила бы повстанцев пересмотреть что-то в своей работе, однако принципиальных изменений не произошло бы и тут. Просто их место займёт кто-то другой.

Даже разгром одной из баз был не смертельным ударом. Хотя вопрос, чем заменить Фабрику, сегодня ещё обязательно обсудят. Но сейчас важно другое.

Эймли Карет, самый старший координатор Сопrotивления, поднялся со своего места и знаком показал, что собрание начинается. Это был весьма упитанный мужчина с круглой блестящей лысиной. На вид ему было лет пятьдесят, но он явно старался казаться старше своего возраста: двигался нарочито плавно, мог подумать перед ответом собеседнику дольше, чем стоило, носил бороду. Но пользовался уважением за свой цепкий ум. Вот и сейчас, когда он поднял руку, лёгкий гул за столом стих.

– Друзья! Я безумно рад, что сегодня мы вновь можем приветствовать за нашим круглым столом Астру Нову! Несмотря на все слухи, ей удалось выбраться с Фабрики живой и невредимой. И она готова продолжить нашу борьбу, как и все мы.

За столом раздались глухие аплодисменты. Радость Карета, похоже, разделяли не все. Астра глубоко вздохнула. Нужно было выступить. И от этого выступления зависело многое. Она поднялась со своего места:

– Друзья! Вы даже не представляете, как я рада оказаться в кругу своих единомышленников живой и невредимой. Но на ваших лицах я вижу недоверие. Я и сама не стала бы доверять человеку, который в одиночку выбрался из той мясорубки. При том, что остальные убиты или попали в плен. Выглядит подозрительно, понимаю. Однако вам всем известна моя осторожность и конспиративное мастерство. Частично выручило это. Но главную помощь мне оказал один из штурмовиков...

Договорить она не смогла, потому что за столом поднялся свист и раздались отдельные крики. Карет вновь поднял руку, но это не помогло. Тогда со своего места рывком вскочил второй координатор, Арим. В отличие от своего круглого пузатого собрата, Арим был под два метра ростом и, наверное, столько же в плечах. Он обладал зычным голосом и при желании мог говорить так, что закладывало уши. Именно это и произошло:

— А ну-ка, всем молчать! Каждому, кто сидел за этим столом, давали право высказаться. Астра тоже имеет это право, тем более что она хочет рассказать что-то важное. Кто ещё раз улюлюкнет, пойдёт разбираться с канализацией, что-то плохо она в последнее время работать стала!

В комнате тут же повисла гробовая тишина. Девушка продолжила:

— Мне помог выбраться штурмовой офицер, его зовут Крис Когель. Мы навели о нём справки и узнали, что на Шарру его перевели из другой колонии, фактически сослали сюда за коррупцию. Я думаю, что его не устраивает жалование полицейского и он готов и дальше помогать нам, разумеется, за вознаграждение. И полагаю, что это было бы выгодной сделкой. Вот теперь прошу высказываться. Предлагаю по часовой стрелке от меня.

Слева от девушки сидел незнакомый ей крепкий молодой человек, очевидно, один из бригадных командиров. Он поднялся, но по лицу было видно: он плохо понимает, что нужно говорить:

— Что ж... Если Астра считает, то я за! — и сел.

Дальше был ещё командир и ещё. Они вставали, говорили что-то невнятное, но было очевидно: к такому повороту событий никто оказался не готов. Да и великим умом эти люди не отличались, во всяком случае, большинство из них.

Астру интересовало мнение лишь одного человека за этим столом — суховатого, но крепкого мужчины практически напротив неё. Как звали этого мужчину, давно забыли за ненадобностью, он носил прозвище, которое подходило ему куда лучше любого имени, — Муравей.

Официально Муравей был одним из многих командиров, под его руководством числилась крепкая ударная бригада. По факту же он возглавлял вообще всех бойцов Сопrotивления. Давно, долго и успешно, потому к нему относились с огромным уважением и сидел он рядом с координаторами. Кроме того, Муравей не прятался по базам, он жил в Терране и занимал видную должность, которая помогала в его нелёгком деле. Сюда он прилетел специально для заседания и встречи с Астрой.

Наконец, его очередь подошла. Он встал, окинул всех взглядом и начал:

— Я верю Астре и не сомневаюсь ни в одном её слове. Мне жаль, что всё так получилось, но хорошо, если из этой печальной ситуации удастся извлечь хоть какие-то выгоды. Завербовать офицера полиции — такого раньше не удавалось, думаю, это будет сильный ход. Нова — опытный боец, я не сомневаюсь в том, что она десять раз проверит мотивы этого полицейского и примет верное решение. Но я бы хотел сказать о другом.

Фабрика разгромлена силами колониальной полиции. Около тысячи наших сторонников попали в плен или убиты, в принципе, это почти одно и то же. Многих пленных всё равно расстреляют в итоге. Тех, кого посадят, посадят не в этой колонии. У меня вопрос: неужели вы готовы оставить это, как есть? — тут Муравей окинул взглядом своих притихших сторонников.

— Нет, надо отомстить, — раздались неуверенные голоса с мест.

— Вот и я думаю, что просто так спустить Метрополию такой разгром — показать им свою слабость. А лично я не считаю себя слабым. Астра, — тут повстанец повернулся к девушке, — я думаю, что ты скоро покинешь Кречет и начнёшь прорабатывать свою линию с полицейским. Я

бы очень просил тебя узнать, если возможно, как они установили местоположение Фабрики. Думаю, предатель был там, и хорошо, если так. Но мы не можем рисковать. Если предал кто-то из своих, кто до сих пор в наших рядах, где гарантия, что такое не повторится с Кречетом и Призмой?

Девушка утвердительно кивнула в ответ.

— А вам же, друзья, я предлагаю подумать, как и чем мы можем ответить Метрополии на такой удар.

За столом вновь поднялся галдёж, командиры наперебой предлагали свои планы, один другого глупей и жёстче. Астра не сомневалась, что координаторы и Муравей смогут придумать нечто такое, что действительно послужит ответом, а не маханием кулаком после драки.

Про себя же она поняла, что Муравей абсолютно прав. Уже не один час девушка провела в раздумьях: на Фабрику явно натолкнулись неслучайно, полиция знала о ней всё, брали с умом. Значит, кто-то сдал. Крис Когель и правда хорошая ниточка, чтобы найти предателя. Если, конечно, это всё не какая-то хитрая игра полиции.

Из этих мыслей Астру вывел молодой человек, который подошёл к её креслу сзади, наклонился и зашептал на ухо:

— Как только запишете обращение, сразу отправляйтесь обратно в Террану. Приказ Ринга. Он хочет вас кое с кем познакомить.

ГЛАВА 10. БУДНИ.

— С самого начала моей карьеры в колониальной полиции меня преследуют совещания, — шёпотом жаловался Крис Ирвину. — Такое ощущение, что руководство хлебом не корми — дай согнать сотрудников в большой зал и что-то обсудить!

Напарники сидели за огромным столом в большом кабинете руководителя Департамента Поддержания Стабильности Мируса Мистери, который, по традиции, являлся командующим полицией Шарры. В отличие от базы повстанцев, стол здесь был Т-образный, за ним размещалось по два представителя от каждого отдела.

Подразумевалось, что каждый раз это должны быть разные люди, но Мистери опять увидел только знакомые лица. Ходить на совещания не любил никто, потому в каждом отделе выбирали жертв, которые и тянули на себе ношу общения с начальством. Жертвы выбирались по разным параметрам, конкретно Крис и Ирвин были единственными следователями отдела рудной безопасности, чьи рабочие места находились в штаб-квартире полиции. За это им и влетело первым:

— лейтенант Интерфер, я очень рад, что вы опять нашли время прийти на наш небольшой разговор, но, может, объясните, почему я вижу только вас с Когелем и понятия не имею, как выглядят другие сотрудники вашего отдела?

Ирвин опустил глаза и привычно забормотал:

— В штаб-квартире находится не так уж много сотрудников нашего отдела, в основном они раскиданы по объектам. Следователя всего два, а наш руководитель считает, что наибольшую пользу от общего собрания могут получить именно следователи...

— А ваш руководитель сам не хочет как-нибудь приехать?

— Так он приезжает на совещание руководства, сейчас же вы обозначили цель пообщаться именно с рядовыми сотрудниками.

– Ну не постоянно с одними и теми же! – Мистери привычно махнул рукой и переключился на другого бедолагу.

– С другой стороны, может, оно и хорошо, – продолжал нашёптывать Крис. – Руководство видит нас, видит, что мы работаем. Понадобится кого продвинуть, кого он вспомнит в первую очередь? Тех, кого каждую неделю видит.

– Не обольщайся, – также шёпотом ответил Ирвин. – Двигать будут тех, кому время подошло, ну или кто прям не знаю, как отличился. А мы так и будем здесь сидеть и выслушивать, как мы тут надоели.

Глава Департамента раздал устные выговоры ещё нескольким сотрудникам и стал гораздо серьезнее. Это было уже интересно, потому что обычно в этом месте следовали доклады каждого отдела. На этом совещании что-то пошло не так. Мистери откашлялся и куда более спокойным тоном продолжил:

– Ладно, коллеги, прошу простить некоторую мою несдержанность, просто я высоко ценю общение со своими подчинёнными и правда хотел бы видеть тут новых людей. Ну да ладно. На прошлой неделе я уже поздравлял вас с разгромом базы повстанцев, это большой шаг вперёд. К сожалению, сегодня у меня для вас плохие новости. Думаю, что уже все успели посмотреть новое обращение лидера террористов Астры Новы. Я, честно признаюсь, до последнего надеялся, что она всё же погибла и завалилась в какую-нибудь щель их Фабрики, а наши проглядели. К сожалению, нет, жива-здорова.

Ирвин и Крис переглянулись. Обращение от Астры появилось вчера, в нём, собственно, ничего необычного не было. Девушка в маске сообщала, что с ней всё в порядке, Соппротивление продолжит свою борьбу и вскоре будет нанесён ответный удар. Ну а что ещё она могла сказать?

Мистери продолжал:

– Куда именно будут ответно бить террористы, мы не знаем. Я прошу вас напрячь всю свою агентуру, все свои силы и связи, чтобы добыть хоть примерное направление удара. Фабрика стоила им тысячи бойцов, они сильно ослабли. И тем сильнее озлобились. Я не исключаю использование смертников и гибель мирных граждан. В обычное время террористы стараются не причинять вреда населению, за свободу которого они якобы и борются. Сейчас возможно всё. Помните, несмотря на то, что нас называют сторожевыми псами Метрополии, наша главная задача – охранять правопорядок, жизнь и покой этого самого населения. Рудная безопасность, вас прошу особо обратить внимание на свои объекты. Думаю, что напасть на фабрику или шахту, принадлежащую Метрополии напрямую, для них сейчас самый логичный шаг.

Ирвин и Крис синхронно кивнули. Мирус Мистери, в общем-то, был неплохим начальником, но уж больно кабинетным. Он обожал отчёты, графики, доклады, совещания, поэтому вокруг него так и роились бюрократы. Оперативники не всегда находили общий язык с главой Департамента, но Мистери хотя бы не был слепо уверен в своей правоте, всегда был готов к диалогу. В этом плане он кардинально отличался от главы Департамента общественного порядка. Вот там более качественного солдафона ещё поискать было. Так что напарникам с начальником даже повезло. Их непосредственный руководитель был далеко, его рабочее место находилось в Рекуренте, и они традиционно подчинялись Мистери напрямую.

Вообще, отдел рудной безопасности, как понятно из названия, охранял производства и шахты Шарры. Но не все, а те, что принадлежали Метрополии. Таких было немного, процентов десять от общего количества. Остальные принадлежали Континентальным промышленникам и охранялись собственными службами безопасности. Самым крупным владельцем предприятий на Шарре был Энгельберт Томили. То, что не все шахты и заводы принадлежали Континенту

напрямую, общего положения дел не меняло. Бизнес и власть хозяев Шарры давно срослись и были чем-то неотделимым друг от друга, так что Метрополия защищала интересы своих промышленников, как собственные.

Второй задачей рудного отдела было расследование промышленных катастроф и терактов, этим занимались как раз следователи. Таким образом, борьба с повстанцами напрямую входила в обязанности Криса и Ирвина, хотя были в их Департаменте и более профильные отделы на этот счёт. Неудивительно, что большая часть рудной безопасности располагалась в Рекуренте, ещё часть была разбросана по охраняемым объектам, а в штаб-квартире полиции сидело лишь двое представителей.

После того как совещание закончилось, лейтенанты вернулись в свой кабинет на седьмом этаже. Крис устроился в своём любимом качающемся кресле и закинул ноги на стол:

– Ну, что думаете, лейтенант Интерфер? Что дальше?

– Ждать. Соппротивление обязательно сделает следующий шаг, в этом Мистери прав. Только вот у меня есть смутное ощущение, что этот шаг будет не таким, каким мы его ждём. Тут...

Договорить Ирвину не дал звоно. Звонил спикерфон Криса. Тот нехотя вытащил из нагрудного кармана маленькую коробочку и приставил к уху. Прибор реагировал на ёмкость тела и перешёл в режим связи.

– Да, слушаю. Нет, я вас пока не узнал... Кто? Эммм... А! Ну да, да, конечно, теперь вспомнил. Как поживаете? Да... Да, в принципе, говорите, – тут Когель скинул ноги со стола и встал с кресла.

Ирвин посмотрел на друга с усмешкой и спросил:

– Опять с кем-то переспал и забыл?

Крис сделал страшные глаза и шёпотом ответил:

– Похоже, что да.

После чего вышел в коридор. Его разговор с Астрой Новой не должен был слышать никто.

ГЛАВА 11. СПОНСОР.

– Я очень рада, что вы меня узнали, лейтенант Когель, – Астра вновь сидела в дальнем углу кафе Терраны и тихонько говорила в свой спикерфон. – Я уж думала, что вы меня забыли. А ведь какие обстоятельства знакомства были! Я вас более чем запомнила, и мне безумно, слышите, безумно хотелось бы повторить нашу встречу!

Последняя фраза была сказана с придыханием, интригующим голосом. Астра прекрасно поняла, что Крис её узнал, но она всё-таки звонила ему на личный аппарат и их разговор мог слышать кто угодно.

Судя по досье, Когель был ещё тот ловелас, так что выйти с ним на контакт таким способом было более-менее безопасно. Во всяком случае, так считал Ринг. Сейчас он сидел напротив неё и внимательно наблюдал за разговором.

– Когда и где? Так. Так. Так. Ну всё, Крис, договорились. До встречи! – последнюю фразу девушка буквально прошептала в трубку.

Ринг усмехнулся и отпил кофе из крошечной чашки. Астра вдруг подумала, что есть в нём что-то от Метрополии. Взять хотя бы осанку. Как бы ни старался Ринг сутулиться и выглядеть бледнее, чем он есть, было заметно, что ему непривычна роль такого тихони. Когда он

забывался, то расправлял плечи и высоко поднимал подбородок. Такой выправкой мог похвастаться не каждый полицейский.

Вообще, девушка уже давно поняла, что она толком ничего не знает о Ринге. Её стаж в Соппротивлении составлял почти десять лет, и все эти годы Ринг занимал ровно тот же пост, что занимает и сейчас, — главного казначея, имеющего большой авторитет. Он не стремился вырасти в официального лидера их движения, не стремился стать хотя бы координатором, но планомерно приносил повстанцам деньги. Их происхождение Ринг не скрывал, ему и только ему подчинялся небольшой отряд бойцов, которых называли «добыткики». Собственно, всё финансирование повстанцев сводилось к банальным грабёжам банков, магазинов и прочих учреждений Шарры, где скапливалось много наличности. Путь был не самый чистый, но других вариантов, в общем, и не было. Кроме того, Ринг утверждал, что в таких налётах никто из мирных жителей никогда не погибал. Тут Астра ему верила.

А вот во всём остальном давно начала сомневаться. «Серый кардинал», конечно, много делал для их движения, но уж больно обособленно он держался. Всякий раз их разговоры были сухими и только по делу, и вот так уже много лет. В глазах каждого члена Соппротивления горел огонёк, вера в то, что он сражается за лучшее будущее. У кого-то ярче, у кого-то он с годами тускнел. У кого-то гас вовсе, тогда человек обычно покидал ряды повстанцев. У Ринга такого огонька не было изначально, и не появился он за все эти годы. При этом Ринг сражался на их стороне.

Астра всё чаще задавалась вопросом, в чём была его цель. И ответа пока не находила.

— О чём вы задумались? — Ринг продолжал пить кофе маленькими глотками и весело смотрел на девушку. Определённо, у него было хорошее настроение.

— Я? Да так, о вечных вопросах. Думаю, сейчас не время их задавать. Итак, наш дорогой друг Крис согласился с нами встретиться. В качестве места предлагает центральный парк, Лебединый пруд, завтра ранним утром. Хотя был согласен, если бы мы предложили свой вариант.

Ринг цокнул языком и качнул головой:

— Нет-нет, Лебединый пруд — это хорошо. Утром там народа почти нет, сам парк хорошо просматривается, облаву устроить не так просто. А если и устроят, всегда можно уйти в отказ, мало ли зачем человеку с утра понадобилось в парк.

— Ринг, — девушка покачала головой, — всё, что вы говорите, верно для любого рядового бойца. Но не для меня. Если меня схватят, то мою личность установят моментально. Но я не думаю, что так будет. Если это какая-то провокация полиции, то явно не против меня. Иначе я не выбралась бы ещё с Фабрики.

— И то верно. Кстати, сегодня вечером нас ждёт представление. Муравей готовит удар... скажем даже, ударчик. Хочет показать Метрополии, что мы не оставим разгром Фабрики без ответа. Завтра читайте новости.

Девушка кивнула. О том, что готовят повстанцы, она, конечно же, знала.

Ринг допил кофе и поставил кружечку на стол. Астра чувствовала, что он вызвал её обратно в Террану совсем не для того, чтобы услышать её разговор с Когелем. Причина явно была серьезнее. Но торопить Ринга она не хотела: тот как будто сомневался, сделать или не сделать следующий шаг. Пусть дозреет сам.

Несколько минут они провели в полной тишине. Наконец, «серый кардинал» решился:

— Знаете... Я думаю, что вы уже очень давно сражаетесь в наших рядах. Когда мы только познакомились, я даже не ожидал, что именно вы станете одним из полноценных лидеров этого движения, а не просто лицом в маске. Ну... Я думаю, нет смысла сейчас пересказывать все эти годы нашего общения. Так что перейду сразу к главному.

Астра слегка приподняла бровь. Она была вся во внимании.

– Итак, в нашем... в нашей организации я отвечаю в первую очередь за финансы. Я думаю, это всем известно. Другой вопрос: где я беру эти деньги?

– Существует официальная версия: изымаете их из больно денежных мест с применением оружия.

Ринг хмыкнул. Потом покачал головой:

– Боюсь, что наша организация жрёт столько ресурсов... Никакие... изъятия не покроют и десятой части расходов. Вы об этом не догадывались?

– Разумеется, догадывалась. Но вот сводить нашу бухгалтерию в голову как-то не приходило. Всё равно бы это ничего не дало: либо вы всё расскажете сами, либо я не узнаю ничего и никогда.

Ринг улыбнулся уголком рта:

– Хорошая позиция. Вы мне всегда нравились. Именно потому я хочу вас познакомить с одним человеком, а заодно посвятить в маленькую тайну. Надеюсь, вы отнесётесь к ней адекватно.

– Звучит интересно. Почему именно меня? Почему не координаторов?

– Потому что этот человек хочет познакомиться с вами. Вы всё поймёте, когда его увидите. Сейчас предлагаю оставить все вопросы на потом. Согласны?

Как будто она могла ответить «нет»! Ринг рассчитался за их кофе, и они вышли из заведения в вечернюю прохладу Терраны.

Большая часть людей здесь передвигалась на общественном транспорте, но те, кто был выше среднего, мог позволить себе индивидуальные машины. Ринг не любил привлекать излишнего внимания, но машина у него была, видимо, любовь к комфорту была сильнее его осторожности.

В неё-то он и усадил девушку.

Ещё около получаса они плутали по дворам и второстепенным улочкам города, пока, наконец, не подъехали к территории какого-то склада. Склад был обнесён высоким бетонным забором, попасть на его территорию можно было лишь через закрытые ворота. Однако перед машиной Ринга ворота открылись.

Внутри также не было ничего особенного: несколько ангаров, в стороне стояли грузовики, прямо за воротами – будка охраны, которая не просматривалась извне. И всё. На всей территории – ни души. А ещё Астра отметила слой пыли, которым были покрыты грузовики. Террана – чистый город. Это вам не Рекурента, тут пыли немного, а грузовики как будто только из промзоны выехали. Значило это одно: стоят они тут долго и, скорее всего, для отвода глаз.

Ринг припарковал машину у дебаркадера одного из ангаров. Они поднялись на пандус по шатающейся металлической лесенке и подошли ко входу. Там тоже стояла автоматическая дверь, которая пустила парочку внутрь.

Далее пришлось пройти через тёмный коридор, и... и вот тут девушка впервые удивилась. В глубине ангара, за ещё одной дверью, располагалась комната. Нет, не комната – зал. Огромный светлый зал без окон, отделанный приятным светлым камнем. В этом же зале стояла роскошная двуспальная кровать, письменный стол из каких-то недешёвых пород дерева, стул, шкаф... Просто смесь спальни и рабочего кабинета! Вот только кого...

Ответ не заставил себя ждать. Навстречу к ним вышел грузный седоволосый мужчина сильно в возрасте. Его одежда, осанка, даже выражение лица явно свидетельствовали: он не местный, это всё, включая его самого, из Метрополии.

При появлении этого человека Ринг улыбнулся и представил её:

– Знакомьтесь. Маленькая мисс мятежница, Астра Нова.

Мужчина одобрительно кивнул и улыбнулся. Затем представился сам:
– Энгельберт Томили, промышленник. И главный спонсор вашего Соппротивления.

ГЛАВА 12. БЛИЗКИЕ ДУШИ.

Через неделю после дождливого знакомства Ирвина и Альбины девушка улетела в обещанную командировку. За эту неделю они успели побывать в театре и просто погулять по парку. Ещё две недели она провела на своей выездной работе в другой колонии, но созванивались они через день. Ирвин сам не понимал, что между ними происходит. Сначала Альбина вроде бы ещё жаловалась ему на своего бывшего мужа, но эти жалобы быстро сошли на нет и Интерфер в душе порадовался этому: почему-то ему вдруг стало неприятно слышать о прошлых отношениях девушки. Возможно, она это поняла.

Однако чем дальше, тем больше менялось её поведение. Альбина как будто воспряла духом, всё чаще в её голосе чувствовалось веселье и непринуждённость. И лишь иногда — тоска. А во время вчерашнего разговора она даже призналась, что по нему соскучилась. Ирвин совсем не ожидал такого бурного развития, но Крис даже отвесил напарнику шуточный подзатыльник и посоветовал не щёлкать клювом, если удача сама идёт в руки.

Ирвин, в общем, решил и не щёлкать. Разумеется, в его прошлом были отношения, но всё это были какие-то короткие бестолковые романы, которые чаще заканчивались по инициативе девушек. Реже по его. Иногда вообще по обоюдному согласию. И всё как-то мимо, не так, как надо. Интерфер даже не был уверен в том, что он когда-нибудь любил по-настоящему, ни одна из его пассий не будила в нём серьёзных чувств.

С Альбиной всё было не так. О ней он думал часами и, как ни старался держать язык за зубами, постоянно пробалтывал Крису то одно, то другое. Когель относился к чувствам друга с иронией, он в любовь вообще не верил, но часто повторял: тебе нравится, ей нравится, значит, обоим понравится! Верно повторял, чего уж тут.

В общем, к прилёту Альбины Ирвин подготовился. Даже специально пораньше отпросился с работы, заглянул в магазин, напряг все свои кулинарные навыки и приготовил нежный салат из континентального осьминога. Ещё припас бутылку вина. И даже не поленился заехать в магазин сувениров, купил там подставки под свечи и сами свечи.

Растащил по углам все свои стулья и кресло, в центр комнаты выставил стол, на который и водрузил свечи. Вино и салат ждали в холодильнике. Какая ни есть, а романтика. Крис, кстати, затею одобрил, сказал, что зачтётся хотя бы за старание. Итак, к десяти вечера всё уже было готово, и лейтенант отправился на свидание.

Альбина приехала линейным поездом ровно на ту остановку, где они и познакомились. Но как она изменилась за две недели! На щеках появился румянец, глаза поплёскивали, даже голос стал звонче. На ней была голубая юбка и голубой пиджак, на шее повязан цветастый платок, туфли на небольшом каблучке. Ирвин запоздало подумал, что со всей своей романтикой он даже цветов не купил. Герой-любовник...

Впрочем, девушка явно обрадовалась ему и просто так. Она чмокнула его в щёку, взяла под руку и весело поинтересовалась:

– Ну? Куда мы сегодня?

– Это сюрприз, но тут недалеко, — Ирвин неспешно двинулся в сторону своего дома. — Как поездка?

– Хорошо. То есть сама поездка – гниль полная. Я такой прогнившей конторы давно не видела. Принадлежит Метрополии напрямую, но растащили оттуда всё, что могли.

Ирвин уже знал, что работает Альбина аудитором, в её обязанности входило проверять дочерние организации крупных промышленных холдингов и самой Метрополии на финансовую чистоту.

– Как такое возможно? Я думал, что Континент ревностно следит за своими активами.

– Смотря о чём идёт речь. Поверь, в каждой системе есть нечистые на руку люди, любящие положить себе в карман. И чиновники Метрополии не исключение. Другой вопрос в масштабах. Почти у любого крупного гиганта есть фирма-присадка, через которую тонкой струйкой вытекают деньги нужным людям. И если они не зажираются и не наглеют, то это будет продолжаться долго. Бывает, что зажираются. Аудиторская проверка – первый сигнал, что кто-то совсем обнаглел и на него обратили внимание. Я вынесла кучу постановлений, сейчас у них будет полгода на исправление нарушений, если ничего не изменится, то в бой пойдёт финансовая полиция. А бухгалтеры-бюрократы с группой захвата – это страшная сила. Кстати, куда мы идём-то?

– Да мы уже пришли, – Ирвин достал из кармана связку ключей. – Жилой комплекс «Сталагмит». Тут, на пятом этаже, моя квартира.

– Ааа, – Альбина задрала голову и посмотрела на здание перед ней. «Сталагмит» представлял собой стеклянную двадцатипятиэтажную башню с одним подъездом. Ирвин в душе гордился своим жильём. Не дворец, конечно, но хорошая чистая холостяцкая квартира в тихом районе недалеко от работы. Жильё в Терране стоило немалых денег, и позволить себе жить в столице могли не все, отсюда обилие рабочих посёлков по Шарре. Когда новую столицу только строили, то жильё раздавали вообще бесплатно, в обмен на то, что оставалось в Рекуренте. Правда, эти времена уже прошли.

Приложив некоторые усилия, лейтенант за несколько лет накопил-таки на свой угол и съехал из полицейского общежития. Ну и субсидия офицера помогла, хотя это уже детали.

Альбина тем временем перевела взгляд на Ирвина:

– То есть ты приглашаешь меня к себе домой, я правильно поняла?

– Ну... да.

– Ага. А что мы там будем делать?

Ирвин слышал этот вопрос уже не в первый раз: прошлые романчики периодически заходили на его территорию. Но вот именно сейчас он волновался больше, чем обычно. И по опыту знал, что, когда волнуешься, самое верное средство – не кривить душой:

– Я приготовил тебе небольшой сюрприз, хотел бы его показать. И да, он у меня дома.

Альбина хмыкнула. После чего сверкнула глазами и тихонько прошептала:

– Ну так ведите, лейтенант!

Дальше всё покатило как-то кубарем. Они поднимаются, они едят салат, она за что-то его хвалит (ах да, за оригинальность), они пьют вино, они целуются. По-настоящему целуются, не в щёчку. Потом, потом, потом... Время остановилось лишь на мгновение, когда Альбина упёрлась рукой в его голую грудь и прошептала:

– Постой!

– У меня всё есть, – Ирвин достал из-под подушки приготовленный контрацептив. И снова мозг отключился и всё на эмоциях, кубарем... Она, он, её руки, её тело. Прекрасное тело, он в ней, она целует его, он её, сердце бьётся, по лбу потекли капли пота, движение вперёд, движение назад, быстрее, ещё быстрее, она кричит...

Вновь чётко осознавать окружающий мир Интерфер стал лишь минут через пять после того, как всё закончилось. Они лежали с Альбиной, обнявшись, она гладила его указательным пальцем по плечу и улыбалась. Потом заговорила:

– Можно кое-что спрошу?

– Конечно.

– И часто ты сюда вот так приводишь девушек?

Ирвин вновь решил не кривить душой, с Альбиной это хорошо работало:

– Бывает. Но обычно это происходит раньше, чем через три недели знакомства, и... не так.

– Не как?

– Ну я не для всех режу этот салат.

Девушка мечтательно улыбнулась:

– То есть я попала в касту избранных?

– Я пока ничего не хочу говорить, – серьёзно ответил Ирвин, – но ты не такая, как все. Я сам не знаю почему, но много о тебе думаю... Ты другая. И с тобой не так, как с другими. Большого я пока говорить не хочу.

Девушка перестала улыбаться и серьёзно посмотрела на него. Потом ответила:

– Хорошие слова. И ты правильно сказал, давай пока не будем говорить того, чего ещё сами не знаем. Мне с тобой тоже необычно. И мне это нравится.

Она посмотрела вниз, потом вдруг заулыбалась, завернулась в простыню и соскочила с кровати:

– Мы вот как-то быстро так начали, а я ведь даже не посмотрела, где ты живёшь, хотя я аудитор, мне же обязательно надо всё оценить. Ты не против, если я погляжу, где у тебя что?

– Абсолютно нет, – Ирвин лёг на спину и растянулся. От долгих обниманий тело немного затекло. – Кроме комнаты и коридора, тут есть ещё ванная, туалет и кухня. И больше здесь ничего нет, хотя я люблю эту квартирку. Она куда лучше офицерского общежития.

– Надо думать, – хмыкнула Альбина и прямо в простыне пошла на кухню. Захлопали двери шкафов, девушке явно было интересно, из чего едят и в чём готовят одинокие полицейские.

Но тут в её сумке зазвенел спикерфон. Она недовольно крякнула и через комнату вернулась в коридор, где оставила сумку. Послышалось какое-то бубнение, после чего девушка вновь зашла в комнату. Лицо у неё было встревоженное:

– Ирвин, а у тебя есть кабельные каналы?

– Да, – молодой человек вытянул руку и взял с прикроватной тумбочки пульт. – Видишь эту картину на стене? Она ненастоящая, это монитор.

– Включи новости.

Ирвин немного напрягся, но щёлкнул пультом. На противоположной стене картина сменила изображение, вместо натюрморта она теперь показывала какой-то сериал. Лейтенант нашёл новостной канал.

Альбина присела на краешек кровати:

– Вот дела. У меня есть коллега, он сейчас тоже на Шарре, один из ваших заводов проверяет. Там только что прогремел взрыв, целый цех рухнул, а в цехе постоянно не меньше ста человек находятся...

Срочный выпуск новостей подтвердил её слова. И почти одновременно запищал спикерфон Ирвина. Писк был специфичный, так сотрудников поднимали по тревоге.

ГЛАВА 13. ОГОНЬ НА СВОИХ.

Чёрное облако дыма Крис и Ирвин увидели ещё с вертолётa. Оно расстилось в ночном небе, но от самих обломков разрушенного завода лишь в некоторых местах струился пар: похоже, пожарные только-только закончили тушить место взрыва.

Крис прижался к стеклу, стараясь внимательнее рассмотреть место теракта, и пробормотал:

– А вот и обещанный ответ повстанцев.

– Как-то слишком жёстко, тебе не кажется? Информация о погибших есть? – Ирвин стучал стилусом по экрану портативного компьютера, быстро просматривая информацию о заводе из реестра. – Судя по нашим данным, штатная численность сотрудников – три тысячи человек.

– Пока нет. Но, думаю, под этими обломками запросто может быть не одна сотня народа погребена. Я вот что-то не понимаю: где тяжёлая техника? Они завалы не думают разбирать?

– Возможно, ещё не добралась.

Сверху было хорошо видно, как по периметру завода полиция заканчивала выставлять оцепление. Разворачивали последние ленты «Не входить», через каждые сто метров стоял постовой. И вовремя: зеваки из соседнего посёлка уже начали собираться за лентой.

– Завод не имеет названия, только код. МФ-11, – Ирвин по-прежнему читал информацию с экрана. – Основное назначение – чёрная металлургия. Делает из руды чугунные болванки, которые потом используются в других производствах. Принадлежит империи Энгельберта Томили.

Вертолёт опустился на площадку между забором и оцеплением, и напарники по очереди выпрыгнули из вертолётa. Их уже ждал какой-то крепкий полицейский. Он протянул руку и представился:

– Майор Кур, департамент общественного порядка.

– Лейтенант Интерфер, это лейтенант Когель, рудная безопасность, – Ирвин пожал руку. – Что здесь случилось?

– Теракт. Расстреляли будку охраны и ворота из гранатомётов, потом на территорию заехала машина, начинённая взрывчаткой.

– Машина? Там за рулём сидел смертник?

– Нет, судя по видеозаписи, они перед самыми воротами заблокировали ей руль, чтобы она могла ехать только прямо, а вообще она была на радиуправлении. После взрыва террористы покинули место преступления, предположительно на вертолётe.

– А машину они откуда взяли?

– Приехала своим ходом. Тут между заводом и посёлком одна дорога и ездят между ними только автобусы, которые возят персонал. По сообщению стационарного поста на выезде из посёлка, два часа назад на эту дорогу выехала неустановленная машина. Её остановили и проверили, но ничего подозрительного в ней не обнаружилось, за рулём сидела девушка. По документам – инспектор по безопасности, сообщила, что едет на завод с проверкой.

– Саму машину осматривали?

– Поверхностно, но в багажник заглянули. Маловероятно, что где-то смогли спрятать такое количество взрывчатки. Видимо, минировали на месте. Машина не возвращалась, а больше дорог здесь нет и с воздуха её найти не смогли. Думаю, что она лежит сейчас под завалами. Мы ещё не получили запись с камер поста, чтобы сравнить их с заводскими камерами.

– Большое спасибо, майор, будем ждать новой информации. С кем бы из персонала поговорить?

Кур развернулся и показал на низкорослого толстенького мужчину, стоявшего метрах в ста от них:

— Вон стоит начальник смены, думаю, что он сможет рассказать вам ещё что-то. Мы его опросили, но так, на скорую руку.

— Спасибо вам.

Ирвин кивнул Крису, и напарники направились к начальнику смены. По дороге Интерфер тихонько сказал Когелю:

— Хорошо, хоть не смертник, нам только смертников на Шарре не хватало.

— А мне вот другое интересно, — вполголоса ответил Крис. — Информации о жертвах, очевидно, пока нет, но народа полегло много. Как они собираются объяснять рабочим Шарры, что воюют за их свободу и попутно штабелями их же в землю и укладывают?

Начальник смены явно пребывал в глубоком шоке. Трясущимися руками он держал фирменную полицейскую кружку, пил горячий чай и смотрел в одну точку. Ирвин вновь представил себя и Крису и приступил к опросу:

— Где вы находились в момент взрыва?

— На рабочем месте. У меня что-то вроде стеклянного кабинета на втором уровне одного из цехов, оттуда видно печь и туда же заведены все системы контроля завода.

— Ясно. Сколько человек погибло, уже ясно?

— Трое охранников и двое рабочих. Первые были в будке, рабочие же оказались в эпицентре взрыва.

— Погодите... Всего-то пять человек? У вас целый цех рухнул! А те, кто был внутри?

— Цех рухнул не сразу, сам взрыв бетонные перекрытия выдержали, но дали трещины и развалились минут за тридцать. Мы успели всех эвакуировать за это время.

— Та-ак. Это уже интересно. А кто принял решение об эвакуации?

Начальник смены сжался под взглядом полицейских и пробормотал:

— Мистер Томили принял.

— Мис... что? Энгельберт Томили в час ночи принял решение об эвакуации?

— Да, лейтенант. Я сразу позвонил ему, как только всё случилось, он не спал. Сказал сразу эвакуировать людей.

Когда напарники отошли, Ирвин потрянул головой и сказал:

— Нечисто тут что-то. Не теракт, а пшик какой-то. На фоне нежданного благородства Томили.

— А что тебя так смущает? Стечение обстоятельств. Цех рухнул не сразу, начальник смены сориентировался, не стал трезвонить по инстанциям, сразу позвонил Томили, на которого, очевидно, имел выход. Тот тоже не стал рисковать.

— Именно! Это плавильный цех, Крис. Там внутри печь, работу которой нельзя останавливать ни на минуту, иначе там всё застынет и весь цех можно сносить. Простая эвакуация рабочих и возврат на свои места займёт не меньше получаса. Просто объяви здесь учебную тревогу — и цеху конец. Томили, даже не разбираясь, что тут случилось, командует управляющему всех вывести, хотя стены ещё стоят. По сути, он своё производство уже обрёл на гибель. Как-то не клеится у меня картинка. При похожем теракте в прошлом году местный хозяин заставил своих рабочих чуть ли не песком пожар засыпать. Только тогда взорвали нефтеперерабатывающий завод.

— И чем это тогда кончилось для хозяина? Даже комиссия с Континента прилетала, там всю его сеть заводов с ног на голову поставили.

– Да штрафом он отделался. Метрополия своих не сдаёт. Штраф был, конечно, большой и компенсации всем погибшим и пострадавшим.

– Вот! Томили прикинул риски и понял, что дешевле пустить завод в расход, ему, может, Континент даже компенсацию выделит. Да и вообще, у него репутация человеческого хозяина. Может, правда людей пожалел.

– Ой, Крис, не верю я в эти сказки. Что-то здесь не сходится. Ну-ка, пока кое-кто в шоке...

Ирвин вновь подошёл к начальнику смены и быстро спросил:

– Когда планировалась ликвидация предприятия?

– Ч-что? – толстяк испуганно поднял голову. – Какая ликвидация?

– Завод ведь собирались сносить?

– Нет, не собирались, – начальник смены поспешно отвёл взгляд и уставился в землю. – Никаких планов по ликвидации не было и быть не могло, МФ-11 – стабильное и успешное предприятие... было.

Интерфер какое-то время ещё посмотрел на испуганного толстяка, но тот явно не собирался говорить что-то новое. А устраивать допрос с пристрастием свидетелю без официального подозрения было, конечно, не по инструкции. Лейтенант вздохнул:

– Ладно, извините. Отдыхайте. Думаю, что мы вызовем вас повесткой для более предметного разговора. Постарайтесь прийти в себя, уложите в голове события этой ночи.

Начальник смены кивнул и отвернулся. Ирвин даже не понял, что именно от него исходил следующий вопрос. Он был задан вполголоса:

– Вы же из рудной безопасности?

– Да, – лейтенант снова повернулся к толстяку.

– Значит, должны понимать в инженерном деле. Загляните на нижний уровень. Я вам ничего не говорил.

После этих слов начальник смены вновь отхлебнул чая из кружки и замолчал уже окончательно. Ирвин ещё некоторое время смотрел на него, потом кивнул и направился к Когелю. Попутно он отстегнул от специального держателя свой карманный компьютер и снова застучал по нему стилусом. В реестре производств обязательно была подробная схема каждого завода или фабрики.

Крис как раз осматривал слетевшее крепление, на котором раньше держались ворота.

– Ну-ка, пойдём, – вполголоса сказал Интерфер напарнику.

– Это куда это?

– Судя по плану, на территории находится люк технологической канализации. Через него можно попасть на нижний уровень завода.

– Отлично. А что мы забыли на нижнем уровне? Напоминаю, рухнул цех, бетонными обломками могло раздавить печь, там весь уровень, скорее всего, в ещё тёплом чугуне.

– Ну вот и проверим. Мы без фанатизма. Начальник смены посоветовал там побывать. И, чуёт моё сердце, это любопытный совет.

ГЛАВА 14. СЛУЖИ И ПОДЧИНЯЙСЯ!

Сказать, что Астра была удивлена, – это значит не сказать ничего. Одно дело – подозрения и смутные догадки, и совсем другое – прямой ответ на все вопросы. Хотя. Вопросов, если честно, стало только больше. Томили – главный спонсор сопротивления? Но ведь именно он

задекларирован у них одним из главных врагов! Его заводы и фабрики несколько раз страдали от нападений Сопrotивления, больше того, тот самый ответ, который они собирались дать на разрушение Фабрики, он тоже...

И тут, как по волшебству, в голове Астры стали всплывать мелкие факты. Настолько мелкие, что раньше она на них внимания не обращала. А сейчас они начали складываться в некую мозаику, пока ещё без многих частей, но всё же...

К примеру, стало ясно, как Кречет внесли в официальные реестры. Раньше она думала, что помогли связи Ринга, теперь... выясняется, что помогли связи Ринга, только связи с тем человеком, на которого она не могла даже подумать.

А ещё главным возражением против теракта на МФ-11 было то, что пострадают сотни простых рабочих. Однако Муравей заверил, что дежурить в ту ночь будет их человек, который организует моментальную эвакуацию и не допустит массовых жертв. Погибших охранников не жалко несколько, это прихвостни Метрополии похуже полиции. А вот рабочих убивать Сопrotивление не собиралось. Потому план был разработан весьма изящный, основанный на том, что эвакуация начнётся ещё при первых ударах по воротам. Астра пока не могла понять, зачем Томили уничтожать собственный завод, но стало ясно, откуда в руководстве человек, помогающий повстанцам. И всё равно ничего не складывается, слишком много вопросов...

Томили жестом пригласил её и Ринга пройти. Он отодвинул для неё один из двух стульев за шикарным письменным столом из натурального дерева. Ринг сел рядом, а сам промышленник устроился в глубоком кресле с другой стороны. И начал беседу:

— Чай, кофе, может, что покрепче?

— Я, пожалуй, откажусь, — Астра ещё не до конца пришла в себя, но удивлённо хлопая глазами «говорящей голове» Сопrotивления было как-то не к чести. — Мистер Томили, вы не могли бы объяснить мне кое-что?

— Разумеется, мисс Нова, я готов ответить на все ваши вопросы.

— Нда... Ну, давайте начнём с того... сколько лет вы спонсируете наше движение?

Промышленник на секунду задумался, потом ответил:

— Думаю, что-то около двенадцати лет. Именно тогда мы познакомились с нашим общим другом, — элегантный жест в сторону Ринга, — и я понял, что мы можем быть друг другу полезны.

— Полезны в чём? Если вы что-то забыли, Сопrotивление сражается против власти Метрополии. Когда мы победим, то пострадают владения таких людей, как вы. В первую очередь!

Томили расплылся в радушной улыбке:

— Ну зачем же так грубо, мисс Нова? Вы уверены, что вам и вашему движению хватит сил, навыков, влияния сразу взять бразды правления промышленностью Шарры? Давайте говорить честно, у вас худо-бедно получается только воевать. И то, восемь лет назад Континент быстро подавил мятеж Сопrotивления. При таких навыках все фабрики и заводы Шарры, а также рудники и буровые встанут в течение года. Простые рабочие дальше своего носа не видят и не знают, а квалифицированные инженеры вряд ли останутся в охваченной революцией колонии. Другое дело, грамотное внешнее управление. Глядишь, при правильно построенной работе специалисты и не разбегутся.

Кроме того, даже если вы сможете одержать победу. Куда вы денете все свои ресурсы? В Метрополию, которая с вами только-только войну проиграла? Вы думаете, она захочет с вами

договариваться? Мечтатели! Да они лучше пояса потуже затянут, переживут без вашего металла и нефти, благо других колоний хватает. А Шарру начнут морить голодом.

Но, опять же, это только в том случае, если у вас не будет какого-нибудь влиятельного лица, вхожего во власть. Пожалуй, такое лицо могло бы договориться.

Астра глубоко вздохнула. Мозаика потихоньку собиралась. И чем дальше, тем меньше ей нравилось происходящее.

– Я так понимаю, что во всём этом предприятии вы хотите не просто сохранить свою империю. Вы её хотите расширить за счёт тех, чьи производства мы возьмём под свой контроль, и ещё получать процент от торговли с Континентом?

Томили был само добродушие:

– Астра, золотая вы моя девочка. Вы описали идеальный вариант, и я даже ни на мгновение не могу представить, что всё будет именно так. Где-то что-то помешает, где-то кто-то напакостит, и те тепличные условия из вашего монолога я вряд ли когда увижу. Но! Мысль вы поняли более чем верно. Какие-то сливки с революции мне хотелось бы снять. Взамен вы получите независимую Шарру с вашими порядками, законами и, главное, свободой. Возможно даже, со временем сможете избавиться и от меня. Разве не прелесть? Ринг говорит, что это ваша идея: не заглядывать в послезавтрашний раз и сначала дожить до завтра. Пока наша конечная цель – Революция, нам с вами по пути. Что будет дальше, решим после.

Астра вздохнула. Томили был ей глубоко неприятен. По сути, это был её враг, тот, с кем она формально сражалась. Но выложенные карты изменили ситуацию. Получалось, что и правда им сейчас по пути. И промышленник может серьёзно приблизить дату их победы.

А ещё он был прав в том, что после войны с Континентом всё же придётся договариваться. И потом... Проклятье, Томили был прав во всём. Что бы он ни говорил, он уже смотрел в послезавтра... Девушка прикрыла глаза. Ринг сидел рядом с ней, и она буквально кожей чувствовала его напряжение. От её слов сейчас зависело будущее этой войны.

Астре было обидно, обидно до слёз. Всю свою жизнь, начиная с тринадцати лет, она вынуждена была прогибаться под таких самодовольных скотов. Чиновников с нужной властью, полицейских начальников за нужное решение, а вот теперь ещё и под Томили. Вступив в ряды Сопrotивления, она надеялась, что уж тут-то всё будет не так и получится что-то изменить. Но опять огромное лицо сидело через стол, добродушно ухмылялось, а сказать в ответ было нечего. Более того, спонсорство Томили даже нельзя было выдать своим. Не поймут.

– Полагаю, если я откажусь от вашей, с позволения сказать, дружбы...

Улыбку с лица Томили как ветром сдуло:

– Полагаю, что вы не откажетесь, мисс Нова. Я щедро финансирую вашу организацию и готов увеличить размер своих пожертвований. Вы мне нравитесь, я давно наблюдаю за вашей деятельностью. Полагаю, что, если бы восемь лет назад у руля стоял такой человек, как вы, Шарра уже получила бы свободу. Поэтому я решил вам открыться. Но... Если вы скажете «нет», то я потеряю интерес к нашему бизнес-проекту. И мне больше не будет смысла давать вам деньги. И покрывать Кречет.

Астру как в грудь ударили. Этот боров ещё смеет её шантажировать! Девушка глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. Гори оно всё синим пламенем, её гордость, её мечты, её надежды. Революция – это всегда грязно, она это знала с самого начала. И грязь тут бывает разная, что ж, раз нужно для дела, так тому и быть. А после всего она ещё посмотрит, сбудутся ли сладкие мечты Томили о богатстве на независимой Шарре.

– Я думаю, что нам предстоит долгое сотрудничество... Энгельберт, – Астра буквально выдавила из себя имя промышленника. – Раз нам по пути, то так тому и быть.

На лице Томили засияла улыбка слаще прежней.

– Мисс Нова. Ну вы меня прямо порадовали. Вы точно не хотите выпить за нашу новоиспечённую дружбу?

– Давайте, – махнула рукой девушка. Её вдруг накрыла какая-то апатия. Она снова вспомнила, как всё началось, её тринадцать лет, кабинет местного чиновника. Не такой, как этот, конечно, но после унылой квартирки в Рекуренте тот кабинет показался ей дворцом. И за столом в своём кресле восседал такой же хряк.

Промышленник радостно достал откуда-то бутылку вина и два бокала. В глазах Ринга появился немой вопрос, но Томили предпочёл его не заметить. Он поспешно раскупорил бутылку красивым резным штопором и разлил розовую жидкость.

– Ну что ж, Астра, мне очень приятно выпить с вами. Я рад, что вы оказались весьма привлекательной молодой девушкой, так что, если не возражаете, мне бы хотелось продолжить с вами знакомство в более интимной обстановке.

– А? – подняла голову девушка. – В какой обстановке? Вы о чём?

Томили многозначительно кивнул на кровать и взял свой бокал. Ринг, похоже, понял, почему ему не налили, но молча поднялся и слегка склонил голову. Промышленник цыкнул сквозь зубы:

– Свободен!

Астра не верила своим ушам. Мало того, что этот хряк сейчас навязал ей свою гнилую дружбу, так теперь он ещё хочет... Кровь прилила к голове девушки, она вскочила со стула, да так, что тот упал за её спиной. Ринг даже не оглянулся на звук, лишь поспешно ускорил шаг. Миг – и перед ним уже разъехались автоматические двери.

Томили со своей сладкой улыбочкой смотрел на Астру:

– Вы против, мисс Нова? А как же наша дружба, наше общее дело, мои интересы, которые я могу к вам потерять?

Девушка тяжело дышала. Нужно было принимать какое-то решение, а в голове сейчас была лишь смесь детского страха и злобы. Но, как и тогда, защищаться было бессмысленно. Конечно, можно попробовать схватить со стола канцелярский нож или найти что-то тяжёлое (оружие в Терране она не носила), только их тайный спонсор ей такого не простит, а для Сопrotивления это чревато... И Ринг скрылся в дверях.

Пять долгих секунд они с Томили смотрели друг другу в глаза. Потом промышленник расхохотался и достал из ящика стола третий бокал:

– Ринг, ну куда же вы ушли, неужели шуток не понимаете? Поверьте, мне есть с кем удовлетворить свою похоть, мисс Нова несколько не в моём вкусе.

Ринг, поспешно перебирая своими длинными ногами, вернулся в комнату. Сейчас он вновь напоминал того скукоженного типа, каким старался казаться окружающим. С одной поправкой. Сейчас он не старался.

Астра выдохнула. Сегодня жизнь смилостивилась над маленькой мятежницей и ей не придётся пережить то, о чём потом будет так трудно забыть. Она мысленно поблагодарила высшие силы за это. На сегодня потрясений ей и так хватило.

ГЛАВА 15. СТРАХОВКА ОТ ПРОБЛЕМ.

Ирвину и Крису на удивление быстро удалось найти люк, закрывающий вход в технологическую канализацию. К его поверхности были приварены две небольшие ручки, так что стянуть его с горловины не составило особого труда. Первым вниз по узкой вертикальной лесенке полез, конечно же, Ирвин – как автор опасной затеи. Крис, впрочем, хоть и критиковал решение напарника, всё же полез следом.

Лестница уходила вниз метров на десять, после чего упиралась в узкий металлический мостик. Встав на него, лейтенанты увидели, что этот мостик уходит вглубь тёмного тоннеля диаметром примерно в два человеческих роста. Крис огляделся и включил фонарик. Потом спросил:

– Ты видишь что-нибудь? Что-то подозрительное?

– Пока нет, – Ирвин тоже отстегнул от пояса портативный, но мощный фонарик и осветил вглубь тоннеля. – Но я и не надеялся найти что-то сразу. Пошли.

Мостик распорками был прикреплен к стенам тоннеля и располагался на небольшом расстоянии от дна. А может, и нет. Внизу текла довольно бурная мутная речка, точно определить её глубину на глаз было невозможно. И всё же у Криси появились первые вопросы:

– Слушай, а чего этот мост к стенам подвесили? Обычно штангами на дно ставят.

– Я вот тоже заметил. Значит, дно такое... ненадёжное. Или там ещё чего. Но ты прав, странно.

Освещая путь фонариками, напарники осторожно двинулись вперёд. В тоннеле было значительно жарче, чем на поверхности, дышать было тяжело, но воздух всё же был. Крис снова заволновался:

– А мы тут чем-нибудь не траванемся? Ты не читал, чем они печь кочегарили? Не газом, случайно?

– Углём, судя по реестру. Но отравиться тут запросто, так что, если почувствуешь себя плохо, сразу иди назад.

– А ты?

– А я посмотрю, станешь ли ты зелёным, и решу по ситуации.

Крис покачал головой и крикнул. Иронии он не оценил. И всё же продолжил идти вперёд, попутно рассуждая вслух:

– Вообще, интересно: зачем такой тоннель нужен под заводом? Это же явно не канализация?

– Нет. Я думаю, это бывший холодильник. Посмотри туда, – Ирвин осветил фонариком под потолок. – Видишь остатки старых труб?

– И что?

– Это природный холодильник. Доменные печи нередко ставили над холодной подземной речкой, трубы охлаждения опускали под землю и погружали в ледяную воду. Естественный процесс, и не надо никакого фриз-оборудования.

– Ставили? В прошедшем времени? А теперь так не делают?

– Нет, и уже давно. У такого способа есть два минуса. Первый – вода в реке резко может стать теплее. По разным причинам. И тогда печь просто перегреется. А регулировать охлаждение нечем. А вторая – в таком технологическом тоннеле происходит настоящий шторм, ледяная вода, в ней раскалённые трубы... В общем, всё это...

– Стоп! – Когель задрал голову, рассматривая трубы. – Но как они могли охлаждаться? Тут между ними и водой такое расстояние... Или их необязательно прям погружали?

– Обязательно. Вот и думай, как такое возможно. Хотя секрета тут нет, ясно и так...

Договорить Интерфер не успел. Перед ними что-то звякнуло. Крис тут же выхватил пистолет и направил в темноту. Ирвин последовал его примеру:

– Колониальная полиция! Выходите с поднятыми руками!

В темноте слышались звонкие шаги стальных набоек по железному мостику, а в свете фонариков прорисовалась фигура человека. Он шёл, немного приподняв руки. Крис осветил ему в лицо и...

– Гнилой случай! – тихонько ругнулся лейтенант и поспешно поднял свой пистолет вверх. Человеку в темноте он сказал совсем другое: – Простите, мы вас не узнали! Вы можете опустить руки, мы не будем использовать оружие.

Ирвин тоже поспешно поднял свой пистолет вверх. А вот человек в темноте, напротив, руки опустил и сделал ещё несколько шагов к напарникам. Даже здесь, в жаркой технологической канализации, Флёр Дешанель выглядел как с иголки: безупречный чёрный костюм, начищенные ботинки, которые он как-то умудрился не испачкать.

Ирвин поспешно убрал свой пистолет в кобуру и ещё раз извинился:

– Простите, полковник, мы не собирались применять к вам оружие, просто...

Дешанель небрежно отмахнулся:

– Всё в порядке, лейтенант. Я видел, это недоразумение. Думаю, на нарушение принципа «свой-чужой» такая ерунда не потянет.

Крис облегчённо выдохнул. И меньшие недоразумения у полиции с Комитетом выростали в серьёзные стычки на уровне руководства. К любой ситуации, которую могли истолковать как нарушение принципа «свой-чужой», относились очень серьёзно. Но Дешанель явно не был настроен на вражду:

– Позвольте узнать, что тут делает рудная безопасность?

Ирвин уже в который раз удивился зрительной памяти Дешанеля: они с Крисом были в штатском, в плохо освещённом тоннеле, а он всё равно узнал их.

– Нам дали совет спуститься в технологическую канализацию. А вы как тут оказались?

– Комитет Метрополий всегда выезжает на место терактов. Особенно таких. Но если вас интересует способ, которым я попал именно сюда, то через провал. Вон там, шагов семьсот будет, бетонная плита поплыла.

– То есть как поплыла? – не понял Крис. – Бетонная плита поплыла? Куда?

– Плита закрывала собой тоннель и служила основанием цеха. От взрыва её сдвинуло, и она провалилась внутрь, как будто крышу со стен снесло. Ну, я смотрю, лейтенант Интерфер, вы и так уже догадались что к чему.

Ирвин осветил фонариком за спину Дешанеля и кивнул. Собственно, дальше ходить смысла не было, всё встало на свои места.

Крис работал в рудной безопасности меньше своего напарника, потому осторожно поднял руку вверх:

– А можно объяснить для глупых? Что понятно?

– Завод построен по старой технологии, с подземным охлаждением, – Ирвин перевёл луч фонарика на потолок. – Когда-то давно вода текла куда выше, чем сейчас, и охлаждала эти трубы. Трудно сказать почему – может, почва была рыхлая, может, тут совсем уж большие перепады температур, – но грунт стал проседать и начал образовываться этот тоннель, местами всё даже обваливалось до гротов, то есть настоящая подземная яма. Сверху тяжёлый завод и горячая печь, снизу холодная река, прочности фундаменту это не добавляло.

– То есть, ты хочешь сказать, со временем туннель бы разросся настолько, что завод бы просел в него?

Флёр ответил за Ирвина:

– Именно, лейтенант Когель. И не просел, а буквально рухнул бы, возможно даже в один момент. Такие случаи известны, и на данном этапе развития наших технологий ничего нельзя сделать. В аналогичной ситуации пробовали закачивать бетон, был такой случай на Шарре. Но помогло лишь на несколько лет.

– Та-ак. А как вы думаете, руководство завода знало об этом?

– Разумеется. Иначе откуда в природном тоннеле взялась та металлическая конструкция, на которой мы сейчас стоим? Знали, больше того, внимательно наблюдали за разрушением грунта с этого мостика и тянули с консервацией до последнего.

– И так и не законсервировали, – Ирвин вновь посветил вглубь, – завод оказался взорван. На удивление удачно. Кстати, частично с ним произошло именно то, что всё равно произошло бы со временем. Бетонная основа «уплыла» в тоннель. И что важно: если завод застрахован, то это не было бы страховым случаем, поскольку тут чистая вина владельца. Другое дело теракт – вот это точно страховой случай. Даже если страховки нет, высока вероятность компенсации от Метрополии. А из этого следует совсем удивительный вывод, только вот боюсь я его озвучивать...

Тут он осторожно взглянул на полковника. Но тот закончил его фразу:

– ...в моём присутствии? Не бойтесь, лейтенант, тут уж слишком всё очевидно. По каким-то неведомым пока причинам, Соппротивление действует в интересах Энгельберта Томили. Не скажу, что я удивлён таким поворотом, догадки были давно. А вот теперь есть уверенность. Такие вот удивительные вещи на Шарре происходят...

ГЛАВА 16. РЕНЕГАТ.

Фрея – единственный спутник планеты, на которой находились Континент, Шарра и другие колонии. Бело-голубое небесное тело, изъеденное кратерами, в безоблачные ночи часто светило получше городских фонарей. Хотя с солнцем ей было не сравниться.

Метрополия периодически предпринимала попытки колонизировать столь близкий и манящий спутник, туда не раз высаживались экспедиции, которые подтверждали, что поверхность полна полезных ископаемых. Но уж очень затратно было их добывать. Воздуха на Фрее не было, лететь далеко и дорого.

И просто зверские требования к здоровью космонавтов. Все понимали, что отобрать несколько членов экспедиции среди многочисленного Континента возможно, а вот найти тысячу таких же шахтёров в колониях – задача куда сложнее. Наверное, и её бы решили, но настолько острой потребности в природных богатствах Фреи пока не было и её освоение всё откладывали на потом.

Астра хотела сделать её символом Соппротивления. Вот же она, территория, свободная от Континента! Каждую ночь перед глазами. Но Ринг и Карет идею не одобрили.

Девушка любила смотреть, как ярко светится их далёкий спутник, как красиво на его фоне пролетают вертолёты. И мечтала, что когда-нибудь они всё же смогут добраться до Фреи. Не Метрополия, а ОНИ.

Сейчас небесное тело уже почти скрылось. Астра сидела на скамейке перед Лебединым прудом и бросала плавающим в нём уткам кусочки макового печенья. Таким ранним утром в

парке вообще не было народа, лишь какой-то поборник здорового образа жизни совершал пробежку. Но он быстро появился на тропинке рядом с водоёмом и так же быстро исчез.

Астра практически не волновалась. Арест ей явно не грозил, даже если колониальная полиция замыслила какую-то многоходовую комбинацию, то окончится она точно не здесь и не сейчас. Да и коррумпированный лейтенант почему-то вызывал доверие. Астра вообще доверяла плохим людям, если чётко понимала их мотивы. Конечно, хотелось бы занять в своих рядах идейного борца с Метрополией, но откуда им таким взяться, в рядах-то офицеров полиции, тщательно вычищенной после мятежа.

Кстати, название Лебединый пруд – это в честь той малой части полиции, которая сражалась на стороне Метрополии тогда, восемь лет назад. Лебеди – существа верные, потому Континент решил использовать их как символ. Все выжившие полицейские, не предавшие Метрополию, получили офицерское звание, особую прибавку к зарплате и нашивку в виде лебедя на форме.

Ну а плавали в пруду утки. Сами лебеди на Шарре не выживали, климат не позволял.

Крис подошёл так тихо, что Астра, с её многолетним опытом и острым слухом, его не заметила. А потому вздрогнула, когда он весьма необычно начал их знакомство:

– Бу!

Девушка подпрыгнула и повернулась. Когель был в гражданской одежде: светлая футболка, облегающие штаны из грубой ткани, лёгкая куртка. Нова невольно отметила подтянутость полицейского. Несмотря на обычную внешность, он по-военному держал осанку и явно не страдал от лишнего веса. Что ж, тренировки всегда были обязательной частью подготовки штурмовых офицеров. Хотя он же не штурмовой...

Когель присел рядом с ней, достал из кармана бублик в бумажной обёртке и тоже принялся кидать мелкие кусочки уткам. Попутно начался и разговор:

– Итак, вы хотели меня видеть? Несмотря на бессонную, по милости ваших друзей, ночь, я всё же здесь.

Астра сообразила, что его вызывали на подрыв завода МФ-11. Ну ничего, поспать ещё успеет.

– Да, я хотела бы вас видеть. Задам главный вопрос: почему вы не выдали меня на Фабрике?

– Ну а вы как думаете? – Крис продолжал крошить бублик уткам и смотрел прямо перед собой.

– Давайте спрашивать здесь буду я. Понимаю, что вам непривычно, но таковы условия.

– Хорошо. Я не выдал вас, потому что знал: после такого вы захотите со мной связаться. А я могу многое, очень многое рассказать вам и вашим друзьям. И даже оказать разумную помощь. За разумное же вознаграждение.

Астра кивнула головой. Пока всё по плану:

– И чем же вы сможете нам помочь?

– Информацией, Астра, информацией. Не надейтесь, что я ещё хоть раз прикрою вас так же, как на Фабрике, я не намерен так рисковать в дальнейшем. И! Чтобы сразу всё расставить по своим местам. Я ни на йоту не верю в победу Сопrotивления, потому даже не стану заикаться о гарантиях мне после Революции. Поскольку её не будет. Вы можете верить во что угодно, ваше право. Я останусь при своём мнении.

– Тогда ради чего всё это?

– Ради денег. Они у Сопrotивления есть, этой ночью я ещё раз в этом убедился, когда стало известно имя одного вашего... хм... спонсора. Подозреваю, что он далеко не один.

Астра удивлённо посмотрела на Когеля. Уж не о Томили ли он говорит? Крис тоже посмотрел на девушку и улыбнулся:

– От всего я вас не уберегу. Но вот о таких вещах, как недавний штурм Фабрики, вам будет полезно знать заранее. А мне будет приятно получить вознаграждение. Это то, на что я согласен. С оружием в руках воевать за вашу странную идею я не собираюсь. Я чужой на Шарре, и меня как-то мало интересует её судьба. А вот моя – интересуется.

Всё это было сказано весьма жёстко, но Астра вынуждена была признать, что Крис предлагал выгодную для Сопrotивления сделку. Его-то совесть совсем не гложет, а вот Нове снова придётся переступить через себя. Ещё только коррумпированного полицейского не хватало, чтобы окончательно очернить идею революции. Самое обидное, что все они, Ринг, Томили, Когель, настолько удачно вписывались в структуру Сопrotивления, что девушка уж начала задумываться, тем ли путём они идут. Ладно, к чёрту всё это. Лейтенант полезен, надо исходить из этого. Остальное потом.

Астра встала с лавочки и протянула Когелю руку ладонью вверх:

– Ваши условия понятны и приняты. Осталось одно тестовое задание, после выполнения которого вы станете заметно богаче. Пойдёмте.

Когель иронично взглянул на девушку, но за руку брать не стал, а спросил:

– Куда идём и что мне ждёт от своего обряда посвящения?

– Ничего особенного. Я хочу, чтобы вы провели меня в штаб колониальной полиции.

ГЛАВА 17. ТЕРРИТОРИЯ ПРОТИВНИКА.

– Напомни мне ещё раз: зачем мы это делаем? – Крис остановил служебную машину напротив проходной штаба и посмотрел на Астру. Глава повстанцев весьма странно смотрелась у него на пассажирском сиденье, да ещё и в полицейской форме. Девушка взглянула на него и улыбнулась:

– Я всего лишь хотела посмотреть, где работает мой будущий друг.

Она поправила на голове пилотку и глубоко вздохнула. Большой авантюры ей никогда и не снилось. Пройти в штаб колониальной полиции в форме сержанта постовой службы, посидеть в кабинете их нежданного союзника и выбраться обратно никем не узнанной. Когда Ринг предложил ей такую проверку Когеля, девушка сначала ушам своим не поверила. Но резон во всей этой аванюре был.

Лейтенант-предатель внушал всё больше доверия, однако просто тянуть из него информацию Ринг не хотел категорически. Он и так имел доступ к базам данных полиции и своих людей среди мелких сошек. Потому с самого начала он собирался приучать Когеля не только шпионить, но и делать что-то для Сопrotивления, как бы он тому ни противился. Знать это лейтенанту было необязательно, потому Астра их вылазку обозначила как «боевое крещение» Криса.

Хотя риск был не так уж велик, как она рисовала на этапе подготовки, когда они приближались к проходной, Астра всё же ощутила, что сердце в груди колотится как бешеное. Столько лет она бегала от полиции, а сейчас просто идёт в их логово, чтобы проверить на вшивость предателя. Важного предателя, но стоит ли он такой жертвы? Её элементарно может опознать кто-то из сотрудников, и тогда Сопrotивление враз лишится лидера и канала информации.

Правда, шанс такого исхода был один к тысяче. Чтобы уж совсем всё прошло тихо, Когель даже раздобыл Астре полицейскую форму. Кроме того, сегодня его напарника не было на месте, уехал по каким-то рабочим делам. Ещё лучше.

Постовые появлялись в штабе по различным служебным делам постоянно, так что охрана вряд ли удивится новому лицу. А Крис выпишет на неё пропуск как сотрудник. Зайдут, походят и выйдут. Делов-то... Если выйдут.

Для входа лейтенант выбрал Южную проходную. И неслучайно: остальные ворота имели пешеходную калитку и въезд для машин, а с юга могли подъезжать только машины. Соответственно, крошечную Астру охранник бы увидел только на сиденье служебного автомобиля, а не лицом к лицу. Крис сразу предупредил, что при малейших сомнениях могут попросить выйти, но на практике такое случается редко. Очень хочется, чтобы не случилось и сейчас.

Не случилось. Судя по взгляду охранника, его мысли были где-то далеко от полицейской службы. Он равнодушно взглянул в настоящее удостоверение Криса и липовые корочки Астры, которые Когель протянул ему из окна, и помахал рукой. Девушка была в шоке от такой безответственности:

— И всё? И никакого досмотра? Он мне даже временный пропуск не выписал!

Когель, который после въезда заметно повеселел, ответил:

— Нет, ну а ты чего хочешь? Полицейская машина, полицейская форма, полицейское удостоверение. Да и я тут уже примелькался. Если вы замыслили подрыв штаба полиции, то не думай, что всё так просто. Ту же машину достать — где возьмёте? Поверь, если вам и удастся угнать что-то у постовых, то такую машину сразу объявят в розыск и уж точно не пустят на территорию штаба. Но сейчас у нас тишина в столице, только по окраинам гроыхает.

Нове пришлось согласиться с Когелем.

Они проехали небольшое расстояние по полицейскому дворику и встали на служебной парковке. Девушка вновь отметила важную особенность: все парковочные места были подписаны своим номером. Но не по порядку, а числом из четырёх цифр, очевидно, они совпадали с бортовым номером автомобиля. Эта догадка подтвердилась, когда они вылезли из машины и Астра увидела на двери надпись «3447» — именно это место они и заняли. То есть ещё и не каждая машина полиции найдёт себе место в штабе.

Впрочем, о таком теракте, как подрыв полицейского управления, девушка пока не помышляла. Когель прав: это не так просто организовать, да и ответные карательные меры будут просто сокрушительными. Это ещё если Метрополия не пришлёт свою армию в подмогу, а она может.

Крис двигался семимильными шагами, и, чтобы поспеть за ним, ей приходилось смешно семенить. Форменная юбка до колена скорости не прибавляла, но всё это сейчас было не важно. Астра и не помышляла оказаться в сердце логова её врагов вот так, в форме и под прикрытием. Раньше девушка была уверена, что если ей и доведётся здесь побывать, то только в наручниках.

Вдвоём они миновали огромную стеклянную дверь и попали в холл. Если честно, то ничего особенного. Конечно, пол и стены были отделаны мрамором, а потолок светился ровным белым светом по всей своей поверхности, так что в помещении создавалась приятная для глаза иллюминация. Но такой отделкой могло похвастаться любое здание, имеющее какой-то вес перед Метрополией. Крис уверенно направился к длинному ряду лифтов, но Астра остановила его:

— А здесь есть лестница?

— Да, но нам на седьмой этаж.

— Ничего страшного, я хочу пройти пешком.

Лейтенант пожал плечами, развернулся и направился к неприметной дверке в углу холла. Никакого специального задания у Новы здесь не было, это в чистом виде «боевое крещение» Когеля, только и всего. Но девушка хотела увидеть как можно больше.

Идея большим успехом не увенчалась: лестница была лишь обычным пожарным выходом, наглухо отгороженным от остального здания, даже двери на этажи были не стеклянные, а сплошные, из белого пластика.

Первую любопытную вещь она увидела лишь на пятом этаже. Дверь там значительно отличалась от всех остальных: тяжёлая, железная, открыть её можно было лишь электронной картой.

— А почему везде открыто, а здесь чуть ли не сейф? — поинтересовалась девушка.

Когель равнодушно взглянул на дверь и ответил:

— Пятый этаж же, — после чего пошёл на следующий лестничный пролёт. Астра засеменила следом, но ей был нужен более внятный ответ:

— А что находится на пятом этаже?

— Отличная шутка, сержант, — спокойно ответил Крис. Он уже дошёл до середины лестницы и вдруг резко повернулся к девушке, рывком прижал её к стене и взял за горло. Поднёс своё лицо близко-близко и зашептал: — Если хочешь выйти отсюда, то либо молчи, либо веди светскую беседу о погоде. ВСЕ знают, что находится на пятом этаже, и если ты нет, то ты здесь чужая, поняла? Ты себя выдашь. Запоминай вопросы, на них я отвечу потом. И поправь волосы, — тут он отпустил её и отошёл на шаг. — Середина лестничного пролёта между пятым и шестым этажами — единственное место, которое не простреливается камерами. Я потом тебе объясню зачем.

После этого лейтенант невозмутимо пошёл дальше.

Астра выдохнула. Когель, конечно, манерами не отличался, но он был прав. Она начала задавать много вопросов, это может их выдать. Запоминать. Ладно, запоминать.

ГЛАВА 18. ПОЛИЦЕЙСКИЕ БАЙКИ.

Похоже, что шейные платки были изюминкой Альбины. Ирвин не видел этой детали гардероба на ней всего один раз: когда они познакомились. С тех пор они меняли цвет и фасон, но неизменно присутствовали на шее девушки.

Сложно поверить, что они не виделись всего двое суток. После весьма удачного свидания у Ирвина дома лейтенанта выдернули прямо из постели и отправили на МФ-11. Альбина тогда тоже засобиравалась домой, но Интерфер уговорил её остаться. Была уже поздняя ночь, линейные поезда не ходили, а вызывать такси... Да, в общем-то, ничего сложного не было в том, чтобы вызвать такси. Тем более, в Терране не было более безопасного вида транспорта, чем такси. Но ему не хотелось отпускать Альбину, она и сама не горела желанием уехать. Так и осталась, только второй комплект ключей ей дал на всякий случай. Как оказалось, не зря: вернулся домой он только под утро. И обнаружил вымытую посуду, заправленную кровать и записку с просьбой позвонить, как освободится. Работу аудитора никто, конечно, не отменял.

В итоге договорились встретиться на следующий день, то есть сегодня.

Ирвин знал, что эта встреча очень важна. Гораздо важнее, чем та. Сейчас Альбина затаится и будет смотреть на его дальнейшее поведение после того, как они переспали. Это любимое занятие девушек: вбить себе в голову, что мужчинам от них нужен только секс и за ним ничего, собственно, уже и нет.

Ирвин с таким отношением сталкивался постоянно. Элементарный вопрос, а откуда берутся браки, семьи, отношения, на данном этапе прекрасному полу в голову не приходил. Вот и Альбина почти наверняка начнёт выведывать его дальнейшие планы и как он к ней относится теперь. Переживём, не впервой.

Они встретились на уже обкатанной остановке линейного поезда. Ирвин подумал, что точку сбора пора бы менять, наверняка у девушки с этой остановкой связаны не самые лучшие воспоминания. Но всё как-то получалось, что здесь.

Итак, Альбина вновь появилась из-под земли (выехала на эскалаторе) вместе с толпой других пассажиров подземки. Кстати, идея зарыть поезда под землю пришла именно колониям. Лет двести назад стволы близлежащих шахт стали объединять техническими тоннелями, а чтобы быстрее попадать с места на место, использовали вагонетки. Со временем идея трансформировалась в полноценные пассажирские составы под землёй. Метрополии эта идея казалась странной, но, нехотя и со скрипом, и её города переняли удобную новинку. Подземные поезда не были скованы наземными постройками и не имели ограничений в скорости. Сейчас они есть даже в самом захудалом посёлке Метрополии. Что касается Шарры, то такой транспорт был только в Рекуренте, Терране и Руте.

Но мысли Ирвина сейчас были далеко от истории линейных поездов. Он смотрел на Альбину. Как же она преобразилась за этот месяц! Свет прямо лучился у неё изнутри, на щеках появился румянец, а глаза блестели. Вот лишь бы чего не сорвалось, пока-то всё идёт как надо. А там...

Интерфер давно ловил себя на мысли, что одиночество гнетёт его. В отличие от свободолобивого Когеля, он особо не боялся брака, но вот достойной кандидатуры всё не находилось. Да и специфичная работа не прибавляла времени на поиски.

Увидев его, девушка подошла. На лице была просто безупречная белоснежная улыбка. Ирвин вдруг понял, что от природы такого почти не бывает и девушка наверняка исправляла прикус. Ну, это её дело.

– Привет! – Альбина чмокнула его в щёку.

– Привет, – Ирвин также не стал пытаться поцеловать девушку в губы. Сегодня в его планы вообще не входило что-то интимное. Как раз наоборот: – Пойдём. У меня для тебя снова сюрприз.

Девушка вдруг перестала улыбаться и осторожно спросила:

– А он опять у тебя?

– Нет, сегодня нет.

Когда Крис узнал о том, что задумал его напарник в этот раз, то чуть не свалился с кресла. Неудивительно. Учитывая его манеру закидывать ноги на стол и качаться туда-сюда, он часто соскальзывал на пол.

Ирвин повёл Альбину в центральный парк. Он не очень любил это место, Лебединый пруд напоминал о событиях восьмилетней давности, а он их старался не ворошить без надобности. Но сегодня повод был. В Терране было не так уж много мест, где можно устроить пикник.

С собой лейтенант прихватил рюкзак с бутербродами и пледом. Взяв Альбину за руку, он быстрым шагом направился в сторону парка. Девушка засеменила рядом и очень скоро не выдержала темпа:

– Ирвин, подожди, не беги так! Я же на каблуках, да и у тебя один шаг – два моих.

– Извини, – Интерфер немного сбавил скорость.

– Ничего. Знаешь, говорят, что быстро ходят одинокие люди.

– Да? А почему?

– Потому что они не привыкли, что рядом может кто-то идти и ему нужна скидка, они ориентируются только на свой темп.

Случайная мысль, высказанная с явной иронией, оказалась на удивление глубокой, и Ирвин даже на минуту задумался. Альбина некоторое время шла молча, но потом всё же решилась вмешаться в его мыслительный процесс:

- А куда мы всё-таки идём?
- В центральный парк. Сегодня у нас по плану пикник!
- Ух! Всё по плану. А можно будет как-нибудь взглянуть на этот подробный план?
- Возможно...

До парка они дошли минут за двадцать. Надо отдать должное его основателям, продумано там было почти всё. В том числе множество маленьких опушек, отгороженных друг от друга плотным барьером деревьев. Как раз для семейных или романтических пикников. На одной из них они и расстелили плед. Ирвин выложил бутерброды и картинно задумался:

- Так... А пить-то мы что будем?

Альбина смотрела на него с любопытством, в её глазах горели озорные огоньки:

- Я не знаю, ты же ведущий.
- Что ж... Оплошал твой ведущий. Значит, поищем что-нибудь в лесу, – с этими словами

Ирвин поднялся на ноги и огляделся вокруг. – Блин, хоть бы воды где взять. Может, вон в том дупле что-то завалялось?

С этими словами он подошёл к огромному дубу на окраине опушки. В дубе было внушительное дупло. Актёр из Интерфера был никакой, все реплики получились на редкость фальшивыми, но, когда он извлёк из дупла бутылку вина, Альбина расхохоталась и захлопала в ладоши:

– Здорово! Лейтенант, вы меня не перестаёте удивлять, я как-то думала, что полиция большим умом не отличается... Ой...

Тут девушка замялась. Ирвин махнул рукой. Обычные граждане недолюбливали полицию, тайны в этом не было. Хотя слова Альбины прозвучали крайне неуместно. Она и сама это поняла:

– Извини, я не хотела оскорблять твоих коллег. Просто... ну... В общем, я хотела сказать, что ты очень сообразительный и оригинальный.

Ирвин присел на край пледа и принялся раскупоривать бутылку. Альбина какое-то время наблюдала за ним, а потом вдруг сказала:

- Спасибо, что не повёл к себе. Правда. Я этого боялась.
- Почему? Тебе что-то не понравилось в прошлый раз?

– Нет-нет, что ты! Нет, тогда всё было здорово, просто... Знаешь, у многих мужчин после этого как будто ломается какой-то барьер. Я не знаю, смогу ли это объяснить правильно, но меняется отношение. Как будто до этого девушку надо завоёвывать, водить везде, дарить цветы, а вот после – всё, миссия выполнена. Я понимаю, что конфетно-букетный период не длится вечно, но как-то неприятно, когда он резко обрывается, да ещё и по такому поводу. Спасибо, что с тобой не так.

Ирвин хмыкнул:

- Сказано со знанием дела. Неужто я у тебя не первый?
- Эй! – шутливо вскинулась девушка.
- Считаю это маленькой мстью за тупую полицию.

Альбина засмеялась. Они разлили вино по стальным походным стаканчикам. Ирвин вдруг понял, насколько он проголодался, потому тут же запихнул в рот целый бутерброд. Альбина с

улыбкой смотрела, как он ест, сама она откусила лишь маленький кусочек. Когда лейтенант немного прожевал, вдруг спросила:

– Ирвин, а можно один вопрос?

– Конечно.

– Ты правда не слишком похож на полицейского. В нашу первую встречу я сказала, что примерно так себе и представляла сотрудника вашего ведомства, но ты удивляешь меня, и чем дальше, тем больше. Как получилось, что такой человек пошёл работать в такое место?

– А чем тебе так не угодила полиция? Кто-то должен ловить преступников.

– Мне кажется, что в колониях эта организация выполняет больше карательные функции. Во всяком случае, жители вас точно недолюбливают. Я тут слышала в новостях про разгром какой-то базы Сопротивления. Кажется, она называлась Фабрика. Погибло много людей. Я хоть и родилась в Метрополии, но всё же считаю, что людей нельзя судить за их политические взгляды.

– За это никто и не судит. Судят за теракты, которые они устраивают с завидной регулярностью. Или ты считаешь, что если у убийства есть политический мотив, то это не убийство?

– Разумеется, убийство! Просто для борьбы с такими людьми существует Комитет Метрополии, насколько я знаю. Почему полицию всё равно приплетают?

Ирвин вздохнул и глотнул немного вина. Потом ответил:

– Чтобы ты понимала смысл того, как всё устроено и работает, пожалуй, начну сначала.

За безопасностью и правопорядком на Шарре следят две структуры. Колониальная полиция, к которой относимся все мы, занимается любыми уголовными и административными правонарушениями, будь то пьяная драка или теракт с сотней жертв. Это основа правопорядка. Комитет Метрополии интересуют только крупные дела, обычной дракой он заниматься не будет. Однако наши сферы влияния всё равно постоянно пересекаются. И вот дальше нужно понять суть этих организаций.

Полиция преимущественно состоит из местных, однако обучение они проходят в Метрополии. Это обязательное условие. Каждый полицейский жил и учился на Континенте, тут без вариантов.

Комитет, напротив, состоит из выходцев Метрополии. У Комитета куда больше прав и влияния: они могут вмешаться или даже забрать себе любое дело, у них очень широкие права на применение оружия, имеют право по своему усмотрению казнить особо опасного преступника на месте. У них совершеннее техника, нет проблем с кадрами. Однако полицейских больше, они местные, а значит, пользуются большим доверием у населения. Как я уже упоминал, Комитет и полиция постоянно сталкиваются лбами на разных делах, преимущественно это те, что связаны с терроризмом.

– Я бы сказала, что они революционеры, а не террористы, – перебила Альбина Ирвина.

– Называй как хочешь, это предмет отдельной дискуссии. Я, пожалуй, всё же продолжу называть их террористами. Так вот, у полиции всегда свой взгляд на ведение дел, полицейские помягче Комитета, да и полномочий у них поменьше. Комитет жёстче и агрессивней, но они как были чужаками, так и остались. Потому полностью освободить полицию от ловли повстанцев не получится, Комитет в одиночку это не вытянет. Так и толкаемся. При этом есть у нас подразделения, которые не хотят марать себя политическими дрызгами. Например, департамент Криминальной Полиции занимается исключительно уголовщиной, его начальник, Джозеф Карпентер, категорически запрещает подчинённым лезть в политические дела. Но я работаю в Департаменте Поддержания Стабильности, так что война с терроризмом – моя прямая обязанность.

– Тогда я снова задам тебе изначальный вопрос: как вообще ты оказался в полиции?

Ирвин вздохнул и поставил стакан на землю:

– Тебе ответить честно?

– Хотелось бы.

– Я родился в самом большом посёлке Шарры, в Руте. Крупнее только Террана и Рекурента. Оттуда не так много путей, по которым может пойти твоя жизнь. Самые очевидные – на завод или в шахту. Теоретически, можно поступить в университет в столице или даже Метрополии и стать инженером, но для этого нужно иметь очень много серого вещества в голове. У меня столько нет.

Альбина хмыкнула, потом спросила:

– Но есть и третий путь – полиция?

– Да. Этот путь мало отличался от первого. Кем может стать выходец из рабочего посёлка? Постовым, не выше. А постовая служба, точнее Департамент Общественного Порядка, – это именно те полицейские, о которых ты такого невысокого мнения. Недалёкие, грубоватые, солдафоны. Но именно такими качествами и нужно обладать, чтобы пьяные драки разнимать да жуликов ловить по горячим следам. Мне там было неуютно с первого дня, но я мечтал о карьере офицера, хотя знал, что мне ничего не светит. Хотелось думать, искать, расследовать, а не составлять очередной протокол на пьющего шахтёра, который опять побил жену.

– Но ты ведь добился своей цели!

– Да. Тут мне помог мятеж, который был восемь лет назад. И ещё я многое понял тогда, Альбина. Потому и называю террористов террористами и никак иначе.

– И что же произошло восемь лет назад?

Ирвин вновь взял свой стакан с вином, отпил и ответил:

– Мятеж. То есть сначала это был просто массовый митинг. Как раз истекали полномочия тогдашнего главы колонии, и на это место собирались назначить нового человека. Старый уже был, старый – это в буквальном смысле, он хотел на пенсию, о чём и уведомил Метрополию. У него был отличный зам, который был весьма популярен в колонии. Его звали Ангелус Фарелус. Все надеялись, что именно его назначат преемником. Я тебе больше скажу, даже Континент уже собирался это сделать.

– Но?

– Но кто-то пустил слух, что его не назначат. Мощный слух. И вышел митинг на защиту Фарелуса, митинг, который, в общем-то, был не нужен. А Метрополия очень не любит такие вещи, она никогда не пойдёт на уступки, если требовать в лоб. Митинг разогнали, тогда ещё силами полиции. На следующий день защищать Фарелуса вышло в десять раз больше людей.

– И Метрополия ввела войска?

– Нет, поначалу надеялись на полицию. Прислали своего ставленника, Фарелус болтался в воздухе, явно колебался. Ему хотелось стать лидером Шарры, но сразу выступить против Метрополии он не решился. Пару дней его не слышно-не видно было. Думал. Наверняка не один, кто-то склонял его на нужную сторону. В итоге он поддержал тех, кто вышел на улицы, и собрался всё же возглавить Шарру. К тому времени сделать это законно было уже нельзя, преемник назначен. В общем, получилось, что это уже была последняя черта. Полиции отдали приказ разгонять толпу, а Фарелуса арестовать. Я хорошо помню этот день. Уже была осень, вода замёрзла, промозгло, но снега ещё не было. Мы круглые стуки стояли в оцеплении, а за барьером... А кто за барьером? Обычные люди, трудяги. Те, кого мы защищали. Точнее, должны были защищать.

Тут Ирвин на минуту замолчал и отпил ещё вина. Альбина тоже помолчала, но потом всё же не выдержала:

— И что было дальше?

— Дальше? Глядя в глаза толпе, всем этим людям, мы невольно стали задаваться вопросом: а на той ли мы стороне? На площади проходил огромный митинг за то, чтобы жители Шарры, то есть мы все, могли определять свою судьбу, выбирать человека, который будет нами управлять. Тогда вопрос о независимости ещё не ставили, он возник позже. Получается, что мы, полиция, должны были выполнять приказы Метрополии и подавить справедливые, в общем-то, требования своих соотечественников. Повстанцы умело пользовались этим нашим внутренним противоречием и насаждали нам мысль, что мы должны слиться с этой толпой и вместе выступить против Метрополии единым фронтом.

— И вы выступили?

— Я — нет, а большинство — да. У меня на форме есть небольшая нашивка в виде лебедя, означает принадлежность к гвардии. Лебедь — символ верности. Гвардейцы в полиции — это те, кто остались верны Метрополии, но нас было меньшинство. Точно так же и среди гражданского населения часть людей не захотели участвовать в мятеже, а кто-то даже пошёл против него. Тогда на нас смотрели как на предателей. Какое-то время нам удавалось сдерживать силы повстанцев на Шарре, причём приходилось сражаться против своих. Я не очень люблю вспоминать эти грязные времена. Потом нас поддержала прибывшая армия Метрополии и уже вместе переворот удалось свести на нет. Фарелуса расстреляли.

Альбина молчала. Замолчал и Ирвин. Наконец, девушка решила нарушить тишину:

— А можно ещё один вопрос?

— Да.

— Почему же ты не пошёл со всеми? Остался верен Метрополии, ведь ничего такого народ Шарры не требовал тогда, более того, почти все твои сослуживцы перешли на сторону народа. А ты прекрасно знал, как Метрополия подавляет мятежи, но выступил за них. Ты не похож на беспринципного человека, почему тогда?

— Потому что ещё тогда, стоя в оцеплении, я начал видеть, Альбина. Видеть то, что видели немногие. В нас летели дымовые шашки. Но мы не видели, кто их бросает, мы видели лишь обычных людей, боевики прятались в толпе, за их спинами.

Мы сражались против своего народа, но мы это и так понимали. А кто-то планомерно промывал нам мозги, изо всех сил давя на это чувство. Потому что толпа громила отделения полиции, армейские части, административные здания. А особняк местного магната, на чьих фабриках трудились многие жители Шарры, который основательно выкачивал деньги из колонии себе в карман, так вот его особняк стоял нетронутым. Более того, его охраняли люди с лентами «за свободу Шарры». Ленты, кстати, очень оперативно напечатал не пойми кто, и раздавали их просто так.

Эта революция стала вызывать у меня всё больше вопросов. Несмотря на общий настрой, я чувствовал, что не всё идёт своим чередом, что чья-то неведомая рука направляет ход событий в нужную сторону.

Повстанцы продвигали справедливые и светлые идеи, но многие не чурались грабежами, мародёрством, было много изнасилований. На территории штаба полиции вообще такое происходило... Потом даже нашли изнасилованную девочку с гербом Метрополии на спине, его ей выжгли как клеймо. Девочка была мертва, разумеется. Не-ет, это была не воля народа. Вслед за организованным и чистым гражданским протестом на Шарру пришла анархия.

Я давно знал, что ни одна революция не приносит людям счастья. Разрушить всё и построить заново – плохая стратегия. Настоящее счастье достигается только путём эволюции и постепенных перемен. Но в самом начале протестов я даже усомнился в этом, мне на какое-то время стало казаться, что всё получится: сейчас мы единым строем выступим против Метрополии, она отступит, мы получим свободу и заживём. Но первый же дух свободы погрузил колонию в такой хаос, что я просто испугался. Уж лучше жить под властью Метрополии, но без страха ходить по улицам, подчиняться общим законам, пусть это даже будут не наши законы. После колонизации прошло уже много времени, тёмные времена, когда из нас тянули все жилы, прошли. Сейчас участь колоний не так уж плоха. И Метрополия продолжает идти на уступки.

Нет, те, кто организовали этот переворот, не хотели счастья для Шарры. Они просто не хотели делиться с Метрополией. Вот и вся суть той революции. Потому я выступил на стороне Лебедей. И, честное слово, я не жалел об этом ни дня.

***

Кафе «Дуал» работало в обычном режиме. Да, оно подразумевалось как место романтических встреч, но это больше по вечерам, днём сюда иногда забегали просто поесть одиночки или парами, необязательно на свидания. Вот и сейчас никого особо не удивила парочка полицейских в форме, которые сидели за столиком в углу и пили чай. Может, зашли передохнуть на дежурстве, а может, служебный роман у них наклёвывается. Кому какое дело?

Опытный взгляд определил бы, что девушка была в форме постового сержанта, а вот молодой человек целый лейтенант. А ещё он был раза в три больше своей спутницы.

Руки у Астры ещё немного дрожали, но это была приятная дрожь. Она сама не до конца верила в то, что с ней происходит в этот день. Она, Астра Нова, преступник номер один на Шарре, сидит в кафе и пьёт чай с лейтенантом колониальной полиции. Скажи такое месяц назад – ни за что б не поверила. Она глубоко вздохнула и посмотрела на своего спутника. Тот её радости не разделял:

- Ну что, прошло моё боевое крещение?
- Почти. Ты обещал рассказать, что находится на пятом этаже.
- Там тюрьма. Точнее, следственный изолятор. Туда попадают все задержанные.
- А почему именно на пятом? И почему тот лестничный пролёт не снимают камеры?
- Раньше изолятор был в подвале, где ему и место. Но как-то один умник умудрился

прокопать туда подкоп из соседнего здания и несколько преступников сбежали. С тех пор изолятор перенесли поближе к центру здания, но не слишком высоко, чтобы не таскать задержанных по всем коридорам. В подвале сделали душевые, оружейную и архив.

- А камеры?

Крис отвёл взгляд и отпил чай. Потом всё же спросил:

- Ты правда хочешь это знать?
- Теперь уже точно хочу.

– Во время бунта, восемь лет назад, штаб полиции почти в полном составе остался верен Метрополии. И те полицейские, что там были, сражались до последнего. Проблема в том, что штаб как крепость: взять нахрапом не получится, но и деваться оттуда некуда. Вертолёт там один или два постоянно дежурит, да и куда лететь, если вся Шарра – один большой враг. Про небесный гарнизон в аэропорту они не знали. Когда у толпы появились лидеры, штаб полиции стал одной из главных целей...

В общем, из полицейских, что там были тогда, не осталось в живых никого. Вся гвардия, что есть сейчас, — это мелкие сошки, которые по каким-то причинам не перешли на сторону мятежников. Постовые, патрули, участки полиции в поселениях. Я смутно знаю подробности той истории, знаю, что Метрополия собрала верные силы в Рекуренте и в аэропорту Терраны, два очага неподчинения общему настрою, — тут Когель невесело усмехнулся и отпил из своей кружки.

Астра, в принципе, знала эту историю, только с другой стороны. Знала она и про штурм штаба полиции. Эта история повстанцев точно не красила, потому что они о ней вспоминать не любили. Не вспоминала и Метрополия.

Тем временем Крис продолжил:

— Рекурента почти целиком находилась под контролем сил, верных Метрополии, аэропорт Терраны планировали захватить через несколько дней после начала волнений. Сразу как-то не сообразили, там и укрылись многие из тех, кого станут называть «лебеди». Когда пошли брать его, они успели там укрепиться. Но что такое аэропорт по сравнению со штабом полиции? Гражданское здание, ещё и стеклянное. Думали, что его сметут.

Астра и про это знала. Защитники аэропорта получили от мятежников фору в несколько дней. Пока окончательно появилось управление мятежом, пока взяли под контроль все основные здания Терраны, пока одно, пока второе. На аэропорт, который находился в удалении от города, выдвинулись чуть позже, чем надо было бы. Но тогда ни у кого не было сомнений, что кучка полицейских и примкнувших к ним гражданских не устоит перед первым же ударом...

— Аэропорт продержался неделю, — продолжил Когель. — Строго говоря, его так и не сдали, через семь дней туда высадился десант Континента, и уже объединёнными силами они начали теснить мятежников обратно в город. История о том, как они выстояли, даже вошла в армейский учебник Метрополии. Я думаю, что их можно было понять. Они сражались не за Континент, а за свои убеждения и в первую очередь за свою жизнь. В случае поражения их бы вырезали, как штаб. Мощный стимул. Потом говорили, что за всю неделю не допустили ни единой ошибки и ни одной бреши в обороне. Я думаю, что преувеличивают, но смысл от этого не меняется. Неделю они продержались, вошли в историю как «небесный гарнизон», почти не понесли потерь и первыми были зачислены в гвардию. Потом туда отправят всех полицейских, которые не предали Метрополию. Но их первыми.

***

— ...После обороны аэропорта нам дали звание гвардейцев и лебединые нашивки, — Ирвин вдруг понял, что уже сто лет не рассказывал никому о тех событиях. Но с Альбиной его как прорвало.

— Я читала, что оборона была просто героическая, но как вы выстояли? Вам противостояла армия, которая вас превосходила в десятки раз!

— Это была не армия, Альбина. Армия штурмовала штаб полиции, вот там повстанцы согнали своих головорезов. И настоящие герои погибли там. В аэропорту все наглядно увидели, как куча необученных шахтёров не в состоянии противостоять малым силам подготовленной полиции. Та неделя — это, можно сказать, революция такая, какой должна была бы быть, если в неё не вмешивается Соппротивление. Вот там мы увидели народ. Пьяный, неорганизованный, орущий какие-то лозунги, направляемый такими же маловменяемыми лидерами. Людское стадо, как оно есть, во всей красе. Каждый раз, когда я вижу чистых рабочих, инженеров, студентов, я вспоминаю, по сути, их же, но там, восемь лет назад. Что с людьми делает вседозволенность,

как они быстро превращаются в животных, даже удивительно. Революция — это страшно ещё и потому, что теряешь всякую веру в людей. Ну не всякую, тут я загнул, конечно. Были отдельные, кто сохранил своё лицо. Но в большинстве своём — стадо. И этим стадом, уже почти не скрываясь, погоняли повстанцы. Умело, только они и сами расслабились. Охмелели от победы. А нам отступить было некуда, мы знали, как погибли в штабе наши, себе такого же мы не хотели.

— А как же ваши коллеги? Те, что перешли на сторону народа. Неужели они спокойно смотрели на то, как вас убивают?

— Соппротивление учло и это. Штаб полиции смели очень быстро, сметали его силами, как я уже говорил, боевиков-головорезов, да разъярённый народ ещё подключили. Полицейских, которые поддержали мятеж, оттеснили на окраины под предлогом патрулирования территории и недопущения беспорядков. Когда узнали о том, что произошло в штабе, была нехилая стычка повстанцев с этими... не знаю. Наверное, они всё-таки предатели, но почему-то не могу я их так называть. Стычка особых последствий не имела, наших бывших коллег почти убедили, что всё вышло спонтанно и более такого не повторится. Хотя после неё, часть людей прозрела и присоединилась к нашему небесному гарнизону. Проклятье, красиво нас всё-таки обозвала Метрополия!

— А разве это не народная молва вам такое придумала? — удивилась Альбина.

— Да кто бы нам это придумал? Народ, который нас там осаждал? Вся история мятежа переписана Метрополией задним числом. Общий ход событий правильный, но замкнуты некоторые факты, некоторые, напротив, выставлены значительней, чем было на самом деле. Вот оборона аэропорта — яркий пример. В той истории она имела не такое большое значение, как преподнесли позднее. Ну не высадился бы там десант, высадились бы вертолётами в пустыне, потеряли два-три дня. Разница не принципиальна. Но Континенту важно было показать, что были несогласные с мятежом, сохранившие верность. Ну и сама осада получилась, конечно, хрестоматийной. Опережая твой вопрос, нет, и в ней наши бывшие коллеги с той стороны тоже не участвовали.

По сути, пришла толпа, эти пьяные в прямом и переносном смысле представители человеческой расы нам и говорят: сдавайтесь, и тогда, возможно, — тут Ирвин выделил голосом, — ВОЗМОЖНО, вам сохранят жизнь. Нашли дураков...

В общем, ту неделю я помню смутно, эпизодами. Помню, было много мыслей, что я почему-то сражаюсь со своим же народом за свою жизнь и за Метрополию. Как это странно и неправильно, но выбора нам уже не оставили. Точнее, мы сами его сделали, когда пришли отстаивать аэропорт, но всё равно. Да не важно, на самом-то деле. Через неделю мы были вымотаны, но могли бы держаться ещё. Запасы еды и воды там были, оружие предусмотрительно натащили ещё в первый день, а потом нам Метрополия сбрасывала посылки с вертолётов, попутно накрывала наших противников артоналами с воздуха. Потом прибыл и десант.

Тут Ирвин замолчал и глотнул ещё вина. Альбина почувствовала, что пауза была сделана не просто так.

— Ты как будто чего-то недоговариваешь. Точнее... рассказываешь официальную версию. Что-то было не так на самом деле?

— Нет, всё было так, только...

***

— ...Только какой смысл был делать из лебедей героев? — Астра отхлебнула ещё немного чая из кружки. Она уже и сама не поняла, как включилась в рассказ о тех событиях.

– Что? – не понял Когель.

– Ну смотри. Было три сильных очага сопротивления революции. Рекурента, штаб полиции и аэропорт. Штаб взяли первым, но там прессинг был такой, что никому не позавидуешь. Это произошло быстро. Боёв в Рекуренте почти не было, они так и остались верны Метрополии. Главный и самый продолжительный удар пришёлся на аэропорт. Уже дня через два-три на Шарре появились истребители и вертолёты Континента, наносили точечные удары по мятежникам, сбрасывали помощь лебедам. А спустя неделю появился десант, и общими силами мятеж подавили.

– Всё так. Но я по-прежнему не понимаю, к чему ты клонишь, – впервые за день Крис был заинтригован.

– Зачем тянуть неделю? Если есть верные силы, почему не высадить десантников как можно скорее, чтобы спасти кого ещё можно? Опереться на их поддержку? Откуда они могли знать, что небесный гарнизон продержится так долго? Ну сколько нужно для формирования ударного отряда и воздушной подготовки? День, два, три. Ну не неделя же! Но ждали неделю. Вопрос: чего ждала Метрополия?

– И чего?

***

– ...И чего ждала Метрополия? – Альбина была вся внимание.

– Думаю, она хотела показать мятежной колонии, что будет без их власти. Когда с улиц исчезнет порядок и власть перейдёт к Сопротивлению. Когда люди получат столько свободы, что не смогут с ней справиться. Урок получился более чем поучительный. Нам же хотели показать, насколько мы чужие на своей родине. И что выбор в пользу Метрополии обратной дороги не имеет.

Понимаешь, я до сих пор помню момент высадки десанта. Какие там штурмовики, какой Комитет?! Вот где мы увидели настоящую армию! Я никогда не видел такой слаженности, такой тактики, такого оружия! Они разогнали толпу, осаждающую аэропорт, в первый же час после высадки. К концу первого дня Террана почти целиком перешла под их контроль. Мятеж? Я тебя умоляю, Альбина, у Континента больше ста колоний и в одной-двух постоянно происходят волнения, это считается нормой. Соответственно, есть летучие отряды, которые эти волнения подавляют, им было не в первый и не в последний раз. Тогда я понял ещё одну важную вещь: мы тут сидим, надувшись от гордости, и мечтаем о свободе. Сопротивление готово воевать с Континентом. Но оно даже не представляет его мощь и силу. Пока повстанцы сидят в подполье и высовываются только ради мелких атак, Метрополия лениво шугает их местной полицией и Комитетом. Но если поднимается мятеж, вот только тогда можно увидеть, на что способны наши хозяева.

Если колония мечтает одолеть такие силы в одиночку, то... ну это не от большого ума. Вот мятеж половины колоний Континент, пожалуй, не одолеет, да только вряд ли это когда-то случится. Во всяком случае, я на это надеюсь.

***

– ...С той поры мы сделали много важных выводов, – Астра тяжело вздохнула. – Всё тогда получилось как-то... Не так, как надо было. Не туда направили главный удар, не так себя повели, не смогли организовать людей, да и сами быстро потеряли всякую организацию. Как будто выпили первый раз в жизни и опьянели. Больше таких ошибок мы не допустим.

Надо отдать должное Метрополии, они дали Шарре побарахтаться в их же помоях, которые выплыли наружу. Потом, когда писали эти истории официально, особый упор делали на случаи беззакония. Положительные моменты и тот факт, что Соппротивление тогда поддержало абсолютное большинство населения, старались замалчивать. Как и наши настоящие цели. Мы хотели сделать народ свободным, и народ этого хотел. Тот факт, что большая часть полиции перешла на нашу сторону, о чём-то говорил. Все устали от власти Метрополии, все хотели сами распоряжаться своей землёй. И это был протест в один голос за редким исключением. Да, неорганизованный и местами грубый, но ведь прошла всего неделя. Ещё немного, и всё бы пришло в порядок. Но не успели.

– А ты уверена, что смогли бы?

– Уверена. Континент вмешался в самый выгодный момент для себя, как раз когда удалось начать наводить порядок, остановить это беззаконие. Ещё недельку, пар бы окончательно вышел, и всё вернулось в норму. Но этой недельки мы и не получили.

Ну а люди у нас какие? Простые, как гайка от болта. Не любят думать своей головой. И не любят проигрывать. Потому с радостью приняли официальную версию Континента, что мятежники задурили всем голову, но добрая и справедливая Метрополия всё расставила по своим местам.

Так, ну я что-то заболталась. Ты так и не рассказал секрет того лестничного пролёта.

– А нет никакого секрета, – Крис поставил на стол пустую кружку. – Верная Континенту полиция вернулась в свой штаб, измотанная, озлобленная, усиленная армией и сотрудниками из наиболее преданных колоний. Вернулась туда, где перебили всех их коллег. Чтобы с добрым лицом и дальше охранять закон и порядок. Взрывная смесь, от рук таких служителей закона могло погибнуть немало членов Соппротивления. А Континент этого не хотел категорически: его власть должна была принести в первую очередь порядок. Да, большинство мятежников были расстреляны, но по закону и с судом.

При этом первое, что сделали спецы из Метрополии, – починили видеонаблюдение в штабе, чтобы исключить случаи несудебных разборок с задержанными и вернуть в умы полицейских этот самый порядок. На вас смотрят, забудьте мятеж, работайте как раньше. Излишне активные действия полиции пресекала армия, которая ещё какое-то время оставалась на Шарре. Всё только по закону, никаких обид или разборок.

Но одну лазейку для выхода пара всё же оставили. Тот самый пролёт, на котором до сих пор нет камеры. И из того окна, Астра, вылетело и разбилось насмерть очень много твоих соратников. Судя по протоколам – исключительно по своей воле. Ладно, уже темнеет. Я ответил на все твои вопросы, могу получить свой гонорар?

– Да, конечно, – Астра достала из внутреннего кармана пухлый конверт и отдала Крису. Он спрятал его в карман кителя, не открывая, быстро поднялся и вышел.

Девушка же ещё какое-то время сидела за столиком, осмысливая сегодняшний день.

ГЛАВА 19. АЭРОПОРТ.

Утро четверга в кабинете отдела рудной безопасности начиналось тихо и размеренно.

Крис после вчерашней встряски пришёл на работу с некоторым опасением. Однако ни охранник на проходной, ни коллеги, попавшиеся навстречу, ни сам Мистери, который позвонил по какому-то мелкому вопросу, не давали повода для волнений.

Когель благополучно добрался до своего рабочего места. Напарника ещё не было, что странно: Ирвин редко куда-то опаздывал, в этом он был жуткий педант. Чего не скажешь про всё остальное: бардак на столе лейтенант был каких ещё поискать. Крис усмехнулся, налил себе кружку кофе и опустился в своё кресло, привычно рукой проверив пневмопочту. Её ствол находился прямо за Когелем, но им редко присылали документы таким древним способом. К удивлению лейтенанта, сейчас в контейнере была какая-то бумага.

Крис лениво развернул её. Ага, ответ от службы контроля полётов.

«На ваш запрос отвечаем, что... такого-то числа... район завода МФ-11...». Тут молодой человек поперхнулся кофе и ещё раз перечитал ответ: «На ваш запрос отвечаем, что в районе завода МФ-11 в промежутки от десяти до часа ночи был один запрос на воздушное передвижение. Средний транспортный вертолёт «Орион-4» выполнял, по словам пилота, транспортировку сотрудников с предприятия в место проживания. Диспетчеру показалось это странным, так как рабочих раньше никогда не возили вертолётom, но все разрешения на полёты были в порядке, потому пролёт разрешили и дали нитку навигационного компаса. Вертолёт «Орион-4», бортовой номер... порт приписки – аэропорт города Террана».

– Да ладно! – Крис ещё раз перечитал ответ. – Они там совсем идиоты, что ли? Скоро на теракт разрешения начнут запрашивать.

Дверь распахнулась и в кабинет буквально ввалился Интерфер. В руках он держал штурмовую винтовку, в ухо был вставлен наушник, тонкий проводок которого спиралью тянулся к передатчику, встроенному в оружие. Ирвин был в полицейской форме, лицо сосредоточено.

Крис невозмутимо отпил кофе из кружки и спросил:

– Ну как вчера всё прошло?

– Ты о чём?

– С Альбиной. Было всё?

Ирвин посмотрел на друга как на идиота:

– Ты о чём вообще? Крис, вертолёт, который привёз и увёз террористов, получал разрешение на пролёт той территории. Ему даже навигацию обеспечили!

– Я знаю, я уже прочитал бумажку.

Ирвин посмотрел на ответ в его руках и довольно улыбнулся:

– Ну вот, уже ответ бумагой прислали, как я и просил.

– Это всё очень хорошо, господин лейтенант, но мне решительно неясно, что ты намерен делать теперь. Брать штурмом аэропорт? Тебе восемь лет назад мало было?

Ирвин растерянно посмотрел на винтовку у себя в руках и положил её на стол:

– Ах это! Передатчик барахлит, хотел не в подвале проверить, по пути в оружейную закину. Делать? В аэропорт ехать, вот что я хочу. Есть у меня подозрение, что номер дохловат, но это ниточка. Давай за неё потянем, даже интересно, куда она нас приведёт.

– Да поехали, поехали, я же не против. Про вчера-то расскажешь?

– По дороге.

Мигалки на служебной машине они включать не стали, в конце концов торопиться было особо некуда. По дороге Ирвин вкратце рассказал напарнику подробности вчерашнего вечера. Крис был полон иронии и постоянно делал едкие комментарии, но это было обычным стилем общения напарников. В целом даже его впечатлила откровенность Ирвина перед Альбиной. Когель знал, что Интерфер редко вспоминает события мятежа и не любит о них рассказывать. Наверное, и он бы не узнал, да уж больно много пива вместе выпито. Кстати!

– Ты как завтра вечером по бутылочке?

Ирвин пожал плечами, продолжая следить за дорогой. Сегодня за рулём был он.

– Так-то можно. Давай посмотрим, что в аэропорту случится.

– ОК.

– В общем, смотри. Нитка, которая нас сюда привела, больно подозрительная и грубая. На каждый вылет у вертолётки должно быть полётное задание, в которое вписывается цель перелёта, имя пилота, начальная и конечная точки. Часто их оформляют задним числом, особенно если вылет срочный. У полиции вообще есть бессрочное разрешение на такие перелёты. «Орион» – гражданское транспортное судно средней вместимости, как раз перевезти группу рабочих. Или террористов. Но! Если вертолёт летит низко над землёй, его не засекут. Зачем запрашивать разрешение? Зачем так выдавать себя? Светить номер вертолётки, то есть его владельцев, порт приписки?

Крис хитро глянул на напарника и ответил:

– Я, кажется, знаю ответ. Но интересно услышать твою версию.

– А нет у меня версии. Я думал в аэропорту поразбираться. Ну, поделись соображениями.

– Ирвин, нам надо обязательно осмотреть вертолёт. Если моя догадка верна, то мы кое-что увидим. Но пока всё же не буду ничего говорить. Давай с осмотра и начнём, а уж потом будем от него плясать.

Полицейские машины могли заезжать и парковаться в секторе для спецтранспорта, сейчас это сильно выручило. Основная стоянка была буквально забита такси.

Воздушный отстойник для вертолётки находился чуть в удалении от взлётной площадки, и туда пришлось идти пешком. Ничего не попишешь. Пока они шли, Крис вдруг стал серьезнее и спросил:

– Скажи, а здесь много изменилось? Ну, с тех событий?

– Да... Даже не знаю. Аэропорт стал больше, тут раньше одна взлётная полоса была, сейчас три. Терминал ещё один построили. Как будто и не было тех событий, тоже стеклянный. Для нас тогда большой проблемой было, что не спрятаться и видно всё как на ладони.

– Думаю, Метрополия не планирует повторения тех события в ближайшие десятилетия.

Охранник пропустил полицейских на территорию взлётных площадок и по рации связался с техником. После чего показал напарникам нужный ангар и сообщил, что там их встретят.

Каждый ангар имел порядковый номер. Внутри размещалась своеобразная парковка: по обеим сторонам, в специальных разлинованных квадратах, стояли самые разные вертолётки. В случае, если кому-то из них нужно было в полёт, его тянули до выхода и дальше, до взлётной площадки, буксиром. Крис особо обратил на это внимание напарника:

– Просто так вертолёт не взлетит. Нужна помощь двух-трёх человек. Нужно открыть ангар, отбуксировать вертушку до площадки. То есть нужен охранник, техник и пилот. Или техник с правом доступа в ангар.

– Слушай, откуда ты так хорошо ориентируешься в полётных регламентах? – удивился Ирвин.

– Так я же на предыдущей работе был связан с безопасностью воздушных перелётов. И у нас был очень похожий случай, когда угнанный вертолёт совершенно невпопад себя выдал, – Крис быстро зашагал по ангару, оглядываясь по сторонам. – Мы ищем «Орион». Я знать не знаю, как он выглядит, но я попробую догадаться, где он стоит.

Лейтенант ещё какое-то время шёл между двумя рядами воздушных судов, пристально вглядываясь в каждое. Навстречу ему шёл какой-то человек, который вытирал руки тряпкой. Похоже, это был обещанный техник.

— Вот он! — Крис остановился перед одним из вертолётов. — Ирвин, я ещё раз повторяю, я знать не знаю, как выглядит «Орион», и я не запомнил его бортовой номер. Но я абсолютно уверен, что мы ищем именно этот вертолёт. Я же правильно всё говорю? — последняя фраза была адресована подошедшему технику.

Тот выглядел каким-то бледным, как будто его тошнило. Он с испугом уставился на вертолёт, на который показывал Крис, и спросил:

— Ч-что правильно?

Ирвин подошёл к ним и протянул руку:

— Ирвин Интерфер, полиция Шарры. Это мой коллега, Крис Когель. Крис не всегда выражает мысли в правильном порядке, потому я начну так, как стоило бы. Вы отвечаете за техобслуживание вертолётов?

Техник осторожно пожал его руку. Это был щуплый мужчина невысокого роста в очках, на вид около сорока лет.

— Да. Меня зовут Фим. Я не один отвечаю за техобслуживание, нас тут целый отдел. Но вы можете задать мне ваши вопросы.

Ирвин посмотрел на напарника. Крис уже сидел около воздушного судна на корточках и ощупывал его корпус:

— Как часто у вас красят обшивку?

Фим явно нервничал:

— Ну... По мере необходимости. В регламенте это не прописано.

— Но это указывается в техпаспорте?

— Конечно.

— Могу я взглянуть на документы этой вертушки?

Фим явно мялся. Ирвин категорически не понимал, в чём дело. Было ощущение, что Крис поймал техника на чём-то запрещённом, но он не понимал на чём. Впрочем, Когель быстро пояснил, в чём дело, хотя выбрал для этого помпезно-официальный тон:

— Видите ли, лейтенант Интерфер, в том месте, где находится завод МФ-11, часто случаются песчаные бури, плюс алмазные трубки, куда воздушное судно может затянуть. Собственно, это и случилось с нашим бедолагой «Орионом». Он летел низко над землёй, надеясь быть незамеченным, но поднялась буря. Практически уверен, что вертолёт потерял всякую ориентацию, возможно, даже начал падать. На гражданских машинах не ставится даже элементарного компаса. Летят, держась за специальный радиосигнал, он называется «навигационная нитка». Но его надо запрашивать у диспетчеров, на каждый вертолёт выделяется своя нитка. Либо можно лететь на глаз, но лететь надо невысоко. Заодно и от радаров уйдёшь.

Я думаю, что наши диверсанты на «Орионе» надеялись проскочить именно таким способом, но попали в бурю. Тут уже было не до сантиментов, вертолёт забит взрывчаткой, их миссия под угрозой, равно как и их жизнь. И они наплевали на всякую безопасность и запросили нитку. Конечно, засветили бортовой номер, но что ж делать.

А когда вертолёт попадает в бурю, ничего хорошего с ним не происходит. Страдают двигатели, винты, корпус. Визуально это выглядит как множество мелких царапин на обшивке.

Ирвин присел рядом с напарником и тоже провёл рукой по корпусу:

— Но здесь нет никаких царапин.

— Разумеется. Вертолёт покрасили не позже двух дней назад, краска аж блестит. И с тех пор он не летал, вполне возможно, ещё не весь песок из двигателей вытряхнули. А может, просто сохнет, — тут Крис резко встал в полный рост и повернулся к Фиму: — Я могу ошибаться. Но если

я прав, то вертолёт красили и зачищали нелегально. Значит, моя правота зависит от записи в техпаспорте. Если там есть запись о покраске – вы вне подозрений, а я тут себе нафантазировал. Так как?

Ирвин ещё никогда не видел, чтобы человек побледнел настолько. Фим, похоже, был готов грохнуться в обморок. Всё же он выдавил:

– Мы просто не успели внести эту запись.

Крис посмотрел на напарника довольным взглядом и украдкой сжал левую руку в кулак. Этот жест значил, что подозреваемого нужно дожимать. После чего активно перешёл в наступление:

– Что же получается? Из аэропорта столицы колонии можно вот так запросто вывести вертолёт, покататься на нём, даже сломать, вернуть, и никому ничего не сделают? Попахивает заговором, а, лейтенант Интерфер?

– Ну что вы, лейтенант Когель. Возможно, это просто халатность. Думаю, Фим сейчас нам даст исчерпывающее объяснение. Возможно, кто-то просто решил заработать, не понимая, что делает и кому помогает. А когда всё случилось, уже оставалось только заметить следы.

– Но ведь Фим сам сказал, что тут работает целая команда. Вряд ли такое удалось бы утаить от остальных. Получается, что все в сговоре!

– Ну я бы не стал называть это сговором. Просто решили проявить солидарность с оступившимся коллегой!

Весь импровизированный разговор происходил по давно отработанной тактике. Когель прессовал жертву, припирая её к стенке фактами и постоянно повышающимся тоном голоса. Ирвин выглядел подороже напарника, потому ему отводилась роль защитника, он тоже повышал тон, но говорил добрым голосом и постоянно приводил аргументы в пользу допрашиваемого.

От каждого их слова Фим бледнел всё сильнее и сжимался, хотя, казалось, что дальше уж точно некуда. Наконец, он не выдержал:

– Нет, стойте! Я всё расскажу! Это правда, вертолёт недавно забирали. Вернулся он едва живой, мы сразу взялись за ремонт. Его и раньше забирали, вполне официально. А сейчас стало ясно, что он пытался лететь без навигационной нитки, значит, летал нелегально... Тогда... А может, вообще всегда, когда его брал тот человек...

– Кто его забирал?

– Я... я не могу сказать. Просто поверьте, мы тут ни при чём, мы отдали его и потом взяли обратно на ремонт, всю ночь выправляли и красили.

Напарники переглянулись. После чего Ирвин участливым голосом спросил:

– Фим, ты понимаешь, что колониальная полиция – это не мальчишки из деревни? Ты считаешь, что мы сейчас удовлетворимся объяснением «просто поверьте»? КТО забирал вертолёт?

Фим окончательно сжался. Потом ответил:

– Заместитель начальника транспортного департамента. Они занимаются перевозкой людей по воздуху.

– Так невелика птица-то. У нас в колонии пассажиров по воздуху почти не возят. Соответственно, и департамент крошечный. Почему ты так его боишься?

Фим неожиданно распрямылся и сказал:

– Он очень опасный человек. Если полиция считает необходимым задержать меня или вызвать на допрос, я к вашим услугам. Запись о покраске будет в ближайшее время внесена в диагностическую карту.

После этих слов Фим развернулся и поспешно пошёл вглубь ангара. Крис изумлённо посмотрел на напарника:

– Нет, ты слышал...

Но Ирвин поднял руку вверх и в полтона сказал:

– Пережали. Так-то он прав: по-хорошему надо на допрос вызывать в таких случаях. Но думаю, что мы услышали достаточно. Вряд ли этот Фим куда-то денется. А вот начальника этого нужно пробить, – он отстегнул от пояса компьютер и стал тыкать в него стилусом. Потом на секунду замер и спросил: – А почему на вертолётках не ставится навигация? Нитку ведь можно потерять, в той же буре?

– Можно. И уже много случаев таких было. Но не ставят. Как раз чтобы нельзя было использовать вертолёты и самолёты для борьбы с Метрополией. Она ценит свою безопасность выше жизни любого жителя колонии.

Но это относится только к гражданским судам, у вертолётков полиции навигация есть. Кроме того, это главная причина, почему в колониях людей стараются не возить по воздуху. Ну так, справедливости ради.

ГЛАВА 20. ПРОКОЛ.

Астра накрошила немного батона себе в руку и кинула уткам. Ранним утром в парке опять было безлюдно, но девушка подумала, что Лебединый пруд она использует в последний раз. К местам нельзя привыкать, это главная ошибка новичков. Не бывает опасных и безопасных мест для встречи, каждое место таит в себе опасность, но при правильной организации все риски можно свести к минимуму. А вот новыми и старыми места встреч бывают. И пользоваться можно только новыми.

Когель вновь подошёл абсолютно бесшумно, как тогда, на Фабрике. Но не стал её пугать, просто спокойно опустился рядом. Нова лишь почувствовала, как колыхнулся ветер, да боковым зрением отметила его внушительную фигуру. Не работают с такими людьми её глаза на затылке, ох, не работают.

– Вы сказали, что у вас есть важная информация. Я пришла. Надеюсь, не зря.

Крис достал традиционный бублик и стал крошить уткам. И мимоходом спросил:

– Я ненадолго, скоро на работу. Кто работает заместителем начальника в департаменте пассажирских перевозок, аэропорт Терраны?

Девушка похолодела. Хотя такое длинное наименование было непривычно, но она сразу поняла, кому на хвост села полиция. Заком в аэропорту работал Муравей.

– К-как? Как вы на него вышли?

– Астра, я только начинаю наше сотрудничество, и ты произвела на меня благоприятное впечатление. Я даже начал думать, что что-то в вас есть, я имею в виду Соппротивление. Но ваши исполнители – идиоты.

После этого лестного эпитета Когель вкратце пересказал девушке вчерашние события и поездку в аэропорт Терраны. Ирвин немного почитал личное дело таинственного зама и решил пока не задерживать его, а установить негласное наблюдение. Фима они всё-таки догнали и весомо попросили его не распространяться об их разговоре.

Странная ниточка могла вывести в обе стороны: взять рядовых исполнителей и попробовать пробить контакты террористов выше. Но Интерфер пересказал напарнику разговор с Дешанелем,

который состоялся у них чуть позже. Полковник просил полицию копать именно в сторону исполнителей, организаторов он планировал разрабатывать сам. Вполне в духе Комитета Метрополии, мелочь их никогда не интересовала.

Астра слушала не перебивая. Разумеется, проколы рано или поздно допускали все. Но от Муравья она такого не ожидала. Это было что-то невообразимое: взять служебный вертолёт, запросить навигационную нитку, засветить всё, что можно. Она никогда не вникала в тонкости исполнения терактов, но ей казалось, что боевики понимают, что делают. Теперь эта уверенность пропала.

Она мрачно достала из внутреннего кармана плаща конвертик с деньгами и молча отдала Крису. Пока лейтенант более чем окупал их затраты. Что делать с Муравьём, ещё предстояло решить, но они хотя бы успеют нанести упреждающий удар. Сейчас надо как можно скорее связаться с координаторами. Рингу, пожалуй, знать о таком необязательно. Только всё равно ведь прознает...

Когель невозмутимо продолжил кормить уток. Конверт он убрал в карман лёгкой куртки, даже не открывая. Астра смотрела на него, и в её голове вдруг начала зарождаться идея. Она была такой же безумной, как путешествие в штаб полиции, но могла принести плоды:

— Крис, а ты сможешь взять отпуск в ближайшее время? На недельку?

Когель пожал плечами:

— Могу, у меня есть прилично отгулов. Хоть завтра, рапорт надо только написать и у начальства утвердить. А что такое?

Астра сверкнула глазами. Эту идею вряд ли кто-то поддержит, но и чёрт с ним, ей не впервой идти против всех:

— Я хочу свозить тебя на одну из наших баз. Проведёте с моими соратниками обучение по методам полиции, чтобы они знали, чему противостоят!

***

Внешне Муравей был абсолютно спокоен. Полицейский хвост он заметил ещё пару часов назад, но сбрасывать его не торопился. Прогулялся по городу, забежал домой, где взял небольшой портфель, посидел в кафе. Обычный выходной одинокого человека. Ничего подозрительного. Пока.

Ещё утром он собирался встретиться со своим связным, у Астры было для него какое-то срочное сообщение. Но теперь, поняв, что за ним следят, он и так знал, зачем понадобился Нове. Оставалось только гадать, откуда девушка прознала про его прокол. Хочется верить, что их новый информатор слил. Может, и правда окажется толковым. Муравей давно заметил, что повстанцы, работающие на коммерческой основе, действовали гораздо чище и эффективней тех, кто за идею. Правда, на идейных можно положиться, а эти линяют при первой опасности.

Как бы то ни было, его не задерживали, значит, хотя бы пробить контакты и попробовать выйти через него на кого-то ещё. Ну пусть попробуют! Теперь-то он точно ни с кем не встретится.

Другой вопрос, что на свободе ему гулять осталось совсем недолго. Скоро полиции надоест ходить за ним хвостом и его арестуют, попробуют дожать в камере. Так что, если он что-то хочет сделать на свободе, надо делать это сейчас.

Во всей этой ситуации Муравей жалел только об одном. Что ему больше не удастся поговорить с Астрой. Он, вообще, давно планировал этот разговор, но слишком долго откладывал.

Чиновник аэропорта выше среднего — террорист, который много лет возглавляет самую мощную боевую ячейку Сопротивления. Где это видано? Большинство членов боевого крыла

повстанцев были мелкими сошками, даже по понятиям Шарры. Оно и неудивительно: когда человек что-то имеет, он десять раз подумает, хочет ли он этим рисковать. А когда ничего нет, оно как-то проще.

Муравей подумал десять раз. Ещё тогда, давно, когда успешно сдал вступительные экзамены, набрал космический балл и получил предложение учиться в Метрополии.

Всем хочется верить в свою уникальность. Но мужчина понимал, что ему отчасти просто повезло. Кто-то рождается щуплым и вынужден всю жизнь тренироваться, чтобы хоть немного набрать силы в мышцы. А кто-то богатырь от природы, даже если ничего не делает.

Муравью повезло родиться умником. Учёба давалась ему легко. Он обладал потрясающей памятью и способностью решать самые сложные задания. В математике, физике и химии ему не было равных.

Будучи наблюдательным человеком, он видел, сколько сил приходится тратить его сверстникам, тем, кто также мечтал о карьере инженера. Они сидели за учебниками ночи напролёт, но и на десятую часть не могли приблизиться к его знаниям. А ему повезло, повезло родиться умным человеком. И он, как мог, развивал свой талант. Поначалу только затем, чтобы у него и его семьи была лучшая жизнь, чем у его сверстников.

Всё изменилось, когда он прилетел на Континент. Жители колоний по-разному реагируют на пребывание в Метрополии. Большинство хотят остаться там любой ценой и никогда не возвращаться на свою грязную и убогую родину после того, что увидели. Чистые улицы, мягкий климат, свежайшая еда, приветливые люди, развлечения для всех и каждого, минимум физической работы и вообще щадящий график. После колоний Метрополия кажется раем. Из всех, с кем Муравью посчастливилось общаться, назад вернуться хотели лишь жители Аваста, но это территория особая, она отличается от всех колоний.

Муравей остаться в Метрополии не захотел. Он был умён, и вместо преклонения перед Континентом его почти сразу накрыло другое чувство. Зависть.

Он прекрасно понимал, за чей счёт так плавно и счастливо течёт жизнь их господ. Муравей общался со своими континентальными сверстниками, и его злили их мелочные проблемы. Они никогда не были в колониях, они не знали, что такое выжженная кислотой земля, пыльная буря, перебои с продовольствием, подавление мятежей, бесправие и беспросветность. Тупые и никчёмные пустышки катались как сыр в масле просто потому, что им повезло родиться на Континенте. Родись они на Шарре, их не факт бы, что на шахту взяли.

Эта злоба росла в Муравье с каждым днём. Он всегда знал, что мир несправедлив и люди не равны. Но чтобы настолько!

Однако он никоим образом не выказывал своего презрения к этим холёным свободолюбивым жителям. Напротив, учился. Учился у них их отношению к жизни, их убеждённости в своих правах, в том, что они – это центр мира. Он хотел привезти хоть частичку такого отношения, таких взглядов на Шарру. И привёз.

Проблема в том, что с такими взглядами в колонии ему была прямая дорога в застенки Комитета Метрополии. Это сейчас в колониях стало попроще, а тогда, двадцать лет назад, любые идеи о независимости Шарры давились в зародыше.

Муравей вернулся на свою родину, пошёл работать в воздушные перевозки и попутно искал единомышленников. Задача по выходу на повстанцев отняла у него примерно полгода. Он почему-то был уверен, что Соппротивление – это именно те, кого он ищет. Такие же люди, мечтающие о независимости, равенстве, возможностях для всех.

Однако повстанцы не оправдали его ожиданий. Нет, формально всё было хорошо. Они боролись за независимость, имели определённый вес и силу. Даже двигались в правильном направлении. Но в головах, какой кошмар творился у них в головах! Они не заглядывали дальше, чем в завтрашний день, они не представляли, что будут делать после того, как получат власть. Были какие-то общие идеи и формулировки, которые сводились к одному: вот свергнем Метрополию и заживём! Как, на что, чем — об этом они не задумывались. Да и людей уровня Муравья в их рядах не было в принципе. Тогдашнее Соппротивление состояло из двух больших групп. Романтики-неудачники, которым не удалось найти своё место в колонии, которые хотели большего, чем работать на шахте, но не могли добиться этого. И те, кто принципиально не хотел работать, но с огромными амбициями. Они считали, что без гнёта Метрополии они смогут жить припеваючи, заняв какое-нибудь уютное кресло в новом руководстве.

Муравей был не из тех, кто отчаивается. Он решил для себя, что попытается слепить из этой массы что-то более вменяемое, ту силу, которая не просто свергнет Континент, но и сможет взять власть в свои руки после, не перегрызётся, не уронит Шарру в пучину гражданской войны.

Мало-помалу он двигался к цели, стараясь донести свои идеи до этих людей. Привлекая в ряды повстанцев всё новых и новых членов, уже не таких зашоренных взглядов. Даже стало что-то получаться.

Единственным человеком, в котором Муравей сразу признал равного, был Ринг. Правда, помимо недюжинного ума, у Ринга были и неприятные черты: он был скользкий как змея и никогда не отличался самопожертвованием. Тем не менее функция казначея удавалась ему блестяще. И ладно.

Катастрофа наступила восемь лет назад, во время мятежа. Муравей тогда думал, что это конец. Точнее, началось-то всё довольно бодро. Вроде бы главой Шарры планировали назначить Ангелуса Фарелуса, который вообще сочувствовал повстанцам. Это казалось почти нереальным, невозможным, но, может, Метрополии и правда надоело бодаться с недовольным населением и им пошли на уступки?

Да не важно, почему так случилось. Муравей надеялся, что с приходом Фарелуса многое изменится. Но тут Ринг умудрился всё испортить.

Назначение Фарелуса казалось таким близким, но таким невероятным, что пошёл гулять слух: в последний момент Метрополия передумает.

И тут Ринг развил кипучую деятельность, чтобы «этого не допустить».

Уж как Муравей уговаривал его не делать таких дурацких шагов. Нет же! Ринг толкнул пламенную речь на Кречете, мол, надо показать Метрополии, что мы хотим Фарелуса. Ну нельзя так в лоб с ними. Ну не любят такого континентальные господа! Когда колония пытается указать им, что делать.

События развивались предсказуемо, назначение Фарелуса отозвали, прислали другого главу. Ринг тут же умудрился организовать ещё больший митинг, Муравью же предложил изменить план, попробовать раскатать колонию и сходу свергнуть Метрополию. Тот план не одобрил, но отступить было некуда.

Поначалу всё шло хорошо: колония взбунтовалась, на их сторону перешла даже полиция. Агенты Комитета, те, что были не убиты, бежали.

Кстати, о полиции. Муравей лично руководил штурмом их штаба и в душе даже был восхищён стойкостью его защитников. Он планировал, когда всё закончится, публично помиловать выживших, проявив первое милосердие новой власти.

Куда там! Перебили всех, даже тех, кто в итоге сдался. Разъярённая толпа изо всех сил вымещала свою накопившуюся злобу. Муравей честно пытался вмешаться, но у него не получилось. Дальше – хуже. Едва-едва удалось погасить конфликт с той частью полиции, что перешла на сторону мятежников, как опять новости. Жители Шарры разделились на две большие группы. Одни сидят по домам и трясутся от страха, а те, кто посмелее, понаглее и выпили поболее солодового спирта, громят и тащат всё, что могут.

Именно Муравью принадлежит заслуга в организации объединённых дружин правопорядка, которые пытались остановить хаос. И даже начало получаться. Проблема была в том, что к революции тут же примазались сомнительные люди, которые, прикрываясь их идеями, грабили и убивали себе на пользу. Во всей этой свалке было вообще трудно понять мотивы отдельных конкретных людей.

А тут ещё проклятый аэропорт Терраны. Небесный гарнизон никогда бы не появился, если бы штурм штаба полиции не был таким кровавым. Однако объединённым силам полиции и Комитета, которые засели там, отступить было уже некуда.

Далеко не все понимали важность этого объекта. Аэропорт стал тем местом, где могли укрыться не только их враги, но и те, кто просто не хотел революции, боялся Метрополии, хотел показать, что не участвует в мятеже. Может, не будь такого места, эти люди бы их и поддержали. А так... Больше противников, больше сторонников Континента.

В общем, полный провал и крах. Потом армия, и всё. Мятеж подавили за неделю. Вся их работа оказалась просто пшиком. Не было никакой революции и больше не будет. Так тогда думал Муравей. Они показали себя с самой чёрной стороны.

Но! Случилось настоящее чудо, которого он никак не ожидал. Оказалось, что этот мятеж основательно вычистил из их рядов «паршивых овец». Тех, кто особенно рьяно грабил и убивал во время тех событий, особенно рьяно искала и находила полиция после. Почти все они были расстреляны или отправлены в тюрьму.

У многих романтиков с глаз слетела пелена. Они наконец поняли, что власть недостаточно просто получить, её надо ещё и удержать. Вместе с тем появилась неожиданная уверенность, что Метрополия не безупречна и что колонию можно поднять на войну с ней. Да, первая попытка была не очень удачной, но то ли ещё будет.

С радостью и изумлением Муравей видел, как Соппротивление вдруг превращается в тех людей, которых он искал после возвращения с Континента. Появлялись новые члены в их рядах. Одна Астра Нова чего стоила! Она прошла большой путь от девочки, обиженной жизнью, но с горящими глазами, до крепкого лидера, понимающего все плюсы и минусы бремени власти. Муравей был уверен, что, стань она главой Шарры сейчас, жизнь колонии бы резко поменялась в лучшую сторону.

Его не нашли. Даже удивительно. Нет, он командовал штурмом штаба через подчинённых и по привычке старался нигде не светиться. Но после подавления мятежа ждал, что за ним придут одним из первых. Однако Ринг сообщил, что пробил по своим каналам и оказалось: именно его полиция почему-то упустила из своего поля зрения. Суматоха была порядочная, кому-то удалось выйти сухим из воды. Так и работал Муравей дальше в освобождённом аэропорту. До сегодняшнего дня. Что ж, отсрочка в восемь лет помогла сделать многое. Но сегодня она истекла. Он ждал этого давно. Даже какое-то облегчение... Хотя жаль, что с Астрой так и не встретились. Всё же жаль...

Проходная в офис Комитета Метрополии мало напоминала штаб полиции. Красивый литой заборчик по периметру высотой в человеческий рост. Будка, шлагбаум, двое штурмовиков в

форме. За забором виднелся зелёный газон. Само здание из красных песочных блоков. Всё тихо, красиво, спокойно и совсем не брутально. Но жители старались обходить эту красоту стороной.

Муравей подошёл к шлагбауму и нажал кнопку вызова прямо на колонне, откуда торчала полосатая штанга.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте! Меня зовут Антей Врос. Я более известен вам под кличкой Муравей, я являюсь одним из лидеров боевой ячейки Сопротивления.

На том конце повисла тишина. Потом голос охранника неуверенно выдал:

– Продолжайте.

– Я хотел бы перейти на вашу сторону, но мне надо увидеть полковника Флёра Дешанеля. У меня важная информация для него. Сопротивление опять готовит теракт.

Вновь наступила тишина. Она продолжалась не более минуты, после чего главный вход здания распахнулся и оттуда выскочила группа вооружённых штурмовиков, человек пятнадцать. Они рассредоточились перед шлагбаумом в два ряда, первый упал на колени, второй стоял в полный рост. Каждый целился в Муравья из винтовки.

Тот спокойно поднял руки, в одной из которых был его портфель.

– Что в руках?

– Это портфель с документами для полковника Дешанеля, – торопливо заговорил Муравей и, опустив руки, стал расстёгивать портфель. – Смотрите, я сейчас покажу...

...Взрывом выбило стёкла на первом и втором этажах офиса. Муравей всё же закончил свою жизнь повстанцем.

ГЛАВА 21. БОЕВЫЕ ПОТЕРИ.

– Ты! – Мистери ткнул фирменной полицейской ручкой на Интерфера. – Сейчас переодеваешься и едешь в офис Комитета Метрополией. Они задумали масштабную облаву, им нужен сотрудник полиции в рамках координации по «свой-чужой», хотя говорят, что могут объявить чрезвычайное положение, тогда даже не знаю. В любом случае будем надеяться на лучшее. Смотри, насколько это вообще возможно, чтобы они там дров не наломали в припадке ярости.

Ирвин и Крис стояли перед своим начальником по струнке. О том, что произошло сегодня днём, уже гудел весь штаб полиции. Тот самый зам департамента, на хвост которому только-только удалось сесть, подорвал себя на проходной офиса Комитета. Погибло двадцать три сотрудника, больше, чем за все восемь лет, прошедших с мятежа.

– Ты! – тут Мистери ткнул в Когеля. – Приказ о твоём отпуске на неделю я подписал, собирай манатки и дуй из штаба, чтобы тебя здесь никто не видел.

– Может, я лучше останусь? – осторожно спросил Крис. – Моя помощь может...

– Лейтенант Когель, вы не понимаете, что происходит? Комитет Метрополией в ярости, планируется полномасштабная зачистка, будут хватать всех, кто так или иначе связан с повстанцами. Я молчу, что сейчас оборвутся все наши нити, загребут всех информаторов, в данной ситуации чёрт уже с ними. Но я хочу максимально оградить от этого полицию, пусть Комитет сам создаёт себе репутацию буйно помешанных, лейтенанта Интерфера я вынужден им отдать, они официально запросили сотрудника от нас. Но больше ничего! Непосредственно с этим делом связаны только вы и Ирвин. И если есть возможность, легальная возможность, куда-

то вас услать, то я это сделаю. Вы попросили отпуск, я вам его подписал, где вас сейчас искать, не знаю.

Интерфер отправляется в распоряжение Дешанеля. Остальные сотрудники остаются на своих местах, да и они вряд ли принесут пользу конкретно по этому делу. Всё! Пусть творят, что хотят, нашей вины в этом не будет.

С этими словами он отдал подписанный рапорт Крису:

— Крууугом! И вон из штаба!

Когель поспешно вышел. Ирвин вздохнул. Надо позвонить Альбине, сказать, что вечерняя встреча отменяется.

***

«Сержант, днём произошли удивительные события. Я знаю, что в форме сейчас опасно, но мы полиция и вынуждены её носить. Кафе «Дуал», через два часа». Эти слова Когель выпалил на одном дыхании, после чего бросил трубку.

Астра уже знала, что произошло что-то страшное. Муравей не пришёл на встречу. По всем каналам шли обычные передачи, но телевизионщики всё же прокололись: прежде чем на единственном канале, транслируемом из Метрополии, повисла заставка, в континентальных новостях объявили, что на Шарре готовится чрезвычайное положение. Что случилось, не сказали.

Астра сидела в гостинице и думала, что делать дальше. Куда пойти, где пересидеть очередную бучу. Остаться здесь? Это будет правильно, но её друзьям может понадобится её помощь, а она тут как крыса в угол забила... Кстати, можно попробовать выйти на контакт с их агентом по кличке Крыса, она сейчас в Терране... Да тоже опасно, вот Крысу как раз лучше не трогать.

Ехать в Кречет или Призму? Не факт, что их сейчас не громят, как Фабрику... Надеть полицейскую форму и встретиться с Когелем. Из всех вариантов это был самый дурацкий. Если полиция приняла решение о глобальной охоте, могут начать тянуть за все нити. А Когель пока остаётся под подозрением, он может всё же оказаться провокатором.

Ринг в такой ситуации заляжет на дно, контактов с ним можно даже не искать. Астра поджала колени к подбородку. Иногда ей хотелось оказаться маленькой девочкой, которой можно спрятаться за спиной у родителей. Чтобы всё решили за неё. Кто-то как-то сказал, что ей нужен надёжный муж и обычная жизнь, а не война с Метрополией. Впрочем, Крыса на это ответила, что такая жизнь — только иллюзия, а надёжными мужья бывают, лишь когда не могут найти женщину лучше своей супруги. Крысе в этих вопросах можно было верить, как никому другому...

Астра глубоко вздохнула. Нет, она не станет забиваться в норку!

Ещё через полчаса из гостиницы уверенным шагом вышла невысокая девушка. На ней была форма полицейского сержанта, и она направлялась в кафе «Дуал».

***

Ирвин вопросительно посмотрел на мускулистую секретаршу Дешанеля. У девушки была перевязана правая рука, бинт в засохшей крови. Похоже, ей тоже досталось при взрыве. Однако она лишь приветливо улыбнулась и сказала:

— Полковник ждёт вас, лейтенант Интерфер.

— А?..

— Можете пройти прямо с винтовкой, ничего страшного.

Обычно полицию разоружали на входе в офис, но сейчас всё было не так. Вокруг здания по периметру за фигурным забором стояли штурмовики с автоматами, по одному через каждые двадцать метров. Проходная была усилена несколькими контроллерами и бронемашинной. Однако металлоискатель выключили, и никто даже не подумал забрать винтовку у Ирвина.

— Простите, а разве меры безопасности не усилили? У вас такое, а я тут хожу до зубов вооружённый.

Девушка мило улыбнулась:

— Вы пока вне подозрений, лейтенант, нам известно ваше участие в небесном гарнизоне. Но на всякий случай все сотрудники сейчас находятся в спецамуниции и вооружены. Вас убьют после первого же несанкционированного выстрела.

Доходчиво, нечего сказать...

Дешанель сидел за своим столом. Он глуповато смотрелся в бронежилете поверх строгого костюма и, видимо, понимал это. Но лишний раз надевать форму штурмовика ему не улыбалось, а спорить с правилами чрезвычайного распорядка было глупо.

Ирвин осторожно положил винтовку на журнальный столик и присел в кресло:

— Какие у нас планы, если не секрет?

Дешанель вздохнул:

— План один: уничтожить все наши наработки за несколько лет, сгрести всех, кто был замечен в связи с повстанцами, в наши застенки и дожимать, дожимать, дожимать. Я сумел выбить несколько исключений, по особенным делам, но поможет ли это... В общем, давайте жить сегодняшним днём, посмотрим, к чему это приведёт завтра. Вылетаем через пятнадцать минут. Кофе будете?

— Не откажусь. А куда мы летим?

— Раз у нас режим спецоперации и есть особые полномочия, я хочу побывать в одном месте и попытаться ухватить очень крупную рыбу. Не исключено, что погибший повстанец всё же окажет нам услугу своей выходкой.

***

В кафе Астра так и не попала: Крис поймал её почти у входа, схватил за руку и потащил вниз по улице. По пути он быстро говорил:

— В столице тебе оставаться нельзя. Несколько часов назад ваш Муравей отправился на тот свет и прихватил с собой двадцать три комитетчика. Сейчас начнётся большая чистка.

Астра похолодела. Когель продолжал:

— Мой отпуск подписали, более того, выгоняют меня отсюда, чтобы Комитет не взял меня в помощники и не засветил в грядущих событиях полицию. Думаю, что сейчас самое время съездить на вашу базу. Если ты уверена, что там безопасно.

— Да погоди! — девушка остановилась и вырвала руку. — Мне надо предупредить наших здесь!

— Нет! Астра, ты уже не сможешь тем людям, что здесь, в Терране. Пусть тебя греет мысль, что первыми под жернова попадут те, кто сотрудничают с полицией и Комитетом, с них начнут зачистку в надежде раскрутить всё одним большим ударом. Ну и месть никто не отменял, Метрополия очень злопамятна. Попытаешься кому-то что-то сообщить сейчас — и сама не успеешь понять, как окажешься в застенках Комитета. А там и я с тобой.

В течение нескольких следующих часов я не отпущу тебя от себя как гарантию своей безопасности. Дальше можешь валить на все четыре стороны. Но при таком раскладе нас могут

схватить вдвоём. Я ещё раз повторю: достаточно ли безопасно на вашей базе, если мы туда сейчас поедем?

— Крис, я тебе не доверяю. Ты хочешь, чтобы я выдала местоположение базы?

— Астра, тебя когда-нибудь пытали? — тут Когель посмотрел девушке прямо в глаза. — Я имею в виду не поруганную женскую честь, не пару затрещин на допросе. Настоящие красивые пытки, как умеют в Комитете. Поверь, если бы нам нужна была ваша база, а я был двойным агентом, взять бы тебя сейчас, и в допросную, без протокола. Ты даже удивишься, сколько всего вспомнишь. Но моя цель — тебе помочь, по крайней мере, сейчас. Решайся. Ты уже пришла на встречу ко мне, хотя наверняка поняла, что не всё гладко. И у тебя была тысяча других мест, куда пойти. Нам небезопасно в Терране следующие несколько дней, а мест, где спрятаться и пересидеть, у меня в этой колонии нет, я здесь чужой, говорил уже. Так что ваша база — самый верный вариант.

— А ты не думаешь, что кто-то может выдать её местоположение и будет как с Фабрикой?

— А это вы думайте, мисс Нова. Но думайте хорошенько. Чем дальше, тем страшнее мне становится с вами работать. Я имею в виду ваше Сопrotивление. Такой непроходимой тупости я от повстанцев совсем не ожидал. Одна у меня надежда, что ты всё же умнее своего погибшего товарища.

Астра остановилась прямо посередине улицы. Когель, конечно, уже немало сделал для Сопrotивления и для неё лично, но какое он имеет право!

— Какое ты имеешь право так говорить! Муравей умер за наше дело!

— Не кричи. Муравей унёс с собой в могилу двадцать штурмовиков да троих охранников на проходной. Невелика потеря для Комитета, уже завтра пришлют новых с Континента. А вот что в могилу пойдёт ещё и хорошая такая часть вашего движения — это теперь сто процентов. Так обозлить Метрополию, подставить всех вас, и ради чего? Чтобы не попасть в застенки? Есть масса способов уйти из жизни тихо. Что-то доказать Континенту? Он и так всё знает, что не всем нравится его власть, какая новость! Запугать Комитет? Конечно, крыса, загнанная в угол, от безысходности прыгает на своих палачей. О-очень страшно!

Когда Когель упомянул Крысу, Астра вздрогнула. Что-то часто стало всплывать это имя. Но после внимательного взгляда на лейтенанта всё же решила, что выражение было образным. Про Крысу ему точно не нужно знать.

Крис снова взял её за руку, и они пошли вверх по улице, уже спокойно и молча. После этого небольшого выхода ярости обоим стало полегче. Астра и сама понимала, что более глупой смерти Муравью было не придумать и из-за него теперь Сопrotивление ждут чёрные дни. Но что есть, то есть. Она вздохнула и сказала:

— Крис, сейчас осталось всего две базы повстанцев. Одна из них, Кречет, в большой опасности, но у неё есть сильный покровитель. Думаю, что пронесёт, и всё же рисковать мы не будем и туда не поедем.

— Поедем на другую?

— Да. Она называется Призма. До неё день пути, пути совсем нелёгкого. Туда не ходят поезда, там нет дорог. И там находится... как бы это сказать... Не совсем обычная часть нашего движения. Мы в своё время специально отделили их от основной массы повстанцев, чтобы не вызывать ненужных внутренних конфликтов. Их вообще очень не любят в наших рядах, а потому стараются лишний раз с ними не пересекаться. И именно потому сейчас там безопасно, никто из Терраны контактов там не имеет, и точное местоположение Призмы не знает.

Когель с интересом посмотрел на девушку:

– Повстанцы меня не перестают удивлять. И чем же так... отличаются те люди, что находятся на Призме?

– Расскажу по дороге. Нам нужна машина, лучше вездеход. И я знаю, где её можно угнать.

***

Хотя склад был полностью оцеплен, повстанцы даже не думали сдаваться. Периодически из-за забора летели гранаты. А в тех местах, где забор удалось повалить, засели автоматчики и не подпускали штурмовиков короткими очередями.

Дешанель запросил подмогу уже в третий раз, и, по подсчётам Ирвина, группировка Комитета разрослась почти до двухсот человек.

В принципе, уже было ясно, что полковник опять попал в десятку. Различные оперативные группки, где с коротким боем, где без, брали по всему городу одного-двух подозреваемых и тащили в офис Комитета. Ощутимых результатов от этого не было. В офисе сидела усиленная группа дознавателей, но допрос – процесс небыстрый и «молниеносный сокрушительный» удар Метрополии по повстанцам затягивался. А вот Дешанель разворошил целое осиное гнездо.

Они прилетели на эти странные склады тремя вертолётами, человек двадцать от силы. И первая же попытка попасть на территорию вызвала перестрелку с охраной, которой до того не было видно или слышно. Дальше началось какое-то безумие. Из серых глухих ангаров стали появляться вооружённые бойцы, да в таком количестве, что Ирвин быстро сбился со счёта. Он понял, почему полковник категорически запретил сажать вертолёты на территории этих странных складов: там бы они оказались в ловушке. Тут же их группка временно отступила и запросила подмогу. Сейчас они с Дешанелем прятались за огромным броневым автомобилем Комитета и изредка высовывались, чтобы пустить в противников очередь. Заодно появилось время поговорить:

– Полковник, что это за место и с кем мы там воюем? Их там человек сто, не меньше! Это в центре-то Терраны!

Дешанель отстегнул от винтовки пустой магазин и поставил полный:

– Я сам не знаю, что там такое. Тут промзона, есть действующие склады, есть заброшенные. Но между ними чувствуется разница. В заброшенных уже выкрали и свинтили всё, что могли. Народ-то у нас ушлый. А тут прямо загадка. Особого движения нет, иногда приезжают машины, иногда уезжают, внутри стоят несколько грузовиков с таким слоем пыли, что ясно: они никуда не ездили последний год точно. Но грузовики целые, им не побили стёкла и не сняли колёса. Принадлежит это всё какой-то мутной фирме из колонии Виссаж. Но вы сами знаете эту колонию, лейтенант, там творится такая дичь, что найти реальных владельцев нереально. Я давно собирался тряхнуть это место, но в одиночку и без ордера как-то не хотелось, прям как чувствовал, что тут целая армия нужна.

Полковник вновь высунулся из-за броневика и пустил очередь в сторону ворот. Оттуда раздался сдавленный крик, похоже, кого-то задело. Пользуясь временным замешательством, сразу несколько штурмовиков и Ирвин также стали поливать ворота очередями из своих винтовок. Склады уже были надёжно оцеплены, но Комитет даже не думал заходить внутрь: ждали, пока их противники выдохнутся.

– Вот теперь случай представился. И смотрите, какой улей разворошили, – Дешанель вновь поменял обойму на своей винтовке.

– Думаете, это Соппротивление?

– Мне сложно представить, что на Шарре есть ещё какая-то сила, обладающая таким числом бойцов и вооружения. Но интересно другое: что же они там так отчаянно защищают? Или кого.

Наушник в ухе Ирвина протяжно запищал, это означало, что сейчас кто-то выйдет на индивидуальный сеанс связи. Интерфер нажал на тыльной стороне винтовки кнопку приёмника, передал сигнал сеанса связи. В наушнике заговорил голос Мистери:

– Ирвин, что у вас там происходит?

– При совместной операции Комитета и полиции наткнулись на группировку неустановленных противников. Ведём бой.

– Сколько там человек против вас?

– Около ста, по моим подсчётам.

– Сколь... сколько? Ирвин, повтори, я не услышал.

– Сто! Вы не ослышались. Тут почти весь Комитет Метрополии уже стянули.

На том конце повисла тишина, похоже, Мирус переваривал услышанное. Потом он всё же сказал:

– Вам нужна помощь? Я могу направить вам наших штурмовиков.

Интерфер потрогал за плечо Дешанеля и спросил:

– Полковник, моё руководство предлагает прислать подкрепление.

– Передайте Мистери мою благодарность, но вас нам вполне достаточно. Тут ещё не все наши силы прибыли. Если что, я обращаюсь, я же не самоубийца.

Интенсивность стрельбы как-то внезапно пошла на убыль. Дешанель вновь высунулся из-за броневика, готовясь пустить ещё одну очередь, но вернулся обратно, так и не выстрелив:

– Всё, почти всех подавили по периметру, сейчас будем заходить. Лейтенант, мы с вами идём последними. Я ещё молод, чтобы умирать, а из-за вас может межведомственный скандал разгореться.

Ирвин хмыкнул. Первые штурмовики уже покинули свои укрепления и тонкими цепочками заходили через бреши в заборе. Теперь они окружали серый ангар, откуда до этого появлялись безымянные боевики. Именно тот ангар, в котором Астра Нова познакомилась с Энгельбертом Томили несколько дней назад.

ГЛАВА 22. ЗАЧИСТКА.

Астра сказала Когелю подождать десять минут на одном из перекрёстков. Лейтенант сначала не хотел отпускать девушку, но она была настроена решительно:

– Крис, сейчас ты важен для Спротивления, потому я не собираюсь сбежать. Мы уже с тобой всё решили, и, если ты хочешь, чтобы я доверяла тебе (что непросто), придётся тебе довериться и мне. Я собираюсь угнать машину, у этого процесса наверняка будут свидетели. Тебе надо, чтобы тебя опознали рядом со мной?

Резон в этом был, но Когель плохо представлял, как и где хрупкая Астра сумеет раздобыть вездеход. К его удивлению, она остановилась рядом с ним на огромном внедорожнике, когда с момента их расставания не прошло ещё и десяти минут. Когель даже дар речи потерял:

– Что... ааа. Как тебе удалось так быстро...

Девушка мило улыбнулась:

– Лейтенант Когель, вы полицейский. И я полицейский, я же в форме. В Терране сейчас зачистка. А полиция имеет право изымать транспорт граждан для служебных нужд.

Крис сморгнул. Так просто! Ну разумеется, полиция может забрать любой автомобиль по служебным нуждам! Правда, так делают только в исключительных случаях, потом проблем не оберёшься. Но хозяину-то это откуда знать. Астра в форме, всё правильно.

– Больше того, – продолжала девушка, уверенно крутя руль, – какое-то время нас даже искать не будут. Я сказала хозяину, что машину вернём вечером, если этого не произойдёт, то пусть он обратится завтра в штаб полиции. Так что из города выскочим как пробка из шампанского.

– И часто вы так делаете? Прикрываетесь именем полиции?

– Лично я – в первый раз, да и другие, думаю, не чаще. Раньше у меня не было формы. Импровизация, лейтенант Когель, импровизация должна быть в арсенале любого революционера. Или проходимца, – тут девушка весело подмигнула.

Когель хмыкнул. Астра всё же была больше похожа на то Соппротивление, которое он себе представлял.

То, что в Призму не было дороги, Нова, конечно, преувеличила. На таинственную базу они добирались чередой каких-то грунтовок. Однако проехать тут на обычной машине было непросто, это да. По дороге девушка успела вкратце просветить Крису, что Призма находится на Территории Отчуждения.

Территорией Отчуждения называли огромный лес в прибрежной полосе колонии. Знаменит этот лес был своими жуткими болотами, на которых он и рос. Из полезных ископаемых там были древесина да торф, но их добыча была связана с такими рисками, что дело того не стоило. Болота были не очень глубокими, но зыбкими и обманчивыми, на глаз отличить трясины от твёрдой земли было практически нереально. Деревья же там росли под стать этому гиблому месту: длинные, прямые, без сучьев и выступов, лишь на вершине у них была шапка из листвы. Своими мощными стволами они уходили вглубь болот, где корнями доставали до твёрдой почвы. Человеку, если он начнёт тонуть, не за что было ухватиться. Даже звери не жили на Территории Отчуждения, только деревья и мох.

У полиции были подозрения, что повстанцы могут укрываться там, но постоянные облёты с вертолёта ни разу не выявили никакой активности, а несколько попыток прочесать лес наземными силами захлёбывались в самом начале, причём в буквальном смысле. После того как на Территории Отчуждения чуть не погибли несколько сотрудников, было принято решение оставить лишь воздушные патрули. И уже несколько лет они не замечали ничего подозрительного.

Однако Астра уверенно добралась до Территории какими-то второстатейными грунтовками. А потом так же уверенно заехала в лес. Тут Когель заволновался:

– Слушай, ты точно знаешь куда ехать? Если мы тут утонем, никто и никогда нас не найдёт!

– Нет, Крис, я еду наобум! Ну конечно, я знаю, куда ехать. Призму создал один хороший человек, который очень любил эти места и знал о них куда больше, чем многие другие. К сожалению, он уже умер, к счастью – своей смертью. Повстанцы тоже первое время не верили, что тут вообще можно что-то построить и даже жить. Сам подумай: даже если найти здесь твёрдую поверхность достаточной площади, даже если как-то пробурить скважину и получить пресную воду, есть-то тут что? Деревья?

– Ну я бы предложил мох...

– Вот так и наши изначально были полны иронии. А тут у почвы потрясающая плодородность. Мхом отлично откармливаются свиньи и коровы, а деревья надёжно защищают базу от чужих

взглядов. Ваши вертолёты раньше часто здесь летали, сейчас почти уже забросили это дело, но, бывает, появляются. Только толку от них, одни кроны деревьев и видят.

– Чтобы здесь хоть что-то росло, нужна твёрдая почва и солнечный свет.

– Твёрдая почва тут есть. Центр Территории – огромная каменная глыба размером с хороший остров. Там нет болот, и Метрополия это бы знала, если бы сподобилась на полноценную геологическую экспедицию. Но у наших хозяев железная логика: в болотах бывает только торф, а добывать здесь древесину слишком накладно, есть места, где она растёт не в таких экстремальных условиях. Дорога, по которой мы едем, – это естественная тропа, которую со временем отсыпали и расширили. А вот насчёт солнечного света ты прав, его здесь действительно катастрофически не хватает. И вот теперь мы приходим к пониманию, почему это место называется Призма.

Тут Астра замолчала. Когель был заинтригован, но решил не торопить её. Сейчас он испытывал примерно те же чувства, что Нова, когда попала в штаб полиции. Лейтенант – в самом сердце логова мятежников... Ну надо же.

***

– Честное слово, я с самого начала не верил, что из этой затеи что-то выйdet, – Дешанель оглядывал рабочий кабинет, найденный в ангаре. – А всё повернулось на редкость интересно. Век живи, век учись.

Полковник подошёл к огромному письменному столу и провёл по нему рукой:

– Добротная вещица. И стоит недёшево. Как и всё в этом месте. Как думаете, лейтенант Интерфер, кому это всё принадлежит на самом деле?

– Я думаю, мы оба знаем ответ, полковник.

– В том-то и дело. Но вы вот даже боитесь вслух этот ответ произнести. Да и я опасаясь.

Ирвин окончательно поставил винтовку на предохранитель и отсоединил от неё наушник. У него язык чесался сказать одну вещь. А, была не была!

– Полковник, разрешите высказать одно предположение.

Дешанель приподнял бровь и взмахнул рукой, мол, говори.

– Повстанцы действовали довольно нелогично. Когда мы прибыли сюда малой группой, они почти сразу вступили с нами в перестрелку. Чем себя и выдали: не факт, что мы бы нашли на этих складах что-то при поверхностном осмотре.

– Продолжайте, лейтенант.

– Наша первоначальная численность – едва ли человек двадцать. Окружить склады сразу у нас бы не хватило людей, то есть на нас можно было обрушить шквальный огонь и выйти с другой стороны. Или через какой-нибудь тайный выход, который наверняка есть в таком месте. Но они этого не сделали, дали себя окружить и в итоге погибли или попали в плен.

– И вам это кажется странным?

Ирвин удивлённо смотрел на полковника, пытаясь понять, не издевается ли над ним Дешанель. Но тот оставался совершенно серьёзным.

– Мне это кажется глупым. Повстанцы, конечно, допускают ошибки, но не так и не такие.

– И ваша версия случившегося?

– Я думаю, что они защищали что-то... или кого-то. И вся эта перестрелка была затеяна лишь с той целью, чтобы этот кто-то смог беспрепятственно покинуть базу, например, через тот же тайный выход. Причём другие им почему-то не воспользовались. К тому времени мы взяли это место в кольцо, так что им ничего не оставалось, как сопротивляться.

– Они могли сдаться в плен, – Дешанель как будто искал брешь в его доводах. – Возможно, часть сумела бы сохранить себе жизнь. Сержант! Каковы итоги нашего рейда?

Сержант почти двухметрового роста и раза в два шире Ирвина бодро отрапортовал:

– Нам противостояли девяносто три человека, из них семьдесят один убит, остальные, с ранениями различной степени тяжести, захвачены в плен. С нашей стороны только легкораненые, потерь нет.

– Ну вот. Серьезные потери. И знаете что, лейтенант Интерфер, я с вами абсолютно согласен. Они защищали кого-то настолько важного, что его свобода стоила эту семьдесят одну жизнь, а его путём отхода не стали пользоваться, чтобы случайно не пустить нас по следу.

Дешанель перевёл взгляд на своего гигантского сержанта:

– Думаю, Метрополия будет довольна таким поворотом сюжета. Передайте в офис, чтобы тех, кого привезут отсюда, допрашивали первыми. А не ту шелуху, что по городу насобирали. В мерах допроса можете не ограничиваться.

Полковник снова повернулся к Ирвину:

– Лейтенант Интерфер, большое спасибо за ваше участие, я вас более не задерживаю. Сержант! Выделите лейтенанту вертолёт до штаба полиции. Я передам вашему начальству, что вы проявили свои лучшие качества и были крайне полезны в этой операции.

Ирвин хмыкнул, но всё же поблагодарил полковника. Уж в чём-в чём, но во всей этой заварухе Комитет отлично бы справился без него. Однако Интерфер тоже был рад такому повороту событий. Нежданный разгром этого непонятого места придётся по душе Метрополии, они наверняка потребуют тянуть ниточки отсюда. Кроме того, Комитет стянул оперативников со всего города, они не успели навести большого шума, это значит, что агентурная сеть останется более-менее цела. В общем, всё к лучшему. А ещё он теперь свободен, Мистери не такой изверг, чтобы заставлять писать его отчёт прямо сегодня, а рассказать начальнику на словах – тут и десяти минут хватит. Потому ещё из вертолёта лейтенант позвонил Альбине, чтобы всё-таки пригласить вечером погулять. Он стал замечать, что ему нравилось просто проводить с девушкой время, было приятно, когда есть человек, который с таким любопытством слушает его житейские истории. Альбина вообще советовала начать Ирвину писать свою книгу, основанную на буднях полиции. Может, и стоит даже.

Ирвин вышел из ангара и забрался в вертолёт. Дешанель пристально смотрел ему вслед, задумчиво постукивая пальцами по столу.

ГЛАВА 23. ПРОКЛЯТЫЕ СОЮЗНИКИ.

Отчёт и переодевания заняли у Ирвина около часа, даже меньше, чем он ожидал. Сегодня планировался не очень обычный день, Альбина сказала, что в этот раз сама хочет его кое-куда пригласить. Это было уже интересно. Только теперь она попросила встретиться с ним около штаба полиции.

Итак, посвежевший после душа, но выдохшийся после насыщенного дня, Ирвин вышел за ворота. Штаб окружал небольшой парк с крошечными деревьями, их посадили после мятежа, там даже был какой-то мемориальный смысл, но Интерфер сильно не вникал.

Девушка грелась на весеннем солнышке на одной из скамеек мини-парка. На этот раз она выбрала фиолетовый платок, и вот он ей как раз не очень подходил. В остальном, как всегда,

первоклассно. Ирвин снова поймал себя на мысли: «Неужели я с ней встречаюсь?». Альбина увидела лейтенанта и радостно помахала ему рукой. Но первый же её вопрос сразу сбил с толку:

– Скажи, только честно, мне идёт этот платок?

– Ну... эээ, – Интерфер замялся.

– Я сказала – честно!

Ирвин глубоко вздохнул и ответил:

– Нет, Альбин. Фиолетовый – один из немногих цветов, который тебе вообще не идёт.

– Так и знала! – девушка сорвала платок с шеи и выкинула в урну. – Изээх, жалко. Цвет-то какой красивый.

– Просто он не для тебя, – поскольку девушка так и не встала со скамейки, то Ирвин сам наклонился и поцеловал её в губы. – Скажи, куда мы идём сегодня?

– Ко мне, – просто ответила девушка и улыбнулась. – Должна же я показать, где я обитаю, разве нет?

***

Крис смотрел на Призму с открытым ртом. Он был в Метрополии, в Виссаже, на Авасте, побывал в разных местах Шарры, а также объездил ещё порядка десяти колоний, не говоря уж о его родном Рододендроне. Удивить его было сложно. Но у повстанцев получилось.

Под самыми кронами огромных деревьев были закреплены несколько десятков линз примерно по метру в диаметре, которые собирали солнечный свет и проецировали его на длинные ряды теплиц. Теплицы также были не просто из стекла, особая конструкция распределяла этот свет по всему периметру сооружения.

– Нравится? – довольно спросила Астра. – Это почти уникальная разработка. Думаю, если бы создатель запатентовал её в Метрополии, то мог бы заработать хорошие деньги. Но он согласен отдать её только Шарре. Свободной и независимой. Стёкла непростые, они пропускают ультрафиолет и сверху совсем не бликуют. С вертолёта их не видно, а у растений базы есть солнечный свет. А ещё здесь несколько пляжей. Ну они так называются, такие пятачки поверхности, куда несколько линз проецируют свет, чтобы жители могли хоть иногда принимать солнечные ванны. Но главный минус этой базы: большую часть времени они тут живут в полумраке. Ничего не попишешь.

Краденый вездеход вплотную подъехал к небольшому заборчику. Ворот в нём не было, только маленькая калитка.

– Дальше пешком, – деловито сказала Астра. – Заезд с другой стороны, но как бы нас в полицейской форме на этой штуке за авангард не приняли и не расстреляли. Лучше зайдём, как есть, а наворованное добро, – тут она хлопнула по рулю, – потом на территорию загоним.

– Погоди, – Крис всё же смог оторвать взгляд от необычных призм и перевёл его на девушку. – Прежде чем мы зайдём. Ты говорила, что жители этой базы отличаются от обычных повстанцев. Я хочу знать, чем и чего мне тут ждать.

Девушка вздохнула и откинулась на спинку сиденья. Затем спросила:

– Ты знаешь такое выражение: «Враг моего врага – мой друг»?

– Да, и оно мне сильно не нравится. Если ему следовать, то можно подружиться с теми, кому сам потом не рад.

– Согласна. И всё же люди, живущие на Призме, хотят независимости Шарры ничуть не меньше остальных повстанцев. Просто у них свои цели. И я пока сама не знаю, уживёмся ли мы, когда победим.

Когель подозрительно посмотрел на девушку:

– Не хочешь ли ты сказать, что за воротами мы встретим Янтарных Людей?!

Нова опустила глаза. Крис изумлённо смотрел на неё:

– Астра, что? Вы сотрудничаете с Янтарными Людьми? Вы чем думаете?

– Крис, им тоже нужна свободная Шарра...

– А для чего она им нужна, ты у них не спрашивала? Нет-нет, давай я тебе напомню, откуда весь мир о них знает и почему они враги как Метрополии, так и всех колоний, за исключением, пожалуй, Виссажа. Но Виссаж – это отдельная тема.

Девушка молчала. Янтарные Люди были поразительным сплавом секты и успешного, но беспринципного коммерческого предприятия. Крепкая боевая организация, состоящая из сильных бойцов, сама по себе никогда не проводила операций Сопrotивления, только участвовала под началом кого-нибудь из командиров. Они помогали в лечении раненых бойцов, кроме того, вообще не требовали финансирования и какой-либо помощи, полное самообеспечение. Янтарные Люди были практически во всех колониях, и чем беспокойнее там была обстановка, тем их было больше. Единого центра у них не было, связывала их идеология секты и личные знакомства отдельных членов. Не было и лидера, даже какого-то совета лидеров. Их система бурлила и самоорганизовывалась вокруг идеи Янтарного бизнеса. И вот тут была главная проблема.

Основным источником дохода этих людей была торговля человеческими органами. Поэтому в любой колонии, регионе или же самой Метрополии они были объявлены вне закона. И поэтому их так притягивала любая война. Ведь там, где гибнут люди, всегда есть свежее, недавно забитое человеческое мясо, которое можно реализовать. Астру аж передёрнуло от этой мысли.

И не только у неё была такая реакция. Всё Сопrotивление терпеть не могло Янтарных Людей. Но, сжав зубы, с ними приходилось мириться. Во-первых, это были отменные исполнители, которым смело можно было поручать самую сложную работу. После того как они заселили Призму и стали сотрудничать с Сопrotивлением, ряды повстанцев стали куда крепче. Во-вторых, у этой секты были врачи и медицинское оснащение едва ли не лучше, чем в центральном госпитале Терраны. И они могли вытащить с того света любого раненого бойца. Проблема в том, что с таким же успехом они могли разобрать его на запчасти, что они исправно и делали в пропорции пятьдесят на пятьдесят. Лечиться к ним отправляли совсем уж безнадежных больных, которым всё равно была дорога на тот свет. И половина из них возвращалась живее прежнего. Вторая половина и была той платой, за которую Янтарные Люди оказывали свои услуги. Брр... Каждый повстанец в душе был уверен, что если до победы революции Призму не уничтожит полиция, то потом её разнесут свои же. И поделом, это будет правильно. А вот Астра, в свете последних событий, была в этом совсем не уверена. Более того, появилась смутная мысль, что Ринг может быть в доле с Янтарными Людьми, если он вообще не один из них. В таком случае им выгодно это вялое противостояние с периодическими обострениями. Мясо, они торгуют мясом, значит, им нужны бойни.

Когель как раз закончил высказывать своё возмущение по поводу того, кто их ждёт за оградой. Астра посмотрела ему в глаза и жёстко спросила:

– Ты закончил? Тогда я скажу. Я не просила тебя давать оценку тому, что мы делаем и как мы это делаем. Нет у тебя такого права. Ты – коррумпированный полицейский, который за деньги предаёт своих коллег. Чем бы ты себя там ни оправдывал – это так. Я тебя не осуждаю, но и выслушивать твоё мнение не хочу. Мы договорились?

Крис покачал головой и первым вылез с машины. По ходу он пробурчал:

– Я всё меньше желаю вам удачи в вашем деле борьбы с Метрополией.

Астра тоже выбралась из вездехода и первой подошла к калитке. Когель не очень торопился увидаться с обитателями Призмы. А ещё Астра отметила, что её оскорбительная речь его не особо задела. Он как будто что-то обдумывал про себя. Ох, не решил бы соскочить... Надо разрядить обстановку:

– Крис, чего мешкаешь? Хочешь вернуться?

– Нет, – Когель подошёл к ней и взялся за ручку калитки. – Пока нет. Но вечером я бы хотел с тобой кое-что обсудить наедине, если ты не против. А пока пошли знакомиться с мясниками.

За калиткой Криса и Астру ждали несколько вооружённых бойцов, не похожих на обычных членов Сопrotивления. Это были худые молодые люди с обритыми наголо головами, одетые в рубашки янтарного цвета, лёгкие бронежилеты и штаны расцветки хаки. В руках у них были компактные короткоствольные автоматы «Засада». По незнанию их можно было принять за какое-то из подразделений армии Метрополии, уж больно ладно и одинаково смотрелись эти люди. Обычные бойцы Сопrotивления были куда пестрее, одетый каждый в свою одежду и сражающийся тем, что удалось добыть в ходе своего революционного пути.

Когель слышал, что структура Янтарных Людей близка к армейской, у них есть три основных звена. Грифы защищают базы, участвуют в боевых операциях (из которых частенько привозят свежие трупы), вообще, выполняют силовые функции. Медики осуществляют все необходимые манипуляции по извлечению и консервации органов. И, наконец, Курьеры находят покупателей, доставляют ценный груз, они же заведуют казной.

Большая часть Янтарных Людей – это наёмники, ведущие двойную жизнь. Как именно попадают в эту организацию, точно неизвестно, однако те, кто там служит, не пропадают из общества бесследно. Напротив, они стараются вести как можно более тихую и неприметную жизнь законопослушного гражданина, но через определённые промежутки времени появляются на базах, чтобы делать свою кровавую работу. По идее, никто их в этом месте не держит, и любой из членов волен покинуть ряды организации, когда захочет. Но этому мешают два обстоятельства.

Первое – это законы. Метрополия, не разбираясь, приговаривает к смертной казни за любое участие в этой организации. Даже повстанцев часто просто отправляют в тюрьму. С Янтарными Людьми всё куда жёстче. Общество такой закон одобряет, но, служа в полиции, Когель прекрасно понимал, что у такой меры есть двойное дно. Богатым жителям Континента и некоторых колоний частенько требуются операции по замене органов. А легальный рынок доноров настолько мал, что не покрывает даже основных потребностей. Вот тогда и приходится обращаться к Янтарным Людям. Получается, что Континент одной рукой их официально преследует, а другой пользуется их услугами. И чтобы пойманные члены не наговорили чего лишнего, существует негласное правило: попался – прощайся с жизнью.

Вторым обстоятельством, мешающим покинуть ряды организации, является её идеология. Янтарные Люди – это не просто бизнес или структура. Это образ жизни. Попав в ряды, её члены были обязаны следовать неким внутренним правилам, традициям и распорядкам. И это в корне меняло жизнь новичка. Крис точно не знал, в чём заключались эти перемены, да и мало кто знал из-за того, что пойманных членов организации Комитет уж слишком поспешно отправлял на тот свет. Но что-то в этом, определённо, было.

Итак, за калиткой их ждали пятеро вооружённых Грифов в боевой амуниции. Астра хладнокровно посмотрела на них и вдруг сделала пистолет из пальцев:

– Полиция, сдавайтесь, вы окружены.

Крис похолодел. Такие шутки могли плохо кончиться.

Однако один из бойцов, по-видимому командир, сделал знак остальным, и они опустили своё оружие.

— Астра Нова! Вот уж кого не ждал в нашем гиблом месте, да ещё в форме, да ещё и с полицейским. Вы наконец продали душу Метрополии? Она дорого за вас заплатит.

Астра фыркнула:

— Ещё чего! Билл, моя душа не продаётся. Я вам не устану этого повторять.

— А я не устану звать вас в наши ряды, — тот самый командир, которого она назвала Биллом, снова помахал рукой, и остальные Грифы спокойно разошлись кто куда.

— Знакомьтесь, это Крис Когель. Я думаю, он вам понравится.

Билл широко улыбнулся, но улыбка была совсем недоброй, с какой-то угрозой:

— И почему же он мне должен понравиться?

— Крис — лейтенант полиции, но с нами он не ради идеи, а за деньги. В своей родной колонии Рододендрон он погорел на взятке, но сумел избежать наказания. Больше он такой ошибки допустить не хочет, но и зарплата его также не устраивает.

Совершенно неожиданно угрожающая полуулыбка командира Грифов сменилась на вполне искреннюю и добродушную:

— Ах вот оно что! Тогда ты права, мы поладим. Человек, который работает за деньги, заслуживает доверия, пока у тебя есть эти деньги, — с этими словами Билл протянул Когелю свою руку.

Крис нехотя пожал её. Янтарные Люди вызывали у него сильную неприязнь и даже какой-то совсем глубинный и животный страх. Казалось, что Билл сейчас достанет скальпель и станет вырезать ему печень. И это при том, что командир не отличался внушительными габаритами, вряд ли ему под силу справиться с лейтенантом полиции.

Все трое медленно двинулись вглубь базы. Астра бегло, не вдаваясь в подробности, рассказала обо всех событиях последних недель. Билл слушал не перебивая, по его лицу трудно было понять реакцию на всё это. В какой-то момент Крис вдруг понял, что ему ровным счётом всё равно. Нет, разумеется, для общей оценки обстановки сведения Астры были важны, но командиру явно было не жалко погибших на Фабрике, Муравья, и он не особо обрадовался гибели двадцати трёх сотрудников Комитета. Это была не его война. Неужели повстанцы совершенно этого не понимают?

ГЛАВА 24. СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ МЕТРОПОЛИИ.

Молодой человек, в общем, ожидал, что приглашение в гости к девушке закончится сексом, но чтобы таким бурным и страстным... До этого дня со стороны Альбины чувствовалась некоторая осторожность. Несмотря ни на что, она как будто не доверяла Ирвину. Однако свидание в парке явно подтолкнуло её к решению открыться окончательно. Неудивительно, что она выбрала для этого именно свой дом.

Дом, кстати, Ирвина удивил. Это была не квартира, а один из маленьких аккуратненьких коттеджей в пригороде Терраны. Его окружал небольшой участок с зелёным газоном и уютным задним двориком. Не дворец, конечно, но явно больше и дороже квартиры лейтенанта. Когда они прошли на кухню, Интерфер восхищённо выдохнул: его скромная плита и ряд шкафчиков не

шёл ни в какое сравнение с шикарной барной стойкой через всё помещение, которая разделяла зону готовки и обеденный сектор. Ему снова вспомнилось: Альбина ведь из Метрополии, и их разделяет примерно такая же пропасть, как её с бывшим женихом. Впрочем, девушка увидела его замешательство и весело сказала:

– Не робей ты так! Можешь даже что-нибудь сломать или разбить, я разрешаю.

Интерфер хмыкнул. Чувство юмора у Альбины было специфичное, но ему нравилось. Ломать он ничего не стал, только спросил:

– Значит, ты решила связать свою карьеру с колонией?

– Работать в колониях выгодно, очень выгодно. Мало, очень мало спецов из Метрополии готовы покинуть Континент. Они вас просто боятся, им кажется, что тут... ну, – девушка замялась, подбирая слово помягче, – не самые лучшие условия для жизни. А жителей колоний на мою специальность не учат.

– Почему?

– Потому что аудит – это финансовый контроль. Метрополия не доверяет его местным. Вот и выходит, что там, на Континенте, у меня было бы много конкурентов, но здесь я очень себе уникальна, – Альбина кокетливо похлопала глазками. – Но если ты имеешь в виду, что я хочу связать свою жизнь именно с Шаррой, то тут как сложится. На данный момент я работаю в вашем архипелаге, буду тут ещё долго, несколько лет, и Террана мне показалась самым приятным городом, чтобы здесь жить.

– И ты вот так просто купила себе дом в Терране только потому, что пока тут удобно? – Ирвин был удивлён, и следующий вопрос у него буквально вырвался: – Сколько же зарабатывают аудиторы?

Девушка игриво приподняла бровь:

– Достаточно, чтобы позволить себе в постели собственного лейтенанта полиции.

Интерфер смешался. Девушка снова улыбнулась и жестом пригласила сесть его на высокий стул за барной стойкой:

– Дело не в том, сколько я зарабатываю, дело в том, как жители колонии относятся к своему жилью. Понимаешь, Ирвин, есть одна важная особенность, которая отличает вас от жителей Континента. Вы стремитесь пустить корни там, где живёте. Купить квартиру или дом, начать обставлять её, обзаводиться друзьями, знакомыми, связями. Переезд – это всегда стресс, его не любят, стараются избежать всеми силами. Жители Метрополии более мобильны, они не привязываются к месту, легче на подъём. Если есть хорошее предложение по работе на другом конце Континента, почему его отвергать? Проще переехать.

– И всё бросить?

– А что «всё»? Ты думаешь, что, если я буду уезжать, я этот дом сожгу? Или я купила его с месячной зарплатой? Для меня это тоже дорогая покупка, я не сразу смогла это себе позволить. До него у меня была квартира в другой колонии. Если я уеду отсюда, я продам этот коттедж и куплю на новом месте что-то ещё лучше. Я покупаю-то лишь потому, что переезжаю нечасто, а есть такие, кто каждый год мигрирует. Те вообще берут жильё в аренду и не покупают своё. В этом нет ничего страшного.

– А как же друзья, знакомые?

– С этим чуть сложнее, но всё решаемо. Этим мы и отличаемся: ты ищешь аргументы против, а я ищу аргументы за.

Ирвину вдруг стало немного обидно:

– Вообще-то, я тоже родился не в Терране.

– Да, в Руте, ты рассказывал. И твой шаг достоин уважения, многие не могут и этого. Но... Вот ты приехал в Террану, тебе тут понравилось, и ты усиленно стал пускать корни. А представь, что завтра тебя переведут служить в другую колонию, как твоего коллегу с Рододендрона... Как его, ты ж рассказывал...

– Когель, – лейтенант поёжился. Мысль о переводе ему в голову как-то не приходила.

Альбина ненавязчиво сменила тему, и скоро Интерфер уже забыл о своих опасениях. А потом они как-то логично оказались в постели, где и случился самый бурный секс за всю коротенькую историю отношений. И вот сейчас девушка лежала, подперев голову рукой, и водила пальцем по груди лейтенанта.

– Можно тебя кое о чём спросить?

– Конечно, спрашивай.

Альбина на секунду задумалась, потом всё же начала:

– Только ты не бойся меня обидеть и сам не обижайся, если что. И ответь, пожалуйста, честно. Как жители колоний относятся к выходцам из Метрополии?

Вопрос застал Ирвина врасплох. Он попытался собраться с мыслями, но после такого бурного действия получилось плохо. И он снова решил не кривить душой:

– Тут всё очень сложно. Почти никто из жителей колоний не представляет, как вы живёте, просто есть понимание, что лучше нас. И все очень любят пощеголять любым предметом, хоть как-то связанным с Метрополией. Но почти никто на Шарре даже близко не стоит с рядовым жителем Континента в своём развитии.

Как бы тебе объяснить попонятней... Ну вот представь себе жизнь простого шахтёра или рабочего на Шарре. У него обычно есть дом. Не такой, как этот коттедж, далеко не такой, скорее развалюха на куске земли. Там плохо покрашены стены, грубая мебель, щели в окнах. И у соседа так же. И у его соседа. В принципе, у нашего воображаемого рабочего есть ресурсы повесить ровные окна, нормально покрасить дом. Есть даже возможность съездить в Террану и купить хорошую мебель, никаких ограничений на передвижение внутри колоний у него нет. Но нет у него и главного – понимания, зачем и как это сделать, если все вокруг живут так же. Как он представляет себе лучшую жизнь? Качественно это тот же уровень. Он думает, что есть дома, где не надо затыкать окна, где есть больше комнат, чем у него, где краска ровнее лежит. Я пока понятно говорю?

Альбина улыбнулась:

– Да, у тебя весьма сочные образы, я прям представила. Но я пока не понимаю, какое отношение это всё имеет к нам.

– Ну вот. Метрополия для большинства Шарры – это такие рабочие-господа, которые за счёт колоний живут в больших, ровно покрашенных домах с хорошими окнами. Зависти к ним нет, потому что по факту их почти никто не видел. Скорее, злость оттого, что они «что-то у нас забирают», и оттого, что они «не с нашего посёлка». И всё. В то же время, когда действительно в такую деревню приедет человек из Метрополии, перед ним будут изо всех сил показывать, как у них всё здорово и замечательно и что они ничуть не уступают. Нельзя ж признать, что мы хуже. Смотрится, кстати, забавно. Думаю, ваши со смеху покатываются от общения с нашим рабочим классом.

– Хм. Ну согласна, в посёлках всегда как-то всё грубее. А в городе?

– Да суть та же, только в окнах дырок нет и краска на стенах ровная. Жители городов живут на другом уровне качества, но у них нет принципиальных различий с поселковыми.

– А принципиальных – это каких?

– Ну вот как ты мне пример с корнями приводила. Мы ведь и правда стараемся пустить корни так, чтоб нас не вырвать было. Мы боимся, боимся голода, остаться на улице, нищеты. Того, что было если не с нами, то с нашими отцами. Мы не в состоянии ощутить вашу лёгкость на подъём. Когда я учился в Метрополии, для меня первое время всё было в новинку... Не только для меня, кстати, жизнь на Континенте перекраивает мозг невероятно. Ты вдруг начинаешь смотреть на всё своё существование, на друзей, на родителей, как на маленьких пугливых детей с кучей комплексов и смешными целями. Ты понимаешь, Метрополия живёт лучше не потому, что у них дома лучше, а потому, что они думают иначе. Точнее, не так. Скорее, потому, что они думают по-другому, у них и дома лучше. Вот даже у тебя, – тут Ирвин оглядел спальню. – Как красиво всё стоит, подобрано, по полочкам. Я так не могу. Сколько мне ни дай денег, я не смогу создать такой же дом, как у тебя, без посторонней помощи. У меня всё получится топорно, грубовато и не очень уж красиво.

Девушка вступилась за Ирвина:

– Зато твоё жильё очень самобытное. В нём приятно оказаться девушке.

– Почему?

– Во-первых, видно, что хозяйки у него нет. Это всегда приятно, хозяйничать там, где её рука нужна, но её нет, – тут Альбина улыбнулась.

Интерфер тоже не удержался от улыбки.

– Во-вторых... Ну не знаю... Есть мужчины, которые превращают в кошмар всё, к чему касаются. У тебя порядок. Не образцовый, но вполне на уровне для занятого молодого человека.

К своей улыбке Ирвин ещё и покраснел. Но всё же продолжил:

– Возвращаясь к твоему вопросу. Вы здесь чужие, за это вас и не любят. Плюс многие в душе считают, что вы у нас что-то забираете, а потому что-то нам должны. Это правда, по сути, только большинство народа не понимает, что, если мы в итоге отвоём у Континента фабрики, на них всё равно придёт к кому-то работать. Все почему-то считают, что оно будет работать само, как бы это глупо ни было. Никто не понимает всех последствий независимости, все хотят прав, и никто не задумывается об ответственности.

В общем, да, вас не любят. Но Метрополия действует кнутом и пряником. Любые восстания против неё подавляются безжалостно, все, кто говорит о независимости колоний, – вне закона. Но лояльность поощряется, правильно оформленные просьбы удовлетворяются. Так, к примеру, построили Террану. Континенту был предложен красивый грамотный план, который доходчиво показывал, какие выгоды можно поиметь, если переселить большую часть населения из-под коптящей трубы подальше. Особо подчеркну: это был не ультиматум, это было всего лишь предложение. Пожелание, если хочешь. И Континент его одобрил.

– Получается, не так уж плоха Метрополия? – с некоторой надеждой спросила девушка.

Ирвин грустно усмехнулся:

– Альбин, пойми. Лично к тебе у меня нет претензий, равно как и к большинству жителей Континента. Так получилось, что вы родились в лучшем месте, это не преступление. И я даже не в особой обиде за подавление восстаний. Большинство колоний ещё не готовы к самостоятельности. Я тебе уже рассказывал, во что превратилась неделя независимости для Шарры. Но правительство Метрополии отлично знает одну важную вещь: в существующей системе колонии никогда не выйдут за пределы своей деревни и не вырастут до взрослой жизни. Независимость превратится для них в кошмар. А любые уступки ничуть не потревожат власть Континента. Просто потому, что уступки Континент делает в ответ на какие-то требования. А что может потребовать наш воображаемый рабочий? Окна ему заткнуть, дом покрасить? Другой

построить – вот предел мечтаний. Для Континента не проблема, раз в десять-пятнадцать лет можно. За свою жизнь такой рабочий принесёт на порядок больше дохода и даже не поймёт этого. Только следи, чтобы он сильно не умнел.

Метрополия поощряет лояльность колоний, выпуская таким образом пар и накопившееся недовольство. Год, два, три колонии просят. Потом требуют. Уже на этом этапе можно немного уступить, новые запросы появятся лишь через некоторое время. Если колония зажирается, можно допустить на ней восстание и подавить его – пусть знают, кто сильнее. Так произошло тогда на Шарре: жители требовали принципиально невозможную вещь – самим выбрать себе правителя. Этого не допустят, жертвы не имеют значения, авторитет Континента непререкаем. Но и то! Всю колонию ведь не расстреляешь, работать кому-то надо. Казним особо рьяных зачинщиков, свалим на них то, что они всем запудрили мозги. Всё! Они получили по заслугам, вы работайте дальше, прощаем. Как-то так...

Жители Шарры не любят Метрополию за её протекторат, налоги, власть. За то, что не даёт колониям свободу, качает ресурсы. Я не люблю её только за одно: она не даёт нам вырасти. Начать мыслить по-другому, стать взрослыми, а не оставаться обиженными детьми, которым родители дозируют сладкое и говорят, когда надо спать. Я хочу, чтобы мы были свободны, но до этого всё же поняли, что спать нужно, а от переизбытка сладкого болит живот.

Альбина слушала его, и чем дальше, тем большее удивление появлялось на лице девушки. Когда он закончил, она сказала:

– Ирвин... Я поражена. Я никогда не слышала, чтобы житель колонии настолько чётко и без прикрас рассказывал, как всё устроено... Раньше я думала, что ты просто боялся перемен. Потому оказался в аэропорту среди сил, верных Метрополии. Но ты вновь сумел меня удивить. Как ты думаешь, что делать колониям?

Ирвин пожал плечами и ответил:

– Не знаю. Я чувствую, что есть какой-то выход, но пока не могу понять какой. Одно знаю: очередной революции нам точно не надо. Метрополия нам её не простит и запросто может забрать то, что уже получено. Разрушенная Террана, вновь заселённая Рекурента – это не такая уж фантастика. Вернёмся лет на сто назад.

Альбина почесала нос. Она обдумывала слова Ирвина. На минуту повисла тишина. Потом девушка сказала:

– Ты можешь не верить, но сегодня я посмотрела на колонии другими глазами. Ты был прав, смешно наблюдать чванство и показушность многих людей, с которыми приходится сталкиваться. Раньше я считала их... немного глупыми, что ли. Сейчас понимаю, что у них и не было шанса где-то чему-то научиться. Им бы не позволили, в этом ты прав.

– Получается вилка. Свободой нужно уметь пользоваться, но Метрополия не позволит этому научить, а без неё – хаос. А уж если представить маловероятный, но возможный сценарий, что взбунтуются все колонии и свергнут власть Континента, а то и захватят его, – мы все дружно улетим назад на несколько веков. Вот этого вообще бы не хотелось. Потому пока я защищаю действующую власть. И думаю.

– И никаких-никаких мыслей?

– Они есть, но весьма смутные.

– Поделишься?

Тут Ирвин стал на редкость серьёзным:

– Альбина, только всё сказанное – между нами, хорошо? Не то чтобы я высказываю какую-то крамолу. Но мне бы не хотелось, чтобы о ходе моих мыслей знал ещё кто-то.

Девушка пожала одним плечом и красноречиво кивнула.

– Хорошо. Есть такая колония, называется Аваст. Точнее, это уже не колония. Ты когда-нибудь была там?

– Не помню, я объездила немало мест... Но там, кажется, нет.

– Значит, не была. Её бы ты запомнила. Так вот, Аваст в своё время попросил у Метрополии один бонус, до которого пока не додумался никто. И они, как мне кажется, ближе всех подошли к ответу на все вопросы...

ГЛАВА 25. ТЕ, КТО НЕМНОГО РАВНЕЕ ДРУГИХ.

Обитатели Призмы жили в длинных деревянных одноэтажных бараках. Снаружи они смотрелись неказисто, однако внутри впечатляли своим комфортом. У каждого жителя была своя отдельная комнатка с туалетом, душем и кроватью. Повстанцам на разгромленной Фабрике о таком только мечтать, там ютились друг у друга на головах.

Ели в общей столовой. Крис сначала опасался пищи Янтарных Людей, почему-то казалось, что такая организация обязательно включит в свой рацион человечину. Но Билл посмеялся над опасениями лейтенанта и уже серьёзно добавил, что человечина – слишком дорога, чтобы употреблять её в пищу. Почему-то такой циничный ответ Когеля совсем не успокоил.

В итоге Крис был рад, когда день кончился и ему, как и всем, выделили отдельную комнатку. Наконец он мог спокойно обдумать и уложить в голове всё, что случилось за эти сутки. И ещё следовало решить, что делать дальше.

Однако уединения не вышло. Когда лейтенант уже разделся до трусов и нательной футболки и собирался полежать на мягкой кровати, в дверь постучали.

– Кто там?

– Это я, Астра. Крис, ты просил зайти вечером.

Точно! Когель как-то запомнил, что назначил девушке серьёзный разговор. Ладно, соберёмся с силами:

– Заходи, мисс Нова.

Девушка вошла. На ней была лёгкая футболка и камуфляжные штаны: на Призме было тепло. Она растерянно посмотрела на полуголого Криса, потом отвела взгляд. Тот решил не смущать девушку и прикрылся простынёй.

– Я тебя слушаю.

Когель помолчал, собираясь с мыслями:

– Астра, я даже не знаю, с чего начать этот разговор. Давай так, я хочу сегодня рассказать тебе одну историю. Но начну не с неё. Скажи, ты в полной мере осознаёшь всё, что происходит вокруг тебя?

– Что ты имеешь в виду?

– Я попрошу тебя отнестись к моим словам без эмоций. Не так, как в машине. Просто ответь честно. Ты правда хочешь свободной и независимой Шарры, правда хочешь свергнуть власть Метрополии? Или для тебя Сопротивление – всего лишь выгодный бизнес, с которого ты имеешь свой процент?

Девушка шумно вдохнула и вскочила на ноги:

– Как ты смеешь? Конечно, я хочу независимости Шарры, я хочу, чтобы её жители стали свободны от гнёта Континента! Чтобы наши дети могли выбрать что-то ещё, помимо шахты, рудника или фабрики. Чтобы мы не делились своими доходами с Метрополией просто потому, что она так решила!

– И как ты планируешь это сделать? На деньги промышленников Континента? Руками Янтарных Людей, которых интересуют только органы погибших или ещё не добытых бойцов?

Девушка поджала губы:

– Крис, думаю, разговора у нас с тобой не выйдет.

– Да подожди ты! – Крис поднял руку. – Я совсем не хотел тебя оскорбить. Я правда не так представлял себе знаменитое Сопrotивление Шарры. Астра, присядь, пожалуйста, удели мне ещё пятнадцать минут и дальше сама решай, как поступить.

Девушка присела на стул, который стоял напротив кровати:

– У тебя пятнадцать минут.

– Как тебе известно, я родился и вырос в колонии Рододендрон. Это вполне успешная и благополучная колония, очень похожа на Шарру, только с ресурсами там небогато. Зато полно всяких пустырей, на которых оборудованы испытательные полигоны. Метрополия испытывает там всё, что только может. Как следствие, число инженеров на Рододендроне больше, чем на Шарре. Вообще, я бы сказал, что у нас немного повыше уровень жизни и Континент к нам относится более благосклонно. Есть и своё Сопrotивление, но оно весьма вялое и слабое. Это я говорю для того, чтобы ты понимала: я жил не на каком-нибудь Виссаже, где глава колонии – потомственный каннибал. Рододендрон вполне благопристоен и спокоен.

Астра слушала молча. Пока она не понимала, к чему клонит лейтенант.

– Я работал в отделе контроля воздушного транспорта. Кстати, именно знания, полученные там, помогли мне случайно разоблачить вашего Муравья. Да-да, это сделал именно я, просто не ожидал такой небрежности от повстанцев, не думал, что ниточка приведёт напрямую к исполнителям. Ладно, тут долгая история, не о том сейчас речь.

Так вот. С соблюдением законов на Рододендроне тоже примерно как на Шарре. То есть перед законом все равны, но есть те, кто чуть-чуть равнее. Одним из таких более равных был некий Дик. Я не стану называть его фамилию, в данном контексте это не важно. Дик был родом из Метрополии и приходился сыном одному нашему высокопоставленному чиновнику. Чиновника прислали с Континента, он прихватил своего обалдуя-сына, яркого представителя золотой молодёжи. Дика пристроили на непильную и хлебную должность замом директора на один из испытательных полигонов. По долгу службы он мог запрашивать некоторые воздушные суда из местного аэропорта. И он делал это регулярно, только совсем не для своей организации. На вертолётах он катал своих подружек и многочисленных друзей. И, странная вещь, этот обалдуй каким-то образом смог выучиться на пилота и вертолёты водил сам. Загадка, управлять воздушным судном не так-то просто... Особенно учитывая то, что он делал это изрядно выпивши.

Астра слушала. Гнев прошёл, теперь ей уже было любопытно. История про «золотого мальчика» была явно со смыслом.

– В одну из ночей Дик взял вертолёт и улетел кататься. С ним были два молодых человека и три девушки. Как я уже сказал, делал он так регулярно, при этом навигационную нить не запрашивал. Но все закрывали на это глаза, помня, чей он сын. Долго ли, коротко ли, началась гроза. В этот полёт нитку они всё-таки запросили, история совсем как с вашим Муравьём. Только нашим героям навигация не помогла. Они разбились.

Крис так выделил это голосом, что Астра вздрогнула. И спросила:

– Все?

– Да. Останки кое-как опознали, вертолёт сначала загорелся, потом ещё пока его искали... Ладно, это не суть. Я участвовал в расследовании. Там расследовать особо было нечего, всё как на ладони. Но потом всё обернулось интересным образом.

– Как же?

– Был арестован один из пилотов аэропорта, который на тот момент вообще был в отпуске. На коленке состряпали дело, якобы это он забрал вертолёт, разбил его, но выжил и добрался до дома. Пилот был вполне себе обычным законопослушным гражданином, у него семья, трое детей.

Астра мотнула головой:

– Что-то я не понимаю. Зачем понадобилось фабриковать такое дело?

– Затем, что у каждого преступления должен быть виновный. Затем, что Комитет Метрополий строго следит за использованием воздушных судов. И вертолёт, разбитый непонятно кем, – это большой скандал. Надо было отчитаться в Метрополию, что произошло. Нужен был виновный.

– Так ведь виновен этот Дик?

– НЕ ТАКОЙ виновный, Астра. Обычный житель колонии. Я сам был в шоке от всего произошедшего. Нет, можно было понять, что папа отмазывает своего сына от тюрьмы, если бы он выжил. Но Дик погиб. Какой смысл что-то фабриковать? В общем, я набрался смелости. И пошёл к отцу виновника. Официально попросил аудиенции, он не отказал. И в его кабинете состоялся разговор, один из самых неприятных в моей жизни.

– Что же он сказал?

– Если в двух словах, он очень ясно дал мне понять, что Дик погиб в результате несчастного случая на полигоне при исполнении служебных обязанностей. Никакого вертолёта он не угонял. И его имя не должно быть запятнано этой историей.

Тут Крис даже приподнялся на подушке:

– Астра, ты понимаешь? Чтобы не запятнать имя своего уже погибшего сына, он решил пустить под откос жизнь обычного лётчика! Ни за что, просто так, чтобы чёрного пятна на роду не было. Я не идеалист, я представляю, как устроена эта жизнь. Если бы Дик не погиб и его пытались выгородить таким способом, то... ну я хотя бы это понял. Не принял, но понял. А тут – память сына-шалопаю он, видите ли, решил не марать...

Девушка молчала. Она явно ждала продолжения. И Крис продолжил:

– В общем... Хочешь верь, хочешь нет, но я пошёл на принцип. Я пытался рассказать правду. Пытался добиться оправдания для того пилота. Просто... Ну я не идеалист, я ещё раз это повторяю. Но это показалось мне чем-то настолько диким в нашей благополучной колонии, что я просто не мог этого допустить, понимаешь, Астра? Я был готов к противостоянию. Был готов, что начнут угрожать, возможно, даже попытаются со мной что-то сделать. Никогда ещё во мне не было столько решимости. Но ничего не вышло. Пилота посадили, несмотря на все мои возражения. После чего... Нет, не так. Сначала поясню, что отец Дика вообще никак не был связан ни с полицией, ни с Комитетом Метрополий. Понимаешь, НИКАК! Он был чиновником в руководстве, но полиция не подчиняется руководству колонии, её начальство в Метрополии. Я уж не говорю о Комитете. И вот, этот чиновник просто с кем-то поговорил, что-то сделал... И меня переводят на Шарру по волчьей статье, как будто я попался на коррупции. Это произошло три года назад...

Девушка тряхнула головой. Она вдруг перестала что-то понимать:

– Но... но это значит, что на самом деле ты не был замешан в получении взятки?

– Нет, – спокойно ответил Крис.

– А как же тогда... Ведь ты с нами только за деньги?

– Нет, – так же спокойно ответил Крис. – После той истории я просто возненавидел Метрополию. То, как она по мановению руки может исковеркать несколько жизней просто потому, что одному из её выродков не захотелось портить генеалогическое древо. Я много думал. И принял решение. Что я не хочу жить под гнётом таких господ. Мне плевать на справедливое распределение ресурсов, мне плевать на самоопределение жителей. Но я не хочу жить и знать, что моя жизнь мне не принадлежит.

– Ты брал наши взятки.

– Я долго искал на вас выходы. Мне повезло попасть в колонию, где Соппротивление – это не пустой звук. Но я быстро понял одну вещь. Если я просто приду к вам, такой красивый, расскажу душещипательную историю о своём эмоциональном перерождении, скажу, что хочу сотрудничать с вами, – мне никто не поверит. Астра, положи руку на сердце, ты сейчас-то на меня с недоверием смотришь.

Нова молчала. Здоровое зерно в его словах было.

– Потому я решил сделать две вещи. Первое – дожидаться случая, чтобы я мог оказаться вам чем-то полезным. Второе – использовать своё обвинение в коррупции. Я понимал, что в жадного взяточника вы поверите сразу, а вот в идейного борца с Метрополией в рядах полиции... Большой вопрос.

Астра откинулась на спинку кресла. Число событий вокруг неё начинало выходить за все разумные пределы. Правда, пока множилась лишь грязь и число её недругов. Крис удивил её, но впервые за эту неделю новость была приятная.

Лейтенант продолжал:

– В итоге всё случилось, как случилось. Я мог бы ещё какое-то время водить тебя за нос, но более не хочу. Однако эта информация только для тебя, я бы хотел, чтобы остальные продолжали считать меня коррупционером. Не поверишь, но мне так куда спокойней в этом котле.

Девушка прикрыла глаза и помассировала виски. Потом спросила:

– Крис, тогда я всё же хочу понять твою конечную цель. Ты хочешь революции на неродной для тебя Шарре? И потом остаться с нами?

– Я пока до конца не решил, чего я хочу. Одно я знаю точно: с врагами Метрополии мне по пути. Так что я хочу и дальше оказывать вам помощь... Но...

Тут он замолчал. Астра открыла глаза и посмотрела на него:

– Но?

– Но после этой недели я что-то засомневался в своих решениях. Нет, я не спорю, революция – сложное дело, тут не обойтись без грязи. Энгельбер Томили – это ещё куда ни шло. Но Янтарные Люди! Всему должен быть предел. Я потому и хотел с тобой поговорить... Хотя это даже немного опасно, но тебе я верю, Астра. Скажи мне, есть в Соппротивлении ещё хоть один человек, кроме тебя, для кого это не бизнес, а идея?

– Таких много, Крис. Очень много. Не меньше семидесяти процентов – это точно. Мне жаль, что ты почему-то видишь только наши неприглядные стороны. Когда всё уляжется, я обязательно свожу тебя в Кречет, где ты увидишь обычных повстанцев. Не все из них за идею, есть и те, кому просто некуда больше пойти. Есть те, кто мечтают о тёплом кресле в новом будущем правительстве. И всё же большая часть разделяет именно мои взгляды.

Скажу тебе честно, я тебе верю. И сама нахожусь на распутье. Про Томили я узнала лишь несколько дней назад, до этого искренне верила, что Ринг просто грабит банки.

– Кто грабит?

– Ури Ринг, наш казначей. И с ним ты познакомишься, правда со временем. Он очень осторожен. Хитрый и скользкий тип, однако на редкость полезный. Кстати, а откуда ты знаешь о Томили?

Крис пожал плечами:

– Взрыв МФ-11 оказался глупым предприятием как по реализации, так и по установлению мотивов. Мало того что мы вышли на вашего Муравья, так ещё и Ирвин, мой напарник, в два счёта раскусил главного выгодополучателя. А через пять минут это второй раз сделал Флёр Дешанель.

Девушка вздрогнула:

– Дешанель тоже знает про Томили?

– Да, причём он попросил полицию не заниматься им. Мол, Комитет всё сделает. Птица слишком уж высокого полёта, надо поделикатнее, если уж бить, то наверняка.

– Ты ему поверил?

– Ни на йоту. Я думаю, он прикрывает Томили от полиции и имеет какой-то свой интерес в этом деле. Комитет всегда защищал интересы Метрополии, как официальных властей, так и крупного бизнеса. Разумеется, я не высказывал свои соображения ни в штабе полиции, ни в личных беседах, только тебе.

Астра присела на край его кровати. Она вдруг почувствовала к Когелю какую-то необъяснимую теплоту. Он и правда оказался единственной хорошей новостью за эту неделю. Правда такой, что перечеркнул много плохих.

– Спасибо тебе, Крис, что ты появился. Вокруг творится такая неразбериха... Ещё полгода назад мои взгляды были непоколебимы и я твёрдо знала, к какой цели иду. А сейчас... Промышленник, который использует нас как своих марионеток, продажный Ринг, без которого не обойтись. Один ты светлый луч.

Когель улыбнулся:

– Такой грязненький коррупционный лучик, который тебе нравится лишь потому, что оказался чище, чем на первый взгляд.

Астра тоже заулыбалась. А потом... Она сама не поняла, что произошло и кто потянулся первым, но они с лейтенантом поцеловались. Сначала легонько и даже где-то неуверенно, затем Крис схватил её и притянул к себе, а другой рукой принялся стаскивать с неё футболку.

В своих мыслях Нова допускала, что когда-нибудь у неё будет секс с полицейским. Но никогда она даже помыслить не могла, что будет хотеть этого так сильно, как сейчас.

ГЛАВА 26. ТУЧИ НАД ШАРРОЙ.

Утро понедельника начиналось тяжело. Командующий полицией колонии Шарра, он же руководитель Департамента Поддержания Стабильности, Мирус Мистери, беспомощно смотрел перед собой. Он сидел за столом в своём кабинете и абсолютно не знал, что делать. Флёр Дешанель, сидевший от него по правую руку, также молчал. Наконец, Мистери переспросил:

– А это точно Янтарные Люди?

– Точнее некуда, уже удалось расколоть несколько пленных. Три дня бились. Командующий Мистери. Признаться, я был удивлён не меньше вашего, но это дало ответ на многие вопросы. Мне казалось, что мы разворошим гнездо повстанцев, однако с начала штурма стали возникать вопросы. Уж больно отчаянно сражались повстанцы, как будто не надеялись остаться в живых. Сейчас уже ясно, что это и правда так. Всех, кого мы взяли в плен, ждёт смертная казнь. Терять им было нечего.

Мирус рывком вскочил с кресла и принялся ходить по кабинету. Дешанель недовольно поморщился. Он не любил паники, если только не создавал её сам.

– Итак, штурмом в самом центре Терраны взята база Янтарных Людей. Там сто вооружённых бойцов.

– Далеко не все они бойцы, есть Курьеры. Мясорезов не нашли, возможно, они все убиты или каким-то образом ушли. Я всё больше склоняюсь к мысли, что часть преступников смогла выбраться, используя тайный ход, который мы до сих пор не нашли. Раньше я думал, что так ушёл один человек, сейчас думаю, что больше.

– Метрополия уже знает?

– Да, разумеется.

Мистери снова подошёл к своему креслу, рухнул в него и откинул голову назад. Спросил:

– Что говорят?

– Никак не комментируют. Просят докладывать о ходе расследования каждые шесть часов. Общаться с полицией мне прямо не запретили, но моё появление у вас – исключительно личная инициатива.

Мистери поднял голову и посмотрел на Дешанеля:

– Ч-что... Что вы имеете в виду? Вы пришли сюда по личной инициативе?

– Именно, – Дешанель положил руки на стол ладонями вверх: – Командующий. Я думаю, мы оба прекрасно понимаем, на краю какой пропасти оказалась вся колония. До недавнего времени мы думали о местных повстанцах как о кучке бандитов, идеалистов и бандитов-идеалистов, которые вряд ли в силах сделать что-то, кроме своих комариных укусов. Сейчас выясняется, что у них в союзниках Янтарные Люди и... ещё некоторые силы, которые пока требуют перепроверки. Это не важно. Важно другое: Янтарные Люди в таком количестве на Шарре сами по себе серьёзная сила. А ведь они никогда не приходят просто так, всегда за мясом. Значит, совсем скоро здесь будет большая бойня.

– Может, они просто наладили какой-то канал получения органов? – с надеждой спросил Мирус.

– Маловероятно. Только сотня попалась нам, сколько их тут ещё, никому не известно. Такое количество мясников не удовлетворится малой добычей. Шарра – благополучная колония, мы бы заметили столь массовые исчезновения людей. Значит, они к чему-то готовятся. Но это ладно, мы тоже не лыком шиты. Главная угроза для нас совсем не они.

Мистери недоверчиво смотрел на Дешанеля. Пока он не понимал, чего хочет этот непробиваемый мужчина в строгом костюме.

– Главная угроза, как мы оба понимаем, Континент. Там, – тут Флёр показал наверх, – могут решить, что мы утратили контроль за ситуацией. И введут войска. Очень трудно спрогнозировать, что случится после.

Мистери не отрывал взгляд от полковника. Доверия в его глазах не прибавилось:

– Вам-то какой интерес? Вы блестяще разгромили логово Янтарных Людей, подали сигнал Метрополии, что на Шарре бардак. Я думаю, вам светит повышение. А судьба Шарры... Сколько

таких колоний у вас ещё будет, полковник? Вы сами-то родом с Континента. Вот моя голова точно полетит.

— И это будет прискорбно. Я испытываю глубочайшую симпатию к тем силам полиции, что сложились сейчас в колонии. К вам лично я симпатии не испытываю, но вы внесли немалый вклад в формирование нынешней системы правопорядка. Но — и это главное — Шарра оказалась вовлечена в сложную и опасную игру, масштабов которой вы даже не представляете. Я не могу допустить, чтобы наши противники победили. Да и народ вашей колонии и ваши подчинённые не заслуживают той участи, что вам готовят. К сожалению, Метрополия не понимает всего расклада. Или не хочет понять.

— О какой игре вы говорите?

— В данном случае это не важно. Я готов предложить свой план. Он займёт буквально несколько дней и приведёт к сокрушительным последствиям. Либо для нас, либо для наших врагов. Но если этого не сделать, Континент точно решит, что полиция не контролирует ситуацию. И где-то через неделю тут будет армия.

— Хорошо. Я готов вас выслушать. Предлагайте.

— Да вариантов у нас немного. Точнее, всего один. Необходимо завершать операцию «Паника». Наш срок на всё про всё — неделя.

***

Бар «Аметист» был тем местом, где Ирвин и Крис частенько зависали перед выходными. Сейчас неделя была в самом начале, и всё же Интерфер позвал напарника выпить. Набралось слишком много тем для разговора. Друзья выбрали свой обычный столик чуть левее входа.

Заказ был сделан, как обычно: по бутылке пива и гренок для начала. Ирвин задал вопрос первым:

— Как проходит вынужденный отпуск?

— Смутно как-то. Новости доходят тревожные, я тут ещё уезжал на пару дней, думаю, что ты сейчас меня очень многим порадуешь.

— Радовать особо нечем, но и грустить рановато. Хотя Мистери ходит очень напряжённый. В общем, слышал про разгром базы в промзоне Терраны?

— Да об этом все газеты трубят. Только говорят, что все, кого там нашли, были повстанцами. Мне верится с трудом.

— И правильно. Это были Янтарные Люди.

Крис поперхнулся пивом:

— Чего? Янтарные Люди? Их там больше сотни было?

— У нас у всех была такая же реакция. Информацию засекретили по личному приказу Дешанеля, только вот слухи уже поползли.

Ирвин коротко рассказал о штурме складов и о том, что последовало за этим. Крис слушал не перебивая. Его голова уже взрывалась от происходящего, но сейчас требовалось увязать события последних дней с тем, что он узнал на Призме. Картина складывалась совсем безрадостная. Ещё лишнего бы не сболтнуть...

— В общем, Соппротивление оказалось куда сильнее, чем мы предполагали, — подытожил Интерфер. — И главная интрига в том, как на это отреагирует Метрополия.

— А она как-то реагирует?

— Внимательно следит за происходящим, но пока не вмешивается. Хотя запросто могут готовить штурмовую группу для наведения порядка.

Крис глотнул пива и подумал. Потом спросил:

— Это плохо? Иривн, я просто здесь чужой, не совсем понимаю, что может случиться. Введут армию, ну и ладно. Будет больше сил для разгрома повстанцев.

— Не будет. Мы сидим как на пороховой бочке. Армия заставит повстанцев перейти в наступление всеми силами, какие есть. Прошлое восстание было не так давно, общая тактика армии не поменялась, а Соппротивление выводы сделало. Боюсь, что первое время наступления Метрополии будут не так успешны, если совсем не захлебнутся. В худшем случае от дел временно отведут полицию, а это чревато беззаконием и хаосом. Продлится такое недолго, но получат все.

— А дальше?

— А дальше армия возьмёт всё под свой контроль. И Шарра получит своё наказание. Я даже боюсь думать какое. Запросто могут разрушить Террану в назидание. В других колониях подобное случалось.

Но это самый простой сценарий. Я думаю, что всё будет ещё хуже. Янтарные Люди тут не просто так, есть какая-то третья сила, её цели пока не ясны.

— Ну сила — это, думаю, Томили, — Крис тоже глотнул пива. — Или я не прав?

— Вот и скажи мне: зачем промышленнику из Метрополии провоцировать всю эту заваруху?

— Судя по тому, что я знаю о Томили, исключительно ради прибыли. Только пока я не понял, каким способом.

— Вот и никто ничего не понимает. Но это пока не важно. Важно другое...

***

— ...Важно другое. Вчера вечером мы попили пива с напарником, и у него есть сильное подозрение, что Комитет знает местоположение Ринга. Полиции такую информацию, конечно, не раскрывают. Но Дешанель хочет нанести какой-то удар по Соппротивлению, чтобы было попроще взять штурмом базы.

Утро вторника выдалось слегка морозным. Астра и Крис опять сидели в «Дуале», только в этот раз на девушке не было полицейской формы. Обычный брючный костюм. Обычная девушка. Даже не скажешь, что ещё недавно она была на базе Янтарных Людей и смогла вернуться оттуда целой и невредимой. После разгрома базы в промзоне зачистку Терраны остановили, и сюда вновь можно было вернуться спокойно, что и сделали лейтенант с Новой: жить на Призме в окружении мясников было крайне неуютно. Хотя для Астры эта пара дней стала столь нужной передышкой. А тут ещё Крис рядом... Девушка тряхнула головой. Не отвлекаться!

— И ты думаешь, что этот удар будет по Рингу?

— Удара по Томили он пока нанести не решится, по сути, все улики против нашего промышленника косвенные. Мобилизовать силы на штурм базы — дело не пяти минут. Фабрику в своё время основательно изучали и прорабатывали, прежде чем уничтожить. Поверь, о таком я бы узнал. Да и ещё раз говорю: формулировка Дешанеля была, что что-то сделают, чтобы было проще взять базы. Сколько «что» получилось...

В другое время девушка усмехнулась бы, но сейчас было не до того:

— А может, не Ринга? Может, им известно моё местоположение?

Когель развёл руки:

— И где же удар? Сидишь тут, бери не хочу. Ты уже сутки живёшь в гостинице Терраны, если бы вычислили и хотели тебя арестовать — давно бы сделали. А вот Ринга отследить не так легко. И всё же это им, возможно, удалось.

Астра задумалась. В словах Криса был резон.

– И что ты думаешь? Надо его предупредить?

– Астра! Ты в своём уме? Какой, к чёрту, Ринг? Да пусть подавятся этим бизнесменом! Ты вообще слышала, что я говорю? – тут Когель немного сбавил тон, огляделся по сторонам и придвинулся ближе к девушке. – Пусть подавятся этим Рингом, мне от его ареста ни жарко, ни холодно. Ты понимаешь, что Комитету может быть известно местоположение Кречета? Его надо срочно эвакуировать! Ты собираешься вот так, за раз, вывести тысячу или сколько там человек? Бросив всё и вся?

Девушка прикрыла глаза. Что-то совсем она растеряла сноровку. Крис был абсолютно прав! Что же делать?

– Что же делать?

– Как минимум – предупредить их. Это возможно сделать, минуя Ринга, из Терраны?

– Теоретически, да. Но у Ринга везде уши, он может узнать. Да и вообще, чего скрывать – его надо поставить в известность!

– Нет. Такой человек продаст за свою шкуру всех и вся. Если мы ошибаемся и Дешанель готовит удар не по нему, так тому и быть, потом как-нибудь объяснимся. Но если он обо всём узнает, начнёт дёргаться, может совершить необдуманный поступок, как Муравей в своё время. И тогда я даже не знаю, что может быть. Сейчас над нами нависла угроза полицейской операции, а над полицией висит меч Метрополии. Действовать нужно максимально быстро и тихо.

Астра кивнула:

– Хорошо. Тогда вариант один – добраться до базы самим. Это займёт где-то сутки. Ты сможешь поехать со мной?

– Да, разумеется, у меня от отпуска ещё кой-чего осталось. Длинная получается неделя... Как ехать? Опять машину угоним?

– Нет, тут всё официально, на поезде.

Крис попросил счёт и рассчитался. Молодые люди вышли из кафе в утреннюю прохладу Терраны. Астра прикинула, что до ближайшего поезда на Рекуренту ещё два часа. О чём и сказала Крису. Тот как-то сразу успокоился:

– Что ж, быстрее поезда не побегим, пошли хоть пройдемся. До вокзала полчаса пути, час, если не спешить.

Они медленно двинулись вниз по улице. И Астра всё же решилась поднять тему, которой они не касались с возвращения из Призмы.

– Крис, я хотела спросить...

Лейтенант посмотрел на девушку. И вдруг улыбнулся:

– Крепко же я влип, Астра. Ещё месяц назад сидел в кабинете, потихоньку смывал пятно с репутации. А сейчас что? Помогаю Сопrotивлению, ещё и переспал с главным повстанцем...

– Это плохо? – осторожно спросила Астра.

– Сама по себе ситуация доверия не внушает... А вот последнее – единственное светлое пятно во всём этом, – тут Когель вдруг остановился, обнял Астру и притянул к себе. Поцеловал. В губы. Девушка от неожиданности даже не пыталась сопротивляться. Да она и не хотела.

ГЛАВА 27. ПОБЕГ.

Ури Ринг поспешно скидывал в свой походный чемоданчик самые необходимые вещи. Деньги, пистолет, комплект чистого белья, бутылка воды. Всё остальное не нужно. Или он купит это за деньги, или помогут свои. Вертолёт с Кречета уже летел в Террану забирать главного казначея.

В отличие от Астры, он дорожил своей жизнью превыше всего. Один из полицейских информаторов сообщил, что готовится его арест. И хотя он жил абсолютно легально, с чистой репутацией, отсидеться на Кречете сейчас будет хорошей затеей. А ехать на поезде – нет уж, увольте. Его там возьмут, он даже не пикнет. Пусть везут вертолёт, он в Кречете на экстренный случай, и сейчас такой случай.

Ринг защёлкнул замочки чемодана, накинул плащ и вышел на улицу. Чёрт, как под ложечкой-то сосёт. Наверное, похожие чувства испытывал Муравей. Только он его ошибок не допустит.

Ури кружил по улицам примерно час, проверяя, есть ли хвост. Был. Хвост был. Проклятье! Как давно он не испытывал этого поганого чувства. Это был даже не страх, это какая-то тягучая неопределённость. Может, он себе всё выдумывает, и никому скромный бухгалтер одной из фабрик Энгельберта Томили и не нужен?

Нет. Самообман – это глупо. Вон же высокий молодой человек в бежевой куртке. Девушка в кепке притворяется, что ест мороженое, а сама сказала пару слов в рацию под шарфиком. На улице не так уж холодно, а она в шарфике, вон пот на лбу выступил. Затем, наверное, мороженое и купила, чтобы остыть немного. Увидела его взгляд, отвернулась. Молодой человек поравнялся и даже обогнал. А вы думали, что следить можно, только если идёшь за объектом? Отнюдь, слежка спереди – отличный приём, если ты не один, конечно.

Агенты, которые его вели, менялись постоянно, но почти в каждом Ури опытным глазом видел лёгкие нестыковки, выдававшие их с головой. Либо лица у тех людей были такими, что на них как будто было написано: «Я агент Комитета Метрополии!». Кстати, это именно Комитет, не полиция, уж больно грамотно работают. Ещё хуже.

Ринг покружил ещё с полчаса, а потом быстрым шагом направился в промзону. Там, на один из пустырей, должен был сесть вызванный вертолёт. Будем надеяться, что Комитет заинтересует, куда он пошёл, и они не задержат его раньше. А как прилетит вертолёт... Эффект неожиданности, летать его преследователи не умеют, а пока прибудет их транспорт, он уже успеет скрыться. Во всяком случае, хочется надеяться.

Ещё никогда план Ринга так не трещал по швам. Но в последнюю неделю события приобрели просто бешеный темп и он не всегда успевал ко всему подготовиться. Вот и внезапный арест. Кто бы знал ещё вчера... Хотя расслабился, расслабился, что тут говорить. Да и не молодеет он.

Но Ринг даже не подозревал, что случится дальше. Когда он проходил по границе жилой зоны, из-за угла здания показалась... Да быть не может! Астра Нова собственной персоной. Идёт и болтает с полицейским в форме!

Вот тут Ринг остановился и сморгнул. В голове пронеслась тысяча мыслей, и в каждой из них было слово «предательство». Он глубоко вздохнул. Нет. Всё не так, как кажется на первый взгляд. И даже на второй. Астра и полицейский идут в сторону вокзала. Скорее всего, тоже решили ехать на Кречет, хотя там пересидеть очередную бучу. Зачем вообще с Призмы уезжали, непонятно. Хотя нет, понятно, кому ж нравится с Янтарными Людьями-то жить.

Значит, они едут на Кречет. Зачем Астра взяла полицейского? Вряд ли чтобы сдать местоположение базы. Скорее, это тот самый их таинственный друг, Крис Когель. Астру можно обвинять во многих вещах, но в людях она хорошо разбирается. Раз везёт его туда, значит, доверяет. Можно рискнуть, тонуть так всем вместе.

Он приветливо улыбнулся и спокойно направился навстречу. Нова тоже его заметила, её глаза даже округлились от удивления. Они подошли друг к другу, главный казначей Повстанцев, их формальный лидер и лейтенант полиции. Ну и трио!

– Добрый вечер, Астра. А вы на поезд?

– Д-да, – только и смогла выдавить изумлённая девушка.

– У меня есть другое предложение. Из Кречета сюда уже летит вертолёт, наверное, на нём будет быстрее.

– Какой вертолёт? Ринг, вы вызвали вертолёт? Вы с ума сошли!

Ринг вклинился между Астрой и Крисом, взяв обоих под локоть, и вполголоса сказал:

– Не так громко. За мной следят. За вами теперь тоже, тем более внешность у вас, мисс Нова, более чем приметная. Предлагаю обсудить морально-этическую сторону позже. Вертолёт сядет на нашем пустыре в промзоне. Вот туда и предлагаю отправиться. Вас уже всё равно так просто не отпустят, в лучшем случае до поезда дойдёте. А вот пока мы вместе, за нами будут следить до конца, думаю, Комитет не ждал такого поворота и руки заламывать прямо сейчас нам не будут.

Астра открыла было рот, чтобы что-то сказать, но Крис опередил её. Он ловко освободился от объятий Ринга и тем не менее поддержал его:

– Астра, пойдём. На поезде мы уже точно не уедем, наш скользкий друг только что организовал знатную подставу.

– Я? – искренне удивился Ринг.

– Вы, – грубо ответил Крис. – Не могли мимо пройти? Сейчас даже самый тупой комитетчик смекнул, что рядом с вами Астра Нова. И моя форма их более чем заинтересовала, ещё минуту назад у вас был осведомлённый друг в полиции, а теперь мне закрыта дорога на работу. Поздравляю, Ринг. Садимся в вертолёт, разборки позже. Но в вашем движении, помимо мисс Новы, я не вижу ни одной светлой головы.

Ринг был немного сконфужен этими короткими, но ёмкими обвинениями. Как ни крути, Когель разложил всё по полочкам правильно, о последствиях того, что он с ними заговорил, Ури как-то не подумал. Ладно, теперь главное – добраться до Кречета. В конце концов, какое дело казначею до провала лейтенанта? Переживут.

ГЛАВА 28. ТОТ, КТО ВАС ЗАЩИЩАЕТ.

Ирвин почему-то так и понял, что звонок не предвещает ничего хорошего. Звонили из Комитета Метрополии. Сами. На рабочий спикерфон. По открытой линии.

– Лейтенант, где вы сейчас находитесь?

– В штабе полиции, а что?

– Бросайте всё и ежайте в промзону, маячок с координатами вам вышлют на спикерфон.

– Я так понимаю, мне нужно быть в полном снаряжении?

– На ваше усмотрение, но оружие возьмите обязательно.

– Да что случилось-то?

– В ходе наблюдения за одним из подозреваемых наши агенты наткнулись на Астру Нову. С ней офицер полиции в форме, сейчас все втроём они направляются в промзону. Дешанеля не могут найти, а у нас стоит пометка, что в подобных случаях необходимо привлекать вас.

Ирвин похолодел. Офицер? В форме? С Астрой? Ничего хорошего такой расклад не предвещал.

– Наверное, Дешанель по умолчанию поставил меня в согласователи по «свой-чужой». Но я вас понял, сейчас буду!

Что делать? Звонить Мистери? Попробовать найти Дешанеля? Ирвин на секунду задумался, потом решительно тряхнул головой и кинулся к лифту. Надо успеть переодеться, и быстрее в промзону. А там разберёмся что и кто. До Дешанеля он попробует достучаться в дороге.

***

Высокий худощавый мужчина, крошечная девушка и крепкий офицер полиции в форме быстрыми шагами шли по промзоне. Астра едва поспевала за своими длинноногими спутниками, так что оглядываться по сторонам у неё особо времени не было. Но даже по окружающему воздуху ощущалось, что промзона Терраны чище городского бора Рекуренты. Да и что такое здесь промзона? Пара пищевых комбинатов, склады и маленькие производства, делают то, что дорого возить издалека. Не сравнится ни с одним заводом старой столицы. Увидит ли она Террану ещё когда-нибудь? Ответ напрашивался сам собой.

Такого провала не было ещё никогда. За ними по пятам шли агенты Комитета. Уж наверняка их давно сфотографировали, да и вообще списали все возможные приметы. Прощай, анонимность, прощай, возможность ходить по городам и посёлкам. Когель прав, Ринг подставил их по своей глупости, теперь обратного пути назад нет. Что же будет...

На вертолёт девушка особо не надеялась, его слишком легко отследить по следу от сгоревшего топлива. Чтобы он рассеялся, нужен минимум час, а Комитет успеет за это время организовать воздушную погоню. Получается, что они просто сдадут Кречет. А такого допускать было никак нельзя!

Астра немного замедлила шаг и потянула за рукав Ринга:

– Мы не можем лететь в Кречет, – сказала она негромко. – Нас выследят, и всем конец.

– Мы не полетим в Кречет сразу. Эвакуация вертолётном проходит в два этапа. В пустыне, на заданной точке, нас ждёт машина. Комитет сможет отследить только вертолёт, вот его придётся бросить.

– А если нас перехватят раньше?

Ринг резко остановился и посмотрел на неё сверху вниз:

– А если мы останемся тут, то шансов у Кречета не останется вообще. Я пыток Комитета не выдержу и заложу всех, вам ясно, мисс Нова?

Крис, до этого угрюмо молчавший, вдруг предложил:

– Так давай пристрелим тебя сейчас? Я скажу, что обнаружил девушку, похожую по приметам на Астру, задержал для установления личности, но к нам прицепился какой-то мужик. Пришлось его убить, – тут он сделал неопределённый жест рукой, – в рамках необходимой обороны, конечно же.

На лице Ринга промелькнул страх.

– Вы этого не сделаете! Никто вам не поверит, что преступник под наблюдением просто так подошёл на улице к вашей парочке.

– И то верно, – Когель как-то неожиданно скис и пошёл дальше молча. Украдкой он посмотрел на девушку в шарфике, которая ела уже второе мороженое. Астра даже рот разинула от такого демарша лейтенанта. То есть вот так? Дружно идём сдавать Кречет. Она остановилась как вкопанная и сложила руки на груди:

– В таком случае я никуда не пойду!

– Ну не ходи. Оставим тебя здесь, полетим вдвоём, правда, лейтенант? Вам нужно надёжное укрытие, а нам грамотные люди. Спрячем вас на Кречете, принесёте столько пользы, сколько сможете. Мисс Нова пойдёт в расход.

Когель тоже остановился. На его лице читался сумбур:

– Ну что вы как маленькие дети? Один угрожает, вторая упрямится. Я сам не ожидал, что всё так повернётся, но чего уж теперь. Астра, твой нежелательный друг прав, нам нужно хотя бы попытаться улететь. Если мы и правда летим не напрямую, шанс ускользнуть есть. Грамотную стратегию тут, на бегу, за пять минут, мы не составим, попадаться тоже нельзя. Значит, летим. Без вариантов.

Крис снова посмотрел на девушку в шарфике. Нова проследила за его взглядом:

– Что ты неё так пялишься?

– Я – ничего. А вот она на меня пялится без зазрения. Наша слежка уже почти не скрывается от нас. И это очень плохо, это значит, что нужно спешить.

***

В указанной точке Ирвина ждал неказистый чёрный фургон, однако лейтенант сразу признал в нём машину спецназа Комитета. Ох и заварушка готовится!

Он оставил свою приметную машину с полицейской раскраской и мигалками в двух кварталах и оставшуюся часть прошёл пешком. Хотя маскировка была весьма слабенькая: он был в полицейской штурмовой форме с винтовкой в руках. Но и Комитетчики были не дураки вызывать его прямо на то место, где готовилась операция.

В фургоне его уже ждали около десятка бойцов. Старший протянул ему руку и представился:

– Капитан Гротер, штурмовая группа Комитета Метрополии.

– Лейтенант Интерфер, руд... эээ... Ну полиция, в общем, – Ирвин решил не называть своё подразделение, чтобы избежать лишних вопросов.

– Лейтенант, вас пригласили для наблюдения за операцией по задержанию особо опасного преступника. С ним рядом находится полицейский офицер, так что по регламенту мы должны известить вас. Вы не проводите никакой спецоперации? Может, мы видим не то, что кажется?

Ирвин вздохнул:

– Покажите мне, что там вообще происходит, для начала, а то я что-то плохо понимаю ситуацию...

***

– Здесь, – Ринг остановился посреди огромного пустыря.

На этом месте когда-то планировалась стройка, расчистили территорию, выровняли поверхность, даже забили часть свай. Но что-то не задалось, и начатое бросили. В Рекуренте такая площадка быстро превратилась бы в городскую свалку, но в Терране с мусором было строго. Потому пустырь остался пустырём, ровным, отсыпанным щебнем и никому не нужным. Повстанцы давно приметили такое удобное место для посадки вертолёт, именно отсюда планировалась эвакуация в самом критичном случае.

Однако вертолёт не видно.

Крис огляделся по сторонам. Явной слежки не было, да оно и неудивительно. Пространство вокруг просматривалось хорошо, случайных людей тут не ошивалось, а спрятаться можно разве что за сваями, но и то только ребёнку удастся такое проверить: уж больно тонкими были бетонные столбы. Лейтенант мрачно сказал:

– Ринг, удачное место вы выбрали. Они не хотят к нам приближаться, но как только появится вертолёт, у нас почти не будет времени: они начнут задержание. Так что соберитесь и не копаться.

Ринг кивнул. Что и говорить, если им удастся добраться до Кречета, лейтенант будет более чем полезен.

...Минут через пять тревожного ожидания вдаль послышался гул воздушной машины. Вся троица завертелась на месте, пытаясь определить направление, откуда прилетят их спасатели. Однако звук двигателей слышали не только они.

– Смотрите! – крикнула Астра.

Как и предсказывал Когель, из-за свай как по волшебству возник чёрный фургон, который быстро приближался к ним. С противоположной стороны на пустырь заезжала ещё одна похожая машина. Лейтенант не ошибся: наблюдали за ними издали, но были наготове.

– Они всё поняли, – спокойно резюмировал Крис и достал из кобуры пистолет. – Махайте вашим друзьям, чтобы забирали вас как можно скорее, я попробую их задержать.

Астра изумлённо посмотрела на Криса:

– Нет, ты летишь с нами, мы...

– Астра! Чтобы вам удалось спастись, нужно выиграть ещё буквально пять минут, и я вам их выиграю. А меня они не убьют, побоятся формы и нарушения «свой-чужой».

– Но...

– Нет никаких «но». Ты – символ Сопrotивления, тебя не должны схватить. А меня, может, ещё вытащит со своими друзьями. Прощай!

Тут Крис наклонился и быстро поцеловал девушку в губы. От неожиданности Астра даже не успела ответить на поцелуй. Она пыталась ещё что-то возразить, но Когель безапелляционно приказал:

– Ринг, заткните ей уже рот и увозите, – и спокойно направился в сторону одного из приближающихся фургонов. Нова хотела его задержать, но казначей крепко ухватил её за руку. Вертолёт уже завис над ними, пилот выбирал место, куда сесть.

Колёса фургонов пробуксовывали в мелком щебне, да и, судя по тому, как просели машины, они не были рассчитаны на перевозку такого груза, какой сейчас оказался в них. Крис посмотрел сначала на тот, что приближался из-за свай, потом на противоположный, но решил всё же начать с первого: он был ближе.

Широко расставив ноги, он взял «Стерк» двумя руками и прицелился. С третьего выстрела ему удалось попасть в переднее колесо: оно с глухим шлепком лопнуло, и фургон повело вправо. Водитель решил не рисковать и развернул машину поперёк. Судя по тому, как она начала раскачиваться, спецназовцы выпрыгивали с другой стороны и укрывались за цельнометаллическим кузовом.

Лейтенант посмотрел в другую сторону: вторая машина проделала тот же манёвр. Чтобы убедить их, что это не напрасно, Когель также отправил в их сторону несколько пуль. Понятно, что ему одному не справиться с таким числом комитетчиков, но вот попробовать их задержать...

Вертолёт уже сел на щебень, когда над пустырём раздался усиленный мегафоном крик:

– Крис, ты что творишь? Бросай пистолет, это я, Ирвин!

Когель вздрогнул и закрутил головой, пытаясь понять, за какой из двух машин спрятался его напарник.

– Лейтенант Когель, это Комитет Метрополии. Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь, – к Ирвину присоединился ещё один человек, только с другой стороны.

Дверь вертолѐта открылась, и оттуда показался мужчина в чёрной куртке. Он махал Астре и Рингу. Девушка попыталась вырвать свою руку из руки казначея, но тот удержал её и потащил в вертолѐт:

– Идѐм! Они его не убьют, лейтенант прав. А мы успеем улететь!

Буквально силком он запихнул девушку в проѐм и залез сам. Дверь захлопнулась. Вертолѐт качнулся и оторвался от земли.

Нова всё же вырвалась из рук Ринга и кинулась к иллюминатору. Крис стоял посередине пустыря, сжимая пистолет, и периодически стрелял то в одну, то в другую сторону, не давая спецназу, укrywшемуся за фургонами, высунуться. Сколько патронов в «Стерке»? Астри точно знала, что двадцать один. Выстрелы Когеля она стала считать с самого начала, давняя привычка. И по всему выходило, что осталось совсем недолго.

Вертолѐт поднялся уже метров на десять, когда после очередного нажатия на курок она не услышала выстрела. И в тот же момент спецназовцы выбежали из-за своего укрытия. Девушка обратила внимания, что один явно отличался от всех обмундированием и более тяжѐлой винтовкой – такую обычно использует полиция, а не Комитет. А дальше...

Астри не смогла сдержать крика. Комитетчики даже не стали пытаться задержать Криса, просто первый спецназовец, особо не целясь, выпустил очередь ему в корпус. Лейтенант поперхнулся и согнулся, выронив уже не нужный пистолет. Девушка отлично видела, как он закашлялся и у него изо рта потекла кровь.

Когель смог устоять на ногах ещё несколько секунд, после чего завалился набок и больше не шевелился.

Тот из нападавших, что был с полицейской винтовкой, подбежал к нему, схватил за плечо и перевернул на спину. Затем посмотрел вслед улетающему вертолѐту, встал на одно колено и прицелился из винтовки.

– Нас сбить пытаются, штурмовой винтовкой, – весело сказал человек в чёрной куртке, который махал им при посадке. – Видимо, ракет с собой не прихватили.

– У него подствольная ракетница, идиот! – крикнул Ринг, который тоже наблюдал за событиями на земле.

Он был прав: штурмовик нажала на спуск, и вместо обычного выстрела чуть ниже дула полыхнул синий огонь. Вслед вертолѐту устремился теплонаводящийся снаряд.

– Обманку! – что есть силы закричал человек в чёрном.

Пилот нажал на какую-то кнопку, и от вертолѐта отделился полыхающий шар, который полетел в другую сторону. Это была обманка – специальная ракета с температурой выше, чем у их воздушного судна. Сработало! Снаряд полицейского изменил траекторию и устремился за обманкой. Спустя секунду слева иллюминаторы осветило огненное зарево и вертолѐт качнуло взрывной волной. Больше противовоздушных средств у их противников не оказалось, так что толпа людей в штурмовой форме лишь беспомощно смотрела им вслед. Надолго ли? Можно не сомневаться, что по тревоге уже поднимали всю авиацию Комитета.

ГЛАВА 29. ТА, КТО РЯДОМ С ТОБОЙ.

Бармен Колин Мейл спокойно посмотрел на своего единственного посетителя и спросил:

– Ещё виски, здоровяк?

Молодой человек, который сидел напротив него за стойкой, уже был в подпитии, но пока хорошо себя контролировал. Он задумчиво посмотрел на бармена, затем кивнул и подвинул свой опустевший стакан.

Колин убрал его, достал чистый и плеснул туда из бутылки. Не то чтобы он любил задушевные беседы, но за годы работы он научился распознавать людей с первого взгляда. Молодой человек явно служил в полиции, вон какой здоровый, выправка строевая, взгляд цепкий. Служба накладывала на людей какую-то невидимую печать, которая легко читалась при определённой сноровке. В общем, Колину стало любопытно, что забыл в его баре полицейский в четыре часа дня.

— У вас что-то случилось?

— Что? — молодой человек задумчиво посмотрел на Мейла. — Почему вы так решили?

— Сотрудникам полиции нельзя пить в рабочее время, разве что вы на выходном.

Собеседник даже не удивился, что место его работы так легко раскрыто:

— Вы правы. Но я уже выходной. Не хочу пить дома и хочу подумать. А у вас тихо и хорошо. И наливают. Меня Ирвин зовут.

С этими словами Интерфер (а это был именно он) протянул руку бармену.

— Колин, — Мейл пожал её.

— Просто... Знаете, Колин, всё, что нас окружает, — это просто жизнь. В ней происходит всякое, если обо всём думать, голова взорвётся. Но иногда случаются такие события... Наверное, их просто нужно уложить в голове, привыкнуть к ним, — Ирвин залпом выпил виски и поморщился.

— Расскажите, что случилось у вас?

Интерфер пожал плечами и посмотрел в пустой стакан. Затем ответил:

— У меня убили напарника. Сегодня, несколько часов назад.

Колин приподнял бровь. Вся Шарра ещё гудела по поводу взрыва на проходной Комитета, а тут убийство полицейского. Нет, стражей правопорядка, конечно, убивали, и случалось такое регулярно. Но каждый раз это было ЧП, после которого полиция могла поставить Террану на уши.

— Как это произошло? При задержании?

Ирвин вздохнул ещё глубже и продолжил смотреть на дно своего стакана:

— Да, при задержании. Всех подробностей я, к сожалению, рассказать не могу. Сам ещё не знаю, что в этой истории можно будет рассказывать, а что нет...

— Конечно же, я понимаю. Ещё виски?

Интерфер поставил стакан на стойку и полез за кошельком. Проверил его содержимое и грустно покачал головой:

— Боюсь, все деньги, какие я брал с собой, уже у вас в кассе.

Колин улыбнулся, достал чистый стакан и плеснул туда двойную дозу:

— За счёт заведения. Мы всегда рады помочь полиции.

Интересно, насколько приторно такое прозвучало? Сопротивлению Колин помогал уже несколько лет, выполняя функции информатора. В его бар приходили разные люди, а выпивка сильно развязывает язык. В основном он сообщал повстанцам, какие настроения царят сейчас в столице и что обсуждают люди между собой. Но иногда попадались крупницы ценнейшей информации. Вот и сейчас, если малость развязать язык этому полицейскому, глядишь, чего и узнает.

— Спасибо, — Ирвин пододвинул к себе стакан. Вдруг чья-то рука положила на стойку деньги:

– Зачем же пить бесплатно, лейтенант, если есть друзья, которые всегда вас угостят?

Ирвин удивлённо посмотрел на сказавшего это. Загадка, как Флёр Дешанель сумел так тихо подойти к нему. Впрочем, сказывается действие виски.

Полковник положил ещё одну купюру на стойку:

– Приготовьте нам что-нибудь перекусить и принесите мне пива. Мы с лейтенантом, пожалуй, посекретничаем.

Колин пожал плечами и открыл небольшой холодильник под стойкой, соображая, чем бы таким угостить своих посетителей. Сердце его бешено колотилось. Сам Флёр Дешанель пожаловал в гости! Вряд ли по его, Мэйла, душу, больно высокого полёта птица. Скорее, случилось что-то из ряда вон, и нужен ему именно лейтенант. Только вот что, Колин знать не хотел. Подслушивать разговор Дешанеля – это себе дороже, глазом не успеет моргнуть, как окажется в застенках Комитета.

Полковник увёл Ирвина на дальний столик и усадил на мягкий диван. Сам сел напротив:

– И много вы успели выпить, лейтенант?

– Ну так... Более-менее ещё соображаю. Как вы меня нашли?

– Это абсолютно не важно. Я знаю, что после сегодняшнего инцидента было бы правильно дать вам передохнуть, как и поступил ваш начальник. Но я обязан вам кое о чём рассказать, есть новая информация. И вам важно это знать в свете... ммм... происшествия, скажем так, происшествия с лейтенантом Когелем.

– Происшествие? – Ирвин задумчиво посмотрел на Дешанеля. – Ну... Когель мёртв, пусть будет происшествие. Кстати, Нову и её спутника задержали?

– Нет. Мы предполагали, куда они могут полететь, но в конечной точке их не оказалось. Наш промах. Либо они развернулись в полёте, либо изначально направлялись в другое место. Как бы то ни было, сейчас никто не знает, где они.

– А след от вертолёта?

– Вертолёт даже не покидал Террану, он просто перелетел на другой конец города, где его и бросили.

Ирвин нахмурился:

– Бред какой-то. Заваривать такую кашу, чтобы переместиться в другой конец города?

– Без комментариев, лейтенант, я сам этого ещё не понял. Но в данной ситуации это и не важно, найдутся рано или поздно. Сейчас я хотел бы поговорить с вами совсем о другом человеке. Её зовут Крыса.

– Крыса? – удивился Ирвин. – Странное имя.

– Это не имя, это прозвище, но правда странное, тут согласен. Нужно иметь невысокую самооценку, чтобы зваться Крысой. Но гордиться этой девушке особо нечем. Она – один из тех людей, которых повстанцы предпочитают не афишировать. Её задача – втираться в доверие к нужным людям и выведывать необходимую информацию. Или создавать на них компромат, тут смотря какая цель.

– Создавать? Вы хотели сказать собирать?

– Нет, лейтенант, именно что создавать. У меня есть коллекция порнороликов, там в главных ролях Крыса и разные политики из колоний и Метрополии. Все – сплошь оплоты моральных ценностей. Забавнейшие видео, которые либо уже поставили крест на карьере своих участников, либо могут поставить.

Сам по себе факт секса вне их семей уже компрометирует по самое некуда. Но Крыса прямо художник в своём деле, фантазии и терпения ей не занимать. Она умудряется раскрыть самые

потаённые человеческие желания, зачастую весьма гадкие и неприглядные. И реализует их. К примеру, директор объединённого департамента колониальных детских приютов. Чиновник из Метрополии, заведует содержанием и воспитанием всех сирот в колониях. Меценат, крайне влиятельная личность, светлый образ, семейный человек. Оказывается, в чёрных мыслях роились фантазии по различным изощрённым, весьма болезненным наказаниям своих воспитанниц. Крыса эти желания реализовала, на время надев форму сироты и терпеливо вынося все уготованные испытания. А теперь представьте, что будет, если такая запись окажется достоянием общественности. Долго ли этот человек ещё будет занимать своё кресло?

– Нда, вы правы, этому мужчине сильно достанется.

– Мужчина? – Флёр приподнял бровь. – А разве детскими приютами у нас заведует мужчина? Ирвин изумлённо посмотрел на комитетчика:

– Женщина?

– Клеменс Кантри. Можете потом почитать её биографию ради интереса. Ни одного тёмного пятна. В общем, Крыса – это такая секс-террорист с фантазией и без особых моральных принципов, во всяком случае в постели. И самое интересное, что она идейная. Она делает это не за деньги. Ой, как бы я хотел её допросить и послушать её идеи. Может, и доведётся когда.

– Это всё очень интересно, полковник, но я пока не понимаю, зачем мне такое рассказывать. Шантаж и шпионаж через постель – это не ново. Для многих повстанцев все средства хороши.

– Согласен. По моим подсчётам, Крысе сейчас должно быть двадцать пять-тридцать лет. Два года назад она пропала из поля нашего зрения. Ходили разные слухи, все они сводились примерно к одному. Что нет её больше на свете, добрался до неё кто-то из влиятельных жертв, или замучили во время какой-нибудь особенной оргии, а может, и то и другое.

– Закономерный финал. Но я всё же не понимаю, зачем мне знать её биографию.

Бармен принёс заказанное Дешанелем пиво, поднос с жареным мясом и блюдо с овощной нарезкой. Пока всё это расставлялось, полковник молчал. Потом открыл банку и отпил оттуда маленький глоток. Когда Колин вернулся за стойку, Флёр продолжил:

– После допроса Янтарных Людей, которых мы так удачно накрыли, у меня начала складываться картина... ммм... картина человека. Несколько задержанных видели этого человека в разных местах в разные моменты времени. Она появилась на одной из баз повстанцев, была в Терране, крутилась рядом с Рингом. И очень-очень по приметам и описаниям похожа на Крысу. Более того, одному из наших мясников удалось случайно услышать, как она говорила Рингу, что всё идёт как по маслу и с нужным объектом они уже переспали. И объект от неё без ума.

Дешанель поставил банку с пивом на стол и сложил руки в замок. Замолчал.

Ирвин сморгнул. Он вдруг понял, куда ведёт разговор полковник:

– Альбина? Подождите, вы хотите сказать, что объект – это я?

Флёр пожал плечами:

– Я не хочу сказать ничего, я просто проверяю версии. Случайные совпадения бывают, бывают очень приятные случайные совпадения. Но они так редки, лейтенант... А вот подстроить с вами нежданное знакомство, очаровать вас, разговорить... Это Крыса умеет. Как вы познакомились, кстати?

Интерфер отмахнулся рукой от его вопроса. В голове стоял туман от виски, но он упрямо искал аргументы:

– Ничего такого из ряда вон мы не делали, обычный секс... Да, один раз у неё, я даже могу допустить, что где-то велась скрытая съёмка. И что? Я одинокий свободный молодой человек без

особых политических амбиций. Я думаю, мне ещё похлопают, если что-то подобное опубликуют. Зачем я Крысе, и, если Альбина – Крыса, где же высвобождение моих потаённых желаний?

– Лейтенант, не воспринимайте мою версию в штыки, я могу ошибаться. Крыса хороша не только в постели, она в принципе даёт людям то, чего им не хватает. Возможно, в вашем случае это был совсем не запредельный секс, а простое человеческое внимание. Полежать у вас на плече, послушать полицейские байки, дать ощущение нужности.

Ирвин молчал. Дешанель взял с диванчика небольшую кожаную папку:

– В любом случае есть простой способ узнать всё точно. У меня есть фото Крысы, правда двухлетней давности, но вряд ли она сильно изменилась. Я хочу, чтобы вы посмотрели эти фото и сказали мне, ваша ли это Альбина или нет.

Интерфер кивнул и одним глотком допил двойную дозу виски, купленную полковником. Потом прикрыл глаза, протянул руку и почти на ощупь взял фотографию. Открыл глаза... И облегчённо вздохнул. С фотографии на него смотрела абсолютно незнакомая девушка.

ГЛАВА 30. СОЮЗНИКИ.

Астра начала потихоньку приходить в себя. В голове ужасно шумело, и пока не удавалось сфокусироваться ни на одном предмете. Металлический привкус во рту. И онемевшие руки и ноги, очевидно, она уже долго лежит без движения.

Девушка осторожно начала шевелиться, чтобы размять затёкшие конечности. А заодно восстанавливать хронологию недавних событий. В голове вновь всплывали картины прогулки бегом до вокзала, Ринг, слезка, приближающийся вертолёт, смерть Когеля. Но самое главное началось позже. Когда девушка лежала на полу вертолёта и тихонько всхлипывала, пытаясь уложить в голове – Крыса только что убили прямо у неё на глазах. Конечно, была надежда, что он останется жив, но... Когда в человека выпускают столько пуль, у него почти нет шансов. Надо смотреть правде в глаза. Ринг тем временем перебрался на второй ряд кресел и занял свободное место. Человек в чёрной куртке устроился рядом с ним, и они что-то вполголоса обсуждали. Астра не вслушивалась. К реальности она вернулась лишь тогда, когда вертолёт неожиданно пошёл на посадку, хотя они летели не дольше пятнадцати минут. Девушка приподнялась на локте и крикнула Рингу:

– Мы снижаемся?

– Да, садимся! Лететь в Кречет слишком опасно, нас догонят. Укроемся в Терране, там нас искать не будут.

Астра окончательно села на полу. Она вдруг вспомнила эвакуационный вертолёт Кречета. Та развалюха даже отдалённо не напоминала сверкающий коптер, который забрал их четверть часа назад. Тем более, там не было военных примочек вроде той обманки, которой они смогли отвести ракету. Что-то здесь было нечисто.

– Ринг, а где мы укроемся в Терране? У нашего общего друга?

– Почти, – весело ответил Ринг. После общения с женщиной в чёрной куртке настроение у него заметно поднялось. – Нам, скажем так, выделяют убежище. Не бойся, новости более чем хорошие. Смотри!

Он показал ей на вытянутой руке какой-то платок. Астра не совсем поняла, что это, потому поднялась с пола и на негнущихся ногах подошла к казначею. А дальше – туман. Хотя нет, она ещё успела запомнить, как Ринг прижал ей этот платок к носу.

Итак, её зачем-то усыпили чем-то, от чего сейчас просто раскалывается голова. Зачем?

Девушка ещё несколько минут разминала затёкшие руки и ноги, после чего смогла окончательно встать. Она находилась в какой-то тёмной комнате. В ней было одно небольшое окно, закрытое решёткой и куском ткани с внешней стороны. Внешние шторы — это что-то необычное. Вряд ли дизайнерский изыск. Из мебели в комнате был лишь старый топчан да небольшой столик. Напротив окна и слева от него — две двери. За той, что слева, оказалась крошечная душевая и туалет без окон, с глухими стенами. Другая явно была выходом отсюда. Астра подошла ко второй двери и подёргала. Естественно, заперто. Да что за чёрт? Зачем Ринг похитил её и запер в каком-то непонятном месте? Сейчас разберёмся.

Что есть силы девушка принялась кричать и колотить в дверь. Долго ждать не пришлось, и буквально через минуту она услышала, как в замке поворачивается ключ. Её темница открылась, и в проёме появился тот самый человек в чёрной куртке из вертолёта. В его руках был стул. Как только он вошёл, дверь за ним сразу закрылась. Человек поставил стул к стенке и присел на него.

— Что здесь происходит? — спросила Астра, правда уже тише, чем она кричала минуту назад.

— По-моему, всё элементарно, мисс Нова, вы наша пленница. Ринга сейчас нет, он вынужден был отъехать по делам, но я готов ответить на любые ваши вопросы.

Астра даже потеряла дар речи от такой прямоты. Потом всё же взяла себя в руки и задала следующий вопрос:

— Кто вы такие и чья я пленница?

— Кто я, не важно. Чтобы вы могли как-то ко мне обращаться, мне можно придумать имя.

Пусть я буду Карлом, мне всегда нравилось это имя. А мы — это Янтарные Люди, очевидно же. После всех событий нас в Терране не так уж много, но мы есть.

— Хм. То есть я пленница Янтарных Людей? Мне казалось, что мы какие-никакие, но союзники.

Человек, попросивший звать его Карлом, улыбнулся:

— Смотря кто и с кем. Янтарные Люди с Соппротивлением -несомненные союзники. Скоро в этом убедятся все. Но вот лично вам пора сыграть свою роль в нашем спектакле. И она крайне незавидна. Мне вас немного жаль, потому я сегодня лишь расскажу общую идею, непосредственно к реализации мы приступим завтра.

Астре решительно это всё не нравилось, но она попыталась сохранить внешнее спокойствие:

— И в чём же план?

— План в том, что пора начинать действовать. Мы давно ждали искры, вспышки, если хотите. Конечно, могли спровоцировать её сами, но это было бы слишком явно. А тут ваш Муравей очень удачно уничтожил себя, забрав на тот свет несколько десятков Комитетчиков. И пошла волна. Они начали убивать нас, пора подниматься. Теперь мы должны начать убивать их.

Астра ничего толком не поняла:

— Кого «их»? Комитет?

— Полицию, Комитет, армию Метрополии, когда это понадобится. Пора начинать войну, готовить мятеж. Более успешный, нежели восемь лет назад.

— Мятеж, но... Подождите! Нет, в целом мы шли к этому давно, но не сейчас, не когда мы так ослабли! Фабрики нет, много ваших погибло при недавнем штурме, хороших информаторов в полиции у нас теперь тоже нет!

Мужчина приподнял бровь:

— Вы думаете, это помешает, если взбунтуется половина колонии?

– Она не взбунтуется, бросьте! Все прекрасно помнят, как легко подавили предыдущие выступления, да и недовольных сейчас меньше.

– Мисс Нова, а представьте себе ситуацию. Полиция и Комитет свирепствуют и уничтожают всё больше повстанцев. Они пытаются выглядеть благообразными представителями правопорядка, только весь их внешний лоск будет сбит, когда найдут обезображенное, подвергавшееся многочисленным пыткам и изнасилованиям тело лидера Сопrotивления Астры Новы. Якобы она сбежала от Комитета во время очередной их попытки вас задержать. Но после того, как вас найдут в столь неприглядном виде, все поймут, какая это ложь. Все поймут, как Комитет жестоко с вами обошёлся из мести за своих. Достанется и полиции. Вас любят в колонии. Ну а там одно, второе, третье. Восемь лет назад у вас не было помощи Янтарных Людей, сейчас мы с вами. И мы знаем, как подогреть недовольство народа.

Астра похолодела. То есть теперь ради революции, ради вспышки её убьют, да ещё будут пытаться и насиловать. Что-то безрадостная перспектива...

– Меня будут искать мои друзья!

– Не будут. Ринг как раз полетел на Кречет сказать, что укрыл вас в безопасном месте. Ему поверят. Вам не впервой отлёживаться на дне. Ну а то, что на этом дне до вас всё же добрались... Это жизнь, так бывает.

Астра вдруг почувствовала, как к горлу подступил комок. Ещё никогда она не ощущала себя такой беспомощной. Но на последний вопрос силы всё же нашла:

– Зачем Янтарным Людям независимая Шарра, что вы хотите с ней сделать?

Карл усмехнулся:

– Разве я говорил про независимость? Нет, мисс Нова, Метрополия никогда в жизни не отпустит колонию, скорее она её уничтожит. Предвосхищая ваш следующий вопрос: стирать Шарру в порошок руками Континента мы тоже не будем. Пусть наша истинная цель пока останется загадкой. Перед тем как всё для вас закончится, я объясню истинную причину, если вам ещё это будет интересно. Пока рекомендую поспать, завтра тяжёлый день. Вам будет очень больно.

ГЛАВА 31. КОЛЛЕГИ.

Перед очередной встречей с Альбиной Ирвин заметно нервничал. Хотя тогда, в баре, он не узнал девушку на фото, молодого лейтенанта всё равно грызли сомнения. Очень уж точно Дешанель описал то, что происходило в их отношениях. «Полежать на плече, послушать полицейские байки, дать ощущение нужности». С другой стороны, сам полковник признал, что раз Альбина не похожа на фото Крысы даже отдалённо, то и говорить не о чем.

В этот раз, после всех прошедших событий, Ирвину, как никогда, нужно было увидеть девушку. Но он уже сам не знал, сможет ли ей доверять, как раньше. Несмотря ни на что, червячок сомнений просто выедал изнутри. Встречу назначили на вечер среды.

Альбина была, как всегда, красива и миловидна, на этот раз в коротких голубых шортах и голубенькой же маечке: погода на Шарре что-то разгулялась. Молодые люди встретились, обменялись традиционным поцелуем в губы и медленно направились домой к Ирвину. По пути девушка весело щебетала, рассказывая очередной смешной случай на работе. Интерфер слушал отрешённо. На полпути Альбина остановилась и потянула лейтенанта за руку:

– Ирвин, на тебе лица нет. Что-то случилось?

А, была не была! В подробности не вдаваться, но общую идею рассказать!

– Альбина, случилось... Криса убили вчера...

Девушка потрясённо смотрела на него:

– Твоего напарника? Но как... И почему ты молчал? Я тут свои глупости рассказываю...

Они вновь медленно двинулись вперёд. Ирвин тяжело вздохнул:

– Самое ужасное, что убили его агенты Комитета. Он перешёл на сторону повстанцев, и...

Тут лейтенант вкратце пересказал вчерашние события. Альбина слушала не перебивая и всё время держала за руку, хотя до этого активно жестикулировала.

Рассказ окончился как раз тогда, когда они подошли к дому Ирвина. В полной тишине поднялись к нему в квартиру. Уже внутри девушка усадила его на кровать, сама села перед ним и положила голову ему на колени:

– Ирвин... Это всё, конечно, ужасно. Я тебя понимаю... У меня друзей не убивали, но я могу представить, что тебе сейчас нелегко. Тем более что твой друг оказался предателем... А это точно? Может, его просто подставили?

– Точно. Он при мне помог сбежать Астре Нове.

– Ох ты... Как ты думаешь, почему он так поступил?

– Ну... На прежнем месте службы у него была одна неприятная история, когда он проявил принципиальность и в итоге попал в разряд коррупционеров по ложному обвинению. Наш мир вообще несправедлив, я думал, что Крис воспринял ту ситуацию как урок. Но, похоже, он затаил злобу на Метрополию и решил побороться с ней, так, как мог.

Девушка запрокинула голову и задумалась. Потом спросила:

– А что там была за история?

– Да не суть важно, на самом-то деле, смысл в том, что он начал бодаться с одним чиновником, ставленником Континента. И не смог ничего сделать.

– И что теперь?

Ирвин пожал плечами:

– Не знаю. Против отдела рудной безопасности начнут расследование, меня могут на какое-то время отстранить от дел. А может, нет. Никто точно не знает, наверняка будет какая-то проверка из Метрополии. Думаю, она решит нашу судьбу.

Альбина заволновалась:

– Но они ничего тебе не сделают?

– Да я думаю, даже от дел не отстранят. По нелепой случайности я оказался в связке «свой-чужой». Это когда в любом деле против полицейского Комитет должен приглашать нашего представителя. Так же и наоборот, но дел полиции против Комитета я что-то не припомню. Так что я присутствовал на задержании Криса.

Девушка посмотрела на него огромными глазами:

– Но ведь это не ты его...

– Нет, конечно, нет. Штурмовики Комитета решили не рисковать. Может, оно и к лучшему. Если бы Крис попал в застенки к Дешанелю, ему бы пришлось плохо. А итог всё равно один.

Альбина тяжело вздохнула, поднялась на ноги и прошла по комнате. Интерфер так и остался сидеть на кровати, глядя перед собой. Девушка вновь повернулась к Ирвину и осторожно спросила:

– А как ты считаешь, он поступил правильно?

– Что? – Интерфер непонимающе посмотрел на неё.

– Ну... Я обещаю, что этот разговор останется только между нами... Я понимаю, что ты полицейский и всё такое... И всё же? Ты считаешь, что он поступил неправильно, или...

– Альбина, Крис поступил по-своему. За три года я успел его неплохо выучить: его помощь повстанцам – это такая маленькая месть Метрополии. И это было вполне в его характере. Но вот то, что он оказался в самом центре операции Комитета.. Думаю, такое для него самого стало неожиданностью. Что-то где-то пошло не так... Или его кто-то подставил... Или его что-то вынудило так поступить. Не знаю, да сейчас это уже не так и важно.

– А лично ты его осуждаешь за предательство?

Ирвин вздохнул. Потом ответил:

– Нет. Я его понимаю. Не думай, что я уж такой фанат Континента. Поверь, я понимаю, что они творят много мерзостей и много несправедливости в этом мире на их счету. Но пока они лучшее из того, что я вижу. Крис видел чёрную сторону Метрополии, я видел чёрную сторону повстанцев. И вижу, кстати. Ты знаешь, что их поддерживают Янтарные Люди?

Альбина удивилась, хотя как-то наигранно:

– Да? Нет, не знала. А им-то какая выгода с революции?

– Поди разбери. Но я бы не стал стоять с ними плечом к плечу. Уж лучше против них. Глядишь, обе почки на месте останутся, – последнюю фразу Ирвин сказал с горькой усмешкой.

Девушка кивнула. Затем спросила:

– Ты не возражаешь, если я схожу в душ? Может, после него у меня получится тебя развеселить...

Молодой человек грустно улыбнулся и сделал жест в сторону ванной.

Когда Альбина включила воду, он встал с кровати и принялся ходить по квартире. Вчерашний разговор с Дешанелем не шёл у него из головы. А тут ещё она стала задавать такие странные вопросы, что... Да нет, не может быть. И ничуть эти вопросы не странные, уточняет, как он относится к бывшему напарнику. Или...

Интерфер посмотрел на журнальный столик. На нём Альбина оставила свою сумочку, да ещё и оставила открытой. Он осторожно подошёл к ней. Нет, рыться в чужих вещах – это уж чересчур... Надо решать: или он ей доверяет, или нет. Или...

Он осторожно, не трогая руками, заглянул внутрь. Блокнотик, тушь, ключи... Ничего особенного. Только... Тут сердце лейтенанта заколотилось с бешеной скоростью. Из бокового кармашка торчал краешек какой-то обложки. Удостоверение. Приметного малахитового цвета. Ирвин не раз видел такие в своей жизни. Он осторожно протянул руку и достал его. Ну точно, малахитовая обложка, удостоверение. Открыл. Нет. Нет. Нет. Это ставило всё с ног на голову. И придавало всем событиям новый смысл. И его разговору с Дешанелем, и вопросам Альбины...

Лейтенант заглянул внутрь.

«Альбина Вайолет, оперативный агент, управление специальных операций».

Малахитовые удостоверения – визитная карточка Комитета Метрополии. В прямом и переносном смысле.

– Что ж вы за игру задумали, полковник Дешанель? – прошептал Интерфер.

ГЛАВА 32. ДОСУГ ВЛАСТНЫХ ЛЮДЕЙ.

Астра с трудом открыла глаза. Ныло всё, абсолютно всё, что было ниже живота. Задний проход, конечно, сильнее всего. Девушку передёрнуло от воспоминаний вчерашнего вечера,

когда её насиловали трое крепких бойцов Карла. Она сама не помнила, как всё началось и сколько продолжалось. Просто двое хватили её за руки, ставили на колени или в наиболее удобную позу, третий вставал сзади и...

Астра почувствовала, как по щекам снова побежали слёзы.

...И входил в неё, что уж греха таить. Карл ещё испытывал необъяснимую тягу к анальному сексу и со своих подчинённых требовал насилловать Нову именно таким способом. Какой же кошмар... Как такое могло получиться...

Девушка перевернулась на спину. В голове всплыло новое воспоминание. Один из вчерашних насильников решил запихнуть свой член ей в рот, но Карл тут же пресёк эту попытку:

– С ума сошёл! Откусит. Если и нет, то поклацает, потом сам не рад будешь.

Боец раздумал, но всё же бросил:

– Жаль, рот-то вообще хороший. И говорила красиво.

Карл тоже посмотрел на лицо девушки и улыбнулся:

– А ведь и правда! Слушай, ну нужно всё-таки попробовать, когда ещё такой шанс. Я тут одну штуку в местном магазине эротических удовольствий видел, как раз рот не даёт закрыть. Завтра куплю.

И все четверо дружно засмеялись.

Астра застонала и приложила руки к лицу. Неужто этот кошмар продолжится и сегодня? Сколько она здесь? День, два, неделю, час? И сколько мужчин успело побывать в ней за это время? Карл, трое его приспешников, до них ещё двое...

Время в плену текло как-то совсем по-другому. Надо думать, что во время изнасилований одна минута казалась ей часом, но вот сейчас... Сколько она спала? Точнее, это был не сон, скорее отключка от такого количества боли. Да какая разница? Важно другое. Её не ищут. Свои её не ищут, тут Карл прав. Значит, надо не жалеть себя, а придумывать способ выбраться.

Девушка рывком села на полу. В комнате был топчан, но, видно, вчера она до него не доползла. Проклятье, она должна, обязана отсюда сбежать!

Астра осторожно ощупала своё тело, проверяя, не сломана ли у неё какая конечность. Янтарные Люди забрали её одежду, переодели в камуфляжные шорты и тонкую маечку, после каждого сеанса истязаний выдавали комплект чистого нижнего белья. Брезговали грязным. Астра всегда старалась мыться, это помогало быстрее привести себя в чувство.

Сказать, что всё происходящее было для девушки в новинку... наверное, это значило покривить душой. Нет, с подросткового возраста ей приходилось жертвовать своим телом ради более важных целей. Взять хотя бы тот же анальный секс. Он впервые случился совсем не здесь, а куда раньше. Когда ей было тринадцать лет и её родителям никак не давали покинуть грязную Рекуренту. А мать Астры уже не могла жить в условиях диких выбросов, её здоровье было подорвано окончательно. И отец ходил, обивал пороги, но нет. Девушка хорошо помнила того огромного борова, от которого всё зависело. Как он смотрел на неё, когда они с папой ходили туда. И однажды она просто пошла одна. Зашла и сказала:

– Моим родителям нужно в Террану. Здесь мама умрёт.

Боров удивился её наглости, но ответил вполне буднично и дежурно:

– Ну а я что могу сделать? Вас таких знаешь какая очередь.

Но Астра была настроена решительно:

– Нет, мистер. Так разговор не пойдёт. Скажите, что Я должна сделать, чтобы мои родители переехали.

Он ухмыльнулся и ответил:

– Вряд ли ты это сделаешь, но раз уж разговор пошёл, то встала раком, сняла трусы и, если я услышу хоть один звук, считай, всё было напрасно.

И Астра встала. Хотя она так и не смогла сдержать крика, боров был так доволен, что после всего сказал:

– Считай, что на переезд родителям ты заработала. Есть у нас с тобой только одна проблема. Астра как раз вытирала выступившие слёзы. Спросила:

– Что не так?

– Вряд ли твоей матери поможет просто переезд. Другое дело, если её определят в стационар для инвалидов. Там у неё есть не просто шанс, там она и правда может выздороветь. Я чувствую, что мы с тобой друг друга понимаем. Я могу ей помочь с этим стационаром. Если...

Астра была настроена решительно и спросила без обиняков:

– Что мне нужно сделать?

Боров ухмыльнулся:

– Поверь, далеко не я один интересуюсь сексом с девочками твоего возраста. Но большинство боятся что-то делать, а посмотреть любят. Я хочу отправить тебя в одно место, твоим родителям мы скажем, что это будет что-то типа летнего лагеря, бонусом к переезду в Террану. Тебе там не понравится. Месяц безудержных фантазий людей похуже, чем я...

***

...В лагере Астра узнала много нового. Секс с несколькими мужчинами сразу, пытки с особой крупинкой садизма... Её мучители были весьма изобретательны... И больше всего они не любили, когда их подопечные плакали. Им нравилось, когда девочке озвучивали её кару и она спокойно принимала её как должное... Снимали на видео, фотографировали или просто. Именно там Нова поняла, как лживы политики из Метрополии, которые на публику высказывали идеи человеколюбия, а за кулисами... Именно там она и познакомилась с Крысой. Та уже тогда работала на повстанцев. Странно, хотя что странного. Именно Крыса дала Астре надежду. Всё, что ни делается, всё не зря. Этими оргиями они рыли могилу многим чиновникам из Метрополии.

Потом появился Ринг. Он вытащил её из всего того кошмара, он разглядел в ней что-то такое, чего не было в других девочках. И сделал её говорящей головой, рупором Соппротивления. Знали бы жители колоний, через что пришлось пройти Нове.

Вот и сейчас Астра не испытывала особых моральных терзаний, да и боль была знакомой. Только за много лет она от неё отвыкла. Но не боялась её. Лишь бы всё не зря, лишь бы выбраться...

ГЛАВА 33. КРЫСА.

На очередную встречу Альбина надела короткие шортики и маечку без рукавов. Ирвин предложил встретиться в парке в четверг утром и пробежаться, так что девушка планировала немного поблазнить лейтенанта откровенным видом и подтянутым спортивным телом. Формально им обоим надо было на работу после пробежки, но Ирвин отпросился на попозже, да и Альбина могла уделить ему чуть больше времени, чем планировалось.

Интерфер стоял рядом с той скамейкой около Лебединого пруда. Одет он был в спортивные чёрные штаны и футболку с надписью «Police». Но на лице читалось отчаяние.

Девушка подошла к нему с лёгкой полуулыбкой:

– Привет! Я так понимаю, что бегать мы сегодня не будем?

Ирвин вздрогнул:

– С чего ты так решила?

– Вы заманили меня в хорошую ловушку. Жаль, что я только сейчас её заметила. Вот смотри, – девушка показала лейтенанту на кусты. – Там засели минимум трое штурмовиков. И ещё там двое, – тут она показала другой рукой себе за спину.

Лейтенант молчал. Альбина вздохнула:

– Полагаю, моя попытка тебя запутать провалилась? Жаль, мы много отдали за то малахитовое удостоверение. Как вы меня раскусили? Мне просто интересно.

– Альбина. В любой клинике пластической хирургии делается фото пациента до и после операции. Дешанель догадался, что ты сменила внешность, и разослал твои фото по всем колониям. И мы нашли то место, где из Крысы сделали... тебя. Прости. Я предлагаю тебе сдаться. Я обещаю, что тебя не будут пытаться, хотя амнистии... тут сама понимаешь.

Девушка легко улыбнулась:

– Амнистии ты мне обещать не можешь, и меня казнят, скорее всего, да? Ирвин, можно мне как смертнице последнее желание?

Ирвин молчал. В передатчике, спрятанном в ухе, прозвучал голос Дешанеля:

– Пусть скажет.

– Говори.

– Я прошу только десять минут. Давай мы прогуляемся по этому парку. Потом делайте со мной, что хотите.

– Десять минут, – прозвучал голос в наушнике.

– Десять минут.

Альбина взяла его под руку, и они медленно двинулись вдоль аллеи.

– Перед смертью не надыхишься, Ирвин. Так я раньше думала. Я всей душой ненавидела всё, что относится к Метрополии. Слышите, вы, – тут она буквально прокричала ему в ухо, самообладание оставило её в один момент. Лейтенант поморщился, но не отстранился.

– Проклятые сволочи, им нужно было моё тело. Во все места, хочу я этого или нет. Я двадцать семь лет прожила с ненавистью. С девяти лет моего мнения не спрашивали, хочу я или нет. И я ненавидела Метрополию всей душой, всем сердцем. Каждого, кто имел к ней хоть какое-то отношение. Они все мрази...

Ирвин молчал. Крыса держала его под руку и спокойно, хоть и со срывами, рассказывала свою нелёгкую жизнь. Крыса... Альбина... Нет, всё-таки Крыса... А он ей ведь поверил.

– А ты мне поверил, – продолжала девушка. – Да и как иначе? Все верят. Все. Верят. Трахают, верят.

Интерфер молчал.

Вдруг Альбина остановилась и рывком развернула его к себе:

– Ирвин, мне больше нечего терять. Я знаю, ты веришь в правосудие, но меня убьют в этом парке. Мне правда больше нечего скрывать, моя жизнь кончена. Я ненавидела Метрополию всей своей душой, всей своей мелочной гадкой душонкой, – тут на глазах девушки выступили слёзы.

– Какого чёрта мне подсунули тебя?

– Что? – тут Интерфер сморгнул.

– Какого чёрта! Когда я узнала, что мне предстоит соблазнить лейтенанта полиции, да ещё из небесного гарнизона, я просто ручки потирала... Зачем ты... Такой правильный... – тут она вдруг

уткнулась Ирвину в плечо и обняла его. Лейтенант увидел, как из кустов выскочил первый штурмовик, но Дешанель скомандовал:

– Назад! Ждём, что она скажет!

Альбина некоторое время стояла, уткнувшись в Ирвина, потом оторвала голову и посмотрела ему прямо в глаза:

– Вся моя чёртова жизнь вдруг... Я посмотрела на всё это по-другому. Да как я вообще умудрилась-то... Я сражалась бок о бок с Янтарными Людьми, с повстанцами. А тогда... в парке, когда ты мне всё рассказал. Я просто почувствовала, как будто не ты, а я стою в полицейской форме, со щитом. И смотрю на ту демонстрацию. А потом готовлюсь умереть в аэропорту Терраны. И не умираю. Ирвин, я не поменяла своих взглядов, не подумай. Но я должна была убить тебя, это был один из сценариев. Ты можешь мне верить, можешь нет, но я говорю абсолютно искренне.

Тут она замолчала. Интерфер не выдержал:

– И что? Как меня собирались убить?

– Не знаю... И знать не хочу, потому что я бы этого не сделала. Проклятье, зачем мы вообще познакомились? Я всегда думала, что на стороне Метрополии сражаются одни сволочи. И что независимость – единственный путь для колоний, единственный правильный путь. Я никогда не задумывалась о последствиях...

Где ты был десять лет назад... Думаю, мы стали бы отличной парой. И я бы смотрела на этот мир иначе, это сто процентов. Долго думала над всем этим. Повстанцы и Соппротивление – это тупиковый путь, ты прав. Сделают всё только хуже, сами того не понимая. Я знаю, сейчас для меня уже ничего не поменять. Но... Пока на стороне чёртовой Метрополии сражаются такие, как ты, у колоний действительно есть шанс. Вы не дадите Континенту уничтожить всех и не дадите таким, как Томили, превратить Соппротивление в марионеток. Найдёте какой-то выход, я уверена. Не меняйся, слышишь меня, никогда не меняйся! Постарайся найти тех, кто мыслит, как ты. Тогда и правда у всех нас есть шанс как-то пережить всё это, договориться, решить всё без смертей. Я даже уверена, что если такие, как ты, прорвутся в руководство, что-то удастся придумать без смертей... Пожалуйста, только не меняйся...

Ирвин вдруг приобнял девушку, а свободной рукой вытащил наушник из уха:

– Альбина.

– Крыса.

– АЛЬБИНА. Просто сдайся. Я сделаю всё, чтобы тебя не казнили. Ты знаешь многое, я не прошу рассказать всё, просто скажи что-то важное, и я... я постараюсь, тебя не казнят. У меня уже есть вес перед Метрополией, перед Дешанелем. Мы сможем что-то придумать. Просто сдайся. Крыса очень хорошо подготовлена физически, и я знаю, что даже я могу тебя не догнать, но они, – тут лейтенант кивнул на кусты, – догонят. Просто дай руки, тебе наденут наручники. Хватит с тебя бегать от всего. Менять внешность. Хватит. Сдайся. Если ты выживешь, то у тебя есть шанс. У нас он тоже тогда будет.

Альбина посмотрела на него глазами, полными слёз:

– Ты же понимаешь, что этому не бывать. Как я, после всего, что со мной было, могла так глупо влюбиться? Маленькая дура, которую жизнь так ничему и не научила. Хотя нет, под конец своей жизни я вдруг сумела выбрать своего человека. Жаль, что поздно. Просто запомни, Ирвин, запомни и знай. В моей жизни было много моментов, о которых я мечтаю забыть. Много людей, которые делали мне больно. Очень больно. И много ненависти. Но я сейчас говорю это и

поражаюсь. Не было ни минуты, ни секунды, ни мгновения с тобой, о которых бы я пожалела. Чёртов ты Лебедь...

Вдруг девушка резко оттолкнула лейтенанта и кинулась бежать. Ирвин сам не понял, как так получилось, просто инстинктивно достал пистолет из кобуры, что скрывалась за свободной футболкой.

– Стой! Стой, я буду стрелять!

Девушка продолжала бежать вперёд. Наперерез ей кинулось сразу несколько штурмовиков, но в руках у Альбины непонятно откуда блеснул крохотный пистолет.

Бах! Один из бойцов рухнул на землю и дико закричал. Девушка даже не пыталась стрелять по корпусу, защищённому бронезиловым, или попасть в голову: она стреляла по ногам, которые у штурмовиков были ничем не прикрыты.

Бах! Второй спецназовец упал на землю и закричал.

Ирвин прицелился и сжал рукоятку пистолета:

– Стой! Тебя убьют! Альбина, стой!

Бах!

Пуля точно вошла девушке в затылок. По инерции её бросило вперёд, и тело ещё немного протаскило по земле. Больше она не двигалась.

– Отличный выстрел, лейтенант, – Флёр Дешанель стоял прямо за Ирвином. Он подошёл буквально секунду назад, положил свою руку на пистолет полицейского поверх его руки и нажал на курок.

Интерфер потрясённо смотрел на упавшую девушку. Один из штурмовиков пощупал ей пульс и отрицательно покачал головой.

Ирвин повернулся к Дешанелю:

– Зачем? Мы могли взять её живой, она могла многое рассказать.

– Именно, лейтенант Интерфер. Она могла многое рассказать, и с Континента пришла инструкция, чтобы задержание закончилось именно так. Мне очень жаль, я понимаю, что вы к ней привязались. Но... Видимо, в её постели побывал кто-то такой, кто может давать нам приказы. Ещё раз прошу прощения, мне очень жаль.

Полковник спокойно обошёл потрясённого лейтенанта и тоже направился к труп. Ирвин выдохнул и присел на корточки. Ноги совсем не держали его. Он понимал, каким будет финал их романа, понял ещё вчера, когда Дешанель снова позвонил ему и рассказал, что следы Крысы нашли в клинике пластической хирургии аж на Континенте и что оттуда она вышла Альбиной. И категорически опроверг то, что девушка является его сотрудницей. Да и правда глупо – внедряться под прикрытием и носить в сумочке удостоверение, Интерфер и сам это понял. Крыса, она же Альбина Вайолет... Нет, эта история не могла закончиться хорошо. Но он до последнего надеялся, что это не так...

ГЛАВА 34. ХВОСТ КРЫСЫ.

Мистери вздохнул и оглядел своих сотрудников. Пожалуй, это было первое совещание, от которого никто даже не попытался отлынуть, хотя утро пятницы выдалось на редкость солнечным. В кабинете стояла гробовая тишина, но полицейские были напряжены до предела. И единственное пустое кресло Криса Когеля только подливало масла в огонь. Командующий собрался с мыслями и начал:

– Как вы все знаете, во вторник лейтенант Крис Когель был убит. Не героически, напротив, он был убит, когда пытался помочь террористам сбежать. К сожалению, ему это удалось, хоть и стоило жизни. В сухом итоге мы вынуждены признать, что в наших рядах затесался предатель. Более того, это теперь знает Метрополия, поскольку операцию по задержанию проводил именно Комитет. Скажу честно, это не просто плохо. Это очень плохо. В кулуарах Континент подумывает ввести внешнее управление.

По кабинету пронёсся изумлённый вздох. Мистери поднял руку, пресекая возможные вопросы:

– Напомню всем, внешнее управление вводится там, где местные силы правопорядка не в состоянии совладать с ситуацией или полностью себя дискредитировали. Они отстраняются от работы, их место занимает армия Метрополии до формирования обновлённой полиции. На Шарре так было восемь лет назад. Я этого не застал, но те из вас, кто имеет нашивки лебеда, должны хорошо помнить ту историю. Если вкратце: это очень плохо для нас. Восемь лет назад полиция разделилась на два лагеря, большинство из тех, кто поддержал Метрополию, автоматом прошли переаттестацию и вернулись в наши ряды. Поддержавшие мятижников были осуждены, часть казнены. Полиция была сформирована заново из курсантов и сотрудников других колоний. По какому принципу переаттестация будет сейчас, я не знаю и знать не хочу. Мы должны не допустить внешнего управления любой ценой.

Начальник одного из отрядов поднял руку и осторожно спросил:

– Что мы можем для этого сделать?

– Найти Астру Нову. И уничтожить ещё одну базу повстанцев. Формально Континенту нечего нам предъявить: на Шарре порядок, волнений нет, уровень преступности не больше, чем обычно. Но предательство офицера нам совсем не на руку. Тем более, на фоне недавнего теракта у стен офиса Комитета. Официально вопрос внешнего управления не поднимался, но, сами понимаете, всегда есть те, кто готов поделиться информацией. В общем, если сейчас докажем свою лояльность, исправим ошибки, то всё обойдётся.

– А почему это наши ошибки? – один из офицеров уже начал говорить и запоздало поднял руку, но Мистери не стал обращать внимание на такую формальность. – Операцию по задержанию проводил Комитет, они искали вообще не Нову, а какого-то Ринга. Ирвина привлекли в последний момент, он ничего не знал. И тем не менее ракетница оказалась только на его винтовке. Комитетчики вчистую всё слили, а мы отвечаем!

Командующий развёл руками:

– А когда Комитет признавал свои ошибки? Формально «свой-чужой» они соблюли, а в остальном... Поверьте, с них Континент спрашивать не будет, по сути, они и есть Континент. И скажите спасибо, что Дешанель не инициировал расследование против Ирвина и отдела рудной безопасности за Криса.

Интерфер поднял руку.

– Да?

– Расследования не будет?

– Нет. Дешанель считает, что повышенный интерес со стороны повстанцев к твоей персоне пока твоя же главная защита. Конечной целью всего этого театра с Альбиной Вайолет была попытка завербовать тебя либо выведывать нужные сведения тайно. Своими действиями ты это пресёк. Таково мнение Дешанеля. И, Ирвин, прошу тебя, пусть они в это верят и дальше. Не лезь в расследование по делу Крысы, содействуй по Когелю. Я прекрасно понимаю, как тебе сейчас нелегко. Но если ты поведёшь себя правильно, припомнят и верность восемь лет назад, и

нынешние заслуги, сможешь стать капитаном быстрее, чем думаешь. В противном случае я с трудом могу предсказать развитие событий.

Интерфер уставился в стол. Коллеги тоже притихли.

– Ты с чем-то несогласен?

– Командующий, при всём уважении. Они вчера разыграли целый спектакль в парке. Мне сказали, что Альбину хотят задержать, по факту оказалось нужно лишь её признание, похоже, сомнения были до последнего. После того как она подтвердила, что она – Крыса, её просто пристрелили. Я... Я не хочу говорить о справедливости в этой ситуации, но она могла сообщить важные сведения, могла стать ценным свидетелем. Получается, что Комитет на словах борется с терроризмом, а по факту вставляет нам палки в колёса.

– Ирвин, ты прекрасно знаешь, чем была знаменита Крыса. Комитет борется с врагами Метрополии в целом и врагами отдельных влиятельных людей в частности. И всё, более я не хочу возвращаться к этой теме.

Тут он хлопнул в ладоши, показывая, что больше не намерен слушать возражения:

– Так, резюмирую. Сейчас у нас две главные задачи. Поддерживать на Шарре порядок, давя в зародыше любые выступления, и найти Астру Нову. Я прошу каждого подумать, что лично он может сделать для этого. А вам, лейтенант Интерфер, персонально. Работайте и забудьте вчерашние события как страшный сон.

***

После совещания Ирвин вышел из кабинета первым. Ему было неуютно под сочувственными взглядами коллег и совсем не хотелось обсуждать с ними хоть что-то из событий последней недели. Ни Альбину, ни Когеля. Да и надо было подумать.

В кабинете без Криса стало как-то пусто. От мятежного лейтенанта остался только стол да кресло, всё остальное изъяс Комитет. Почему-то именно за этот стол сел Ирвин, даже ноги закинул, как любил Когель – обе сразу на столешницу.

Итак, главная проблема в поиске Новы и Ринга оказалась в вертолёте. Точнее, не в нём самом, а в том, что Комитет неожиданно не смог его отследить и упустил две ключевые фигуры Сопротивления. Вопрос: где могут быть эти люди?

Лейтенант откинулся на спинку кресла. Нет, ну что он себе тут навывдумывал? Астру и Ринга ищет половина полиции и все подчинённые Дешанеля в полном составе. Неужто он сможет найти их быстрее?

Ну а почему бы и нет, в конце концов? Мистери фактически снял с него все задачи, делать нечего абсолютно, а выть с тоски в кабинете совсем не хотелось.

Итак, что он может сделать, что может придумать, какой след есть у него, которого нет больше ни у кого?

Ответ напрашивался сам собой: Альбина. Похоже, девушка прониклась к нему симпатией... и он к ней, что греха таить. Так, к чёрту эмоции! Ещё раз. Она прониклась к нему симпатией, могла сболтнуть что-то лишнее. Что-то, что подскажет ответ... Где искать Нову.

Ирвин снова и снова прокручивал в голове все их разговоры, но пока не было ни намёка, ни мысли. Одно несомненно: Астра и Ринг, похоже, предпочли остаться в Терране. Почему – сложный вопрос, но вряд ли они сейчас на базе повстанцев. Ринг очень осторожен, Дешанель сам рассказывал. Он залёг на дно, но с этого дня всё равно должен иметь возможность как-то управлять событиями. На это же дно положил Астру, но от неё толку мало, она лидер

формальный, без её мнения решения всё равно можно принимать. Её просто где-то спрятали. Где?

Тут Ирвин аж подпрыгнул. Он вдруг вспомнил роскошный коттедж Альбины. Стоп! Но Комитет Метрополии уже наверняка там побывал. Пробили её место жительства и...

Хотя знали ли они об этом месте? Дешанель и Мистери с Ирвином Крысу не хотят обсуждать принципиально. А зря.

Тогда, в баре, Дешанель обмолвился, что девушка могла записывать их встречи на видео, когда была на своей территории. То есть он понимал, что живёт она не в гостинице.

С другой стороны, Альбина жила тут по поддельным документам, и у неё была какая-то личность, даже вон корки Комитета подделала. Но не факт, что коттедж в эту личность вписали, по документам она вообще могла жить в Метрополии, а тут снимать какую-то квартирку.

Интерфер крутанулся в кресле, потом встал, подошёл к своему столу и достал оттуда запасную обойму для «Стерка». В конце концов, коттедж — это след, а прокатиться в пригород Терраны не займёт много времени.

***

Пока лейтенант ехал в пригородный посёлок, в котором жила Альбина, погода начала портиться. Свинцовые тучи вновь моментально затянули небо, но гроза никак не начиналась. Ирвин терпеть не мог это предосадочное состояние: стало невероятно душно, у него на лбу даже выступили капельки пота. Хорошо, что в полицейской машине был микроклимат.

Посёлок и коттедж он нашёл без особого труда. И уже на подъезде понял, что его догадка, похоже, подтвердилась. Обычно после осмотра полицией или Комитетом дома преступников на какое-то время опечатывали, чтобы в случае чего можно было вернуться и осмотреть всё ещё раз. Ни на калитке, ни на входной двери такой печати не было.

Ирвин равнодушно проехал мимо и свернул в ближайшем переулке. Он не хотел светить полицейскую машину лишний раз, из дома за ним могли наблюдать.

Кстати, о наблюдении. Комитет мог всё-таки знать про коттедж, но специально не стал опечатывать его, а оставил внутри засаду. Запросто, между прочим. В этом случае надо свой приезд сюда согласовать с Дешанелем, заодно сообщить полковнику информацию о месте жительства Альбины, вдруг он и правда не знает. По «свой-чужой» это будет правильно.

Ирвин проверил «Стерк» и убрал его в кобуру под мышкой. Ему снова вспомнилось, как элегантно полковник застрелил девушку из его же пистолета его же руками.

— Обойдётся, Флёр! — тихонько сказал он сам себе и вылез из машины.

ГЛАВА 35. МИЛОЕ ЧУДОВИЩЕ.

Астра сидела на топчане и жадно пила минеральную воду из пластиковой бутылки. Карл сидел на своём любимом стуле и с усмешкой смотрел на этот процесс:

— Видите, мисс Нова, мы не морим вас голодом и не заставляем мучиться от жажды. А вы нас так ненавидите. За что, спрашивается?

Девушка допила воду и отшвырнула бутылку, причём попыталась попасть в своего мучителя. Тот даже не уворачивался, и пустая пластиковая тара угодила ему точно в лоб. Правда, тут же отскочила, не причинив никакого вреда. Астра легла и отвернулась к стенке.

— Бросьте, давайте поговорим, — Карл был в каком-то приподнятом настроении.

Девушка повернулась и изумлённо посмотрела на мужчину:

– «Поговорим»? Карл, вы ничего не перепутали? Если бы в этой комнате был хоть один острый предмет, он бы уже торчал у вас из горла. Не о чем мне с вами говорить. Если опять пришли делать своё дело, делайте.

– Да что-то поднадоело, – Карл поднялся со стула, и Астра, которая так активно бравовилась, внутренне съёжилась. Она пыталась заставить себя не бояться этого человека, но было трудно. Когда кто-то может проникнуть внутрь твоего тела так, как захочет, при этом причинив невыносимую боль... такого трудно не бояться.

Но Карл и правда был настроен миролюбиво. Он подошёл к зарешеченному окну и посмотрел на улицу.

– Полдень. Вы тут уже несколько дней. И только интимные отношения, – тут он грубо засмеялся своей шутке. Девушка юмора не оценила, и он продолжил: – Я бы свихнулся за это время.

Вот тут он был не прав. Янтарным Людям в изошрённости пыток было далеко до Комитета Метрополии. Они не знали, что некоторые мучения нельзя совмещать. Если человека хотят свести с ума одиночеством, его запихивают в камеру без окон и дверей, максимально оградив от внешних контактов. Чтобы никто и ничто не мешало ему выесть самого себя изнутри.

В случае с Астрой она слишком много спала, когда организм в очередной раз не выдерживал истязаний и отключался. А во время процесса изнасилований было как-то не до самоедства. Так что девушка испытывала широкую гамму чувств: от стыда и беспомощности до ненависти к своим тюремщикам. Но с ума пока вроде не сходила.

Правда, недавно она поймала себя на мысли, что у неё появилось какое-то уважение к Карлу, это явно начинал сказываться синдром заложника. Но и с этим удавалось справиться.

Самое страшное, что в те недолгие минуты, когда Астра бодрствовала и была одна, она успела изучить своё место заточения вдоль и поперёк. И у неё не было ни единой мысли, как вырваться отсюда. Впервые в жизни она пожалела, что такая маленькая: справиться с бойцами Карла у неё шансов не было. Значит, оставался один вариант. Астра развернулась на топчане лицом к своему тюремщику:

– Ну хорошо, Карл, давайте поговорим. О чём говорить будем? О лютиках или о том, какие ещё позы не принимала Астра Нова?

Её собеседник усмехнулся и тоже повернулся к ней:

– Ну... Полагаю, в нашем с вами контексте общения глупо спрашивать о ваших сексуальных предпочтениях.

– Думаете, я не отвечу?

– Думаю, я всё равно проигнорирую эту информацию, – улыбка Карла стала зловещей.

Девушку передёрнуло. Хотя чего уже бояться, попробуем в лоб:

– Карл, может, всё же скажете мне, зачем всё это? Я уже поняла, что я не жилец и всё это делается, конечно же, не для удовлетворения ваших грязных желаний, а исключительно для высокой цели. Чтобы моё обезображенное тело вызвало волну бунтов на Шарре.

– Язвите? Зря. Общую мысль вы уловили верно, ну а раз процесс можно сделать приятным хотя бы для одной стороны, то почему нет? Я Янтарный Человек, мне других людей не особенно жаль. Вы, мисс Нова, для меня просто мясо. Как бы грустно это ни звучало.

Нда, Карл умел подбирать слова. Астра старалась говорить спокойно и так, как будто не было последних нескольких дней, но голос девушки дрожал:

– И сколько мне ещё так мучиться? Вы чего-то ждёте, или вам просто скучно?

– Протесты сами собой не рождаются, нужно хорошенько подготовить почву, чем сейчас и занимается Ринг. А ему ой как непросто, его тут каждая собака ищет. Как только будет сигнал, сразу оборвём ваши страдания. Обещаю, дольше, чем нужно, это не продлится.

Нет, ну вы посмотрите, какое благородство!

– И всё же я не понимаю: зачем это всё? Сопrotивление переживает не лучшие годы, даже помощь Янтарных Людей ничего не изменит. Ну введут внешнее управление, армию пришлют, если полиция не справится. Сколько раз так было в других колониях, так было на Шарре восемь лет назад. Толку-то? Столько народа погибнет бессмысленно!

– Бессмысленно не бывает ничего. На мой субъективный взгляд, ответ вообще лежит на поверхности, и он очевиден, если вы следили за политической обстановкой в других колониях. Ну да ладно. Астра, хотите выходной?

– Что? – девушка не ожидала такой резкой смены темы.

Карл улыбнулся, но ничего хорошего это не предвещало:

– Я предлагаю вам выходной. Сегодня я какой-то миролюбивый, у меня такое редко, но бывает. Сегодня вас не будут мучить. За это вы сейчас откроете свой ротик, и я положу туда один свой интересный орган. Вы сделаете мне приятно и можете отдышаться. Либо как обычно.

Астру снова передёрнуло. Она прекрасно поняла, что делает Карл. Все эти дни ей хватало сил хотя бы пытаться сопротивляться, потому Янтарным Людям приходилось её держать или связывать. Надо сказать, что Карл был в этом весьма изобретателен, и всё же Астра тешила себя надеждой, что она хотя бы пытается бороться. Несмотря на свою биографию, она не хотела сдаваться именно сейчас и именно этим людям.

Сил осталось всё меньше, а день отдыха... Она сможет подумать, немного подлечить раны. Может, всё же придумает выход, наконец на это будет время. Предложение невероятно заманчиво, тем более что член Карла побывал у неё во рту уже бессчётное число раз. Но не так. Сейчас ей фактически предложили сдать. И признать, что всё то хилое сопротивление последние дни было зря. Но день отдыха...

Астра закрыла глаза и открыла рот.

ГЛАВА 36. СВОЙ-ЧУЖОЙ.

Окна коттеджа были плотно зашторены, низенькая калитка закрыта. Ирвин легко перемахнул через неё и оказался на лужайке. Что дальше?

Лейтенант решил не идти в лобовую атаку, а аккуратно обошёл дом вокруг. Задняя дверь, вероятно, тоже заперта, но она куда менее внушительная, чем парадная, да и с дороги его не увидят. Задний двор коттеджа примыкал к точно такому же участку, но был отделён от него высоким забором. Интерфер на минуту остановился и огляделся. Он как-то не замечал этого раньше, но весь задний двор дома вообще был неявно огорожен. От соседних участков – высоким забором, от дороги – аккуратными деревьями с плотной листвой, которые примыкали прямо к стенам. Получалось такое укрытие, а если смотреть с фасада, сразу и не сообразишь. И вела в это укрытие лишь узкая тропинка.

Нет, не то чтобы это было странно, но уж не специально ли кто-то построил это укрытие?

Ладно. Интерфер подошёл к задней двери и подёргал ручку. Заперто. Ещё и без стеклянных вставок. Лейтенант отошёл на небольшое расстояние, разбежался и без особого шума вынес

дверь вместе с замком. Сразу же упал на пол и откатился в сторону, целясь «Стерком» то вверх, то перед собой, то влево.

Никого. Он оказался в той самой роскошной кухне. Засада или кто-то ещё мог сидеть в другой комнате, хотя они не оставили бы без внимания такой бесцеремонный взлом. Значит, никого нет?..

Шаг за шагом Интерфер осмотрел дом, кухню, гостиную, поднялся на второй этаж, спустился в подвал. Пусто. В коттедже не было ни души. Впрочем, не самая плохая новость.

Поняв, что опасность ему не угрожает, лейтенант принялся осматривать дом более досконально.

Что искать? Что-то, что не будет иметь отношения к Альбине Вайолет, а будет принадлежать Крысе. Что именно, Ирвин не знал.

Но его противники явно хорошо готовились, в этом доме было много вещей, которые явно или не очень указывали на своего обитателя. Какие-то бухгалтерские документы, на части рукой Альбины стояла надпись «Проверено».

Несколько безделушек из разных колоний. Вроде как сувениры.

Куча разных баночек с кремами, скрабами и прочими женскими приспособами в шкафчике в ванной.

Бельё аккуратными стопочками в кладовке.

Нет, это место явно не должно было использоваться для подрыва власти Метрополии. Здесь жила благообразная и тихая аудитор, не более того. Что ж, что не расскажет дом, могут рассказать соседи. Ирвин спрятал пистолет, приготовил удостоверение и спокойно вышел через главный вход (дверь открывалась изнутри). По полицейской привычке он пошёл не налево (туда стремятся свернуть все люди в незнакомом месте), а направо.

В соседнем доме была такая же невысокая калитка, только тут лейтенант не стал нарушать частную собственность, а позвонил в маленький звоночек, установленный в калитке. Дверь дома открылась, и оттуда показался человек в чёрной куртке...

***

Астра так и не дождалась своего окончательного унижения. Когда Карл уже почти положил ей в рот свой член, дверь в её темницу распахнулась. В комнату ввалился один из бойцов, сжимая в руках винтовку.

Карл недовольно поморщился, хотя понял, что случилось что-то серьёзное. И всё же резко спросил:

— Стучаться не учили?

— Прости, шеф, дело срочное! Крысин дом полиция обыскивает!

— Чего? — Карл выпучил глаза и поспешно спрятал свой инструмент обратно в ширинку. — Как полиция? Они вас видели?

— Не знаю. Минут десять назад этот лейтенант, которого Крыса окучивала, перемахнул через ограду и пошёл на задний двор. А сейчас его тень в окнах за шторами мелькает, дверь, наверное, выбил.

— Так, — мучитель Астры глубоко вздохнул, видимо переваривая услышанное. — Так. Он один?

— Ребята больше никого с ним не видели.

– Это хорошо. Возможно, решил поискать что-то сам. Но там он ничего не найдёт и пойдёт по соседям. Я их полицейскую породу знаю. Давай всех в ружьё и включи радиозавесу, не хочу, чтобы он помощь позвал.

Боец кивнул и осторожно спросил:

– Приглушим его да на органы?

Карл отрицательно покачал головой:

– Может, сам уйдёт. Если так, то тем лучше для него. Ты давай мне винтовку, глаза верни в орбиты и спокойно иди к двери. Будет звонить – открывай и рассказывай нашу легенду. Живёшь тут с женой недавно, жены сейчас нет дома, ничего не видел, ничего не знаешь. Мы подстрахуем. Убивать – это на крайний случай, но если что – про запчасти не думай, не до того. Прикончить максимально быстро и тихо, понял?

Боец кивнул, отдал винтовку Карлу, поправил куртку, волосы.

Астра сидела на кровати и не верила своим ушам. Вот он, шанс! Главное, грамотно его использовать. Но как? Будь у девушки побольше времени, она бы состряпала красивый план, но времени не было.

А тут ещё Карл повернулся к ней и сказал:

– Я надеюсь, ты понимаешь: закричишь – и того полицейского просто придётся убить. В этом вся разница для тебя. Хотя нет, если закричишь, то для следующего раза я придумаю нечто особенно изощрённое.

***

Мужчина приветливо махнул Ирвину и ещё на ходу спросил:

– Вы что-то хотели?

– Колониальная полиция, – лейтенант показал удостоверение. – Мне надо задать вам несколько вопросов.

Мужчина в чёрной куртке удивился, но подошёл вплотную к калитке. Обоим она была едва ли по пояс:

– Полиция? Странно, у нас тут тихий райончик. Но я вас слушаю.

– Вы живёте здесь один?

– Нет, с женой. Мы переехали не так давно, ещё не успели ни с кем толком познакомиться.

Простите, лейтенант, я всё же хотел бы уточнить: неприятности у нас или у соседей?

Интерфер кивнул на коттедж Альбины:

– Видите ли, хозяйку вон того дома недавно убили. Мы обязаны провести опрос.

Мужчина вздрогнул:

– Убили? Какой кошмар. Это случилось здесь?

– Нет, но в Терране. Значит, вы даже не видели свою соседку?

– Пару раз видел. Эффектная такая девушка, запоминающаяся. Но мы даже не здоровались.

Так что я не знаю, чем могу вам помочь.

– Пожалуй, и правда не сможете. Извините за беспокойство, спасибо.

Мужчина кивнул. Интерфер посмотрел в сторону, что-то обдумывая. И тут из дома раздался пронзительный женский крик:

– Помогите!

***

Астра должна была попробовать. Несмотря на все угрозы Карла, это объективно был её последний шанс. Интерфера было жалко, в пару недолгих встреч Крыса успела поведать ей об охмураемом объекте, лейтенант вроде был неплохой человек. Но полицейский сам выбрал себе сторону. Что ж.

Её крик о помощи заложил уши даже такому бывалому бойцу, как Карл. Он поспешно двинул ей прикладом винтовки, но поздно: снаружи уже грохнули два выстрела.

От удара Астра отлетела, но тут же вскочила на ноги и кинулась на своего мучителя. Карл попытался откинуть её ударом руки, но не совсем же она деревянная! Нова поднырнула под его предплечье и двумя руками ухватила между ног. Сжала изо всех сил. Карл закричал как резанный, попробовал вновь ударить её сверху прикладом, но девушка проскользнула между его широко расставленных ног и кинулась к выходу из комнаты.

Она стремительно пробежала коридор и оказалась в гостиной. Янтарные Люди, человек десять, попрятались под окнами, в руках каждого была винтовка. Несколько стёкол уже были разбиты, на тропинке к калитке лежало бездыханное тело того бойца, который пошёл открывать. Самого лейтенанта видно не было, но вряд ли бойцы Карла заняли бы оборону, если б Ирвин был убит.

Дальше девушка совершила ещё один отчаянный и, как оказалось, эффективный поступок. Она с разбегу подбежала к наиболее здоровому бойцу, который прятался под подоконником, вскочила ему на плечи и с размаху прыгнула в разбитое окно. Зацепила пару осколков, но всё же вылетела на улицу, к свободе.

Всё произошло так быстро, что никто даже не успел ей помешать.

Что теперь? Нова прижалась к земле и огляделась. Лейтенант прятался за добротным деревянным столом на лужайке, который он повалил и использовал как щит. Девушка выдохнула. Выхода было два: бежать к калитке, но там её обязательно убьют Янтарные Люди, или попытаться укрыться рядом с Интерфером – идея ещё более безумная, зато шанс есть. И Нова выбрала второе...

***

Ирвин обрадовался Астре как родной. Он сидел на корточках, надёжно защищённый массивом дуба, сжимал в руках пистолет и изредка стрелял в сторону окон. Когда девушка подползала к его укрытию, он высунулся, схватил её за шиворот и затащил к себе. Затем, тяжело дыша, спросил:

– Астра Нова, я полагаю?

– Она самая, – девушка прилегла рядом с ним. В голове после удара Карла звенела сотня колокольчиков, левая часть лица онемела, рука была в крови. Но она добралась, вроде даже сильных ран не было. Только вот что теперь?

– План есть? – быстро спросил Интерфер, осторожно выглядывая из засады.

Девушка отрицательно мотнула головой. Вот жизнь! Они со своим противником отстреливаются от её союзников и обсуждают дальнейшие действия, как давние знакомые! Ещё неделю назад девушка бы в такое не поверила:

– Плана нет, но моей смерти они хотят не меньше, чем вашей, лейтенант. Так что предлагаю бежать отсюда как можно скорее.

– Некуда. Их там много, и у них вся лужайка перед домом простреливается. Пока ты ползла, я несколько раз по ним палил, чтобы не высывались.

В подтверждение его слов над их головами просвистела автоматная очередь.

Девушка посмотрела на лейтенанта. Хотя она старалась говорить спокойно, но в её голосе промелькнули нотки отчаяния:

– И что делать?

– Сидеть здесь и надеяться, что патронов у меня хватит на всех. И мастерства... А шансов мало, мисс Нова, ничтожно мало...

***

Пистолет Ирвина щёлкнул, но выстрела не последовало. Янтарные Люди среагировали мгновенно: тут же прекратили стрелять, выскочили из окон и кинулись по лужайке к импровизированному убежищу. Астра умоляюще посмотрела на Ирвина, но тот лишь хитро подмигнул ей, после чего сделал растерянно-испуганное лицо. «Стерк» он по-прежнему крепко сжимал правой рукой, левую засунул в карман куртки.

Бойцы окружили лейтенанта с Астрой, направив на них стволы винтовок. Неспешно подошёл Карл, своё оружие он уже успел сменить и сейчас держал в руках небольшой пистолет вроде «Магнетика». На его лице была усмешка и читалось превосходство, как будто подонок говорил: «Ну что, сбежали?».

Карл приставил дуло пистолета прямо к голове Интерфера:

– Сдавайся, служивый, выхода у тебя нет.

Ирвин навалился лбом на дуло и, глядя Карлу в глаза, ответил:

– Это в небесном гарнизоне у нас выхода не было. Но мы его нашли, – с этими словами он достал и разжал левую руку. В ней была осколочная граната со сдёрнутой чекой. Карл изменился в лице и первым кинулся подальше, в направлении калитки, остальные просто бросились врассыпную. Ирвин кинул гранату на расстояние не больше метра от себя, схватил Астру за шиворот свободной левой рукой и потащил к дому. Буквально перекинул её через подоконник. Когда он залезал сам, раздался взрыв и Ирвина забросило в гостиную взрывной волной. Впрочем, он моментально поднялся, подбежал к девушке, и они оба спрятались под подоконником. Интерфер так и не выпустил из рук пистолет, а тут ещё оказалось, что в кармане у него есть свежая обойма. Это внушало надежду.

Астра испуганно посмотрела на Ирвина:

– Вас осколками не задело?

– Это световая граната. Много грохота, но в общем безобидная. А выглядит как осколочная.

– И давно вы носите с собой гранату?

Ирвин заправил в пистолет новую обойму и грустно усмехнулся:

– Семь лет не носил. А с недавних пор снова начал.

Тем временем их противники тоже немного оправились от взрыва. Раздался голос Карла:

– На что ты надеешься, боец?

– Пока я сидел на вашей лужайке, я успел отправить сигнал о помощи, у любого полицейского есть с собой тревожный брелок.

– И ты думаешь, что твой радиосигнал прошёл, прежде чем включили завесу?

– А ты думаешь, что он не прошёл? Положа руку на сердце, шансов у нас пятьдесят на пятьдесят. Только я уйти не могу, потому что вы не даёте, а вот что держит тебя, неясно. Но я могу догадаться, – Ирвин стремительно подскочил и сделал прицельный выстрел в окно. В ответ послышался чей-то сдавленный крик и ругательства, а сразу за ним – стрёкот винтовки. Астра

почувствовала, как прямо над ними просвистела очередь. Но они вновь плотно прижимались к бетонной стене, и Янтарным Людям с их позиций попасть в них не удалось.

– Ну-ка, здоровяк, попробуй догадайся, – вновь раздался голос Карла.

– Тебе зачем-то нужна Астра. Без неё ты не уйдёшь, а она, как я вижу, в нетоварном состоянии. Пока не понял вашего плана, но готов ставить на что угодно: кишки тебе без неё выпустят. Потому ты и рискуешь, беседы тут со мной ведёшь и гадаешь, сколько у меня ещё обойм припасено.

– А ты неглуп, обычно если тело большое, то мозг маленький.

Ирвин, видимо, хотел усмехнуться, но он ещё тяжело дышал после их внезапного укрытия и потому получилось какое-то неуместное хрюканье.

– Но я тебе скажу так: я точно знаю, что обойма у тебя осталась одна, та, что в твоём пистолете. И там двадцать патронов. Нас тут десять человек, но я сильно сомневаюсь, что тебе удастся виртуозно перестрелять всех.

Ирвин шумно вздохнул. Похоже, он был согласен с Карлом. Хотя и слышала это только Астра.

– А потому я предлагаю тебе сделку. Ты отдаёшь мне девчонку, я уйду. Мы все уходим, а ты ждёшь своих. Даже если потом правду расскажешь, никто тебя не осудит. А ведь всегда можно соврать что-то героическое.

Интерфер сжимал в руках пистолет с последними патронами. Астра посмотрела на него и больше не могла оторвать взгляд. Хотя Ирвин сейчас напоминал загнанную лошадь, на его лице читалась абсолютная решимость. Он посмотрел вверх и, обращаясь к Карлу, ответил:

– Я не отдам вам Астру, так что убить придётся нас обоих.

– На что вы надеетесь, лейтенант? На вашу последнюю обойму? Я даю вам шанс выжить. Отдадите девчонку, стрелять не стану, обещаю. Неужели эта преступница стоит вашей жизни? Или вы вдруг вспомнили, что под присягой обещали выполнять бессмысленные приказы начальства?

Но Ирвин явно уже всё решил для себя:

– Патроны ещё в обойме, и шанс есть. Что же до моей жизни... Из-за вас погиб мой лучший друг, та, которую я любил, тоже мертва. У меня только мои приказы и остались.

– Твой выбор.

После этой фразы повисла нехорошая тишина. Ирвин вслушивался, пытаясь понять, что же задумали их противники. Вдруг он изменился в лице, подскочил и направил пистолет на вход в комнату, сейчас прикрытый дверью. Астра поняла, что увидел лейтенант: лёгкую тень в проёме между дверью и полом. Интерфер сделал три выстрела, пули прошли насквозь. Из-за двери раздался дикий крик и грохот падающего тела. Минус один. И семнадцать патронов. Лейтенант вернулся к девушке под подоконник и торопливо растёр лицо левой рукой. Затем вполголоса сказал:

– А что мы-то молчим, а, мисс Нова? Может, тоже по мозгам им? – и следующую фразу уже прокричал: – Эй! Я только что одного из твоих... того... то ли ранил, то ли убил. Сходи посмотри, он под дверью лежит.

– Я слышал. Минус три патрона тебе!

– Ты отчаянный, это я уже понял. А те, что с тобой? А, ребята? Что вам такого обещано, что вы готовы тут свои головы сложить? Я против вас лично ничего не имею, мне нужен только ваш горластый главарь. Но он если и пойдёт на меня, то последним. А до того будет вас по одному, по двое подсылать, чтобы я патроны расстрелял! Но вдруг их у меня хватит на всех?

С той стороны повисла тишина. Ирвин слегка улыбнулся и продолжил:

– Горластый, давай ты следующий! Заходи с любой стороны, убьёшь меня – так тому и быть. Но я хочу, чтобы следующим был ты! Окажешь мне такую услугу?

Снова тишина. Астра постаралась ободряюще улыбнуться лейтенанту. Но вот следующего она никак не ожидала: в комнату буквально влетел один из бойцов Карла. Ирвин успел среагировать и выпустил в него две пули, однако для этого ему пришлось наклониться вперёд и высунуться из-под узкой полосы подоконника. А в оконном проёме уже стоял следующий приспешник Карла. Он ударил лейтенанта ногой по макушке так, что тот растянулся на полу и выронил пистолет. Боец остался стоять в проёме окна и направил на Ирвина лёгкий обреза:

– Прости, лейтенант, но ты многого не знаешь о Янтарных Людях. У тебя есть приказы, у нас есть свои мотивы, чтобы рисковать головой.

Продолжая держать Интерфера на мушке, он запрыгнул в комнату. Астра постаралась отползти поближе к полицейскому, в это время в окне появилась фигура ещё одного Янтарного Человека. По лицу девушки впервые за несколько дней побежали слёзы. Нет ничего страшнее рухнувшей надежды. Когда Ирвин появился на пороге этого дома, да ещё и устроил такую виртуозную бойню, ей показалось, что всё это может закончиться и она выберется из самой страшной передрыги в своей жизни. Увы, чуда не случилось.

Девушка попыталась добраться до пистолета Интерфера, но тот приспешник, что оглушил лейтенанта, отопнул его ногой раньше, чем она вообще смогла доползти до них.

Второй боец, что стоял в проёме, также запрыгнул в комнату, а следующим залез уже Карл.

Девушка с ужасом смотрела на своего мучителя. Тот ухмыльнулся и подошёл к ней:

– Ну что, мисс Нова, успеем мы ещё порезвиться перед тем, как всё? Мы оба знаем, что сигнал лейтенанта не прошёл радиозавесу, слишком много времени мы тут палим почём зря. И полиция на звуки выстрелов что-то не едет.

Ирвин застонал и зашевелился на полу. Карл с чувством пнул его ногой в живот:

– Получай! Надоело мне в благородство играть. Я дал тебе шанс, ты его упустил.

Он подошёл к пробитой пулями двери и открыл её. Боец, который пытался подобраться к ним с тыла, лежал в коридоре и не подавал признаков жизни. Карл покачал головой:

– Убит. Лейтенант, хорошо стреляете. Поменьше бы таких в полиции, впрочем, это легко устроить. Только я всё же хочу последний раз... как бы это покрасочнее выразить... Войти в революцию. Так, наверное, – с этими словами он подошёл к Астре, схватил её за волосы и взялся за край камуфляжных шорт, намереваясь их содрать.

Но не сумел. Вдали, на улице, послышался металлический гул, как будто кто-то ударил по листу железа. В тот же момент Ирвин собрал последние силы и резким ударом плечом под колено сбил Карла с ног. Однако даже не попытался добить противника, а накрыл Астру своим телом и зажал девушке уши.

Нова перестала воспринимать события, они проносились мимо неё как во сне. За окном полыхнуло яркое огненное зарево, тех бойцов, что стояли на ногах, сбilo ударной волной. Девушка видела, что как минимум один из них ударился головой о бетонную стену. На миг солнечный свет потускнел и за окном, где-то вдалеке, пронёсся силуэт вертолётa, его стрёкот Нова услышала, лишь когда Интерфер убрал руки с её ушей.

Раздавались крики, ругань и стрельба. Похоже, что в оставшихся на улице Янтарных Людей выпустили снаряд с вертолётa и теперь усиленно их добивали наземными силами. Неужели сигнал Ирвина о помощи всё-таки прошёл?

Трое бойцов, что залезли в комнату первыми, лежали без движения: одного убил лейтенант, остальных оглушило взрывом.

Карл же быстро приходил в себя. Оглядевшись вокруг и поняв, что эту битву он уже не выигрывает, её мучитель встал на ноги и захромал к двери. По пути бросил Ирвину:

– Ещё увидимся, лейтенант!

Астра вспомнила, как Янтарные Люди говорили о потайных лазейках в доме. Проклятье, Карл ведь и вправду мог уйти, тем более что те, кто сейчас снаружи, вряд ли начнут штурм сразу!

– Нет, не увидимся, – раздался у неё над ухом голос лейтенанта. Интерфер успел поднять с пола обрез второго бойца и выстрелил Карлу в спину. Несколько десятков мелких дробинок буквально изрешетили командира Янтарных Людей, он с хлюпаньем упал лицом вперёд прямо на пороге и больше не шевелился.

«Туда тебе и дорога!» – подумала девушка.

Крики за окном стихли, выстрелов тоже не было слышно. Только гул барражирующих вертолётов. Ирвин перевернулся на спину и направил обрез в оконный проём. Встать на ноги он даже не пытался. В таком напряжении прошла долгая минута.

Наконец, с улицы послышался голос:

– Это полковник Флёр Дешанель, Комитет Метрополии! Вы окружены! Есть кто внутри?

Ирвин облегчённо выдохнул, опустил обрез и прокричал:

– Это лейтенант Интерфер, колониальная полиция. Внутри мы с Астрой Новой и ещё двое бойцов противника, они без сознания. Я ранен!

За окном послышалось какое-то шевуршение, потом проём уже в который раз закрыла огромная тень. Только теперь это был штурмовик Комитета. Потом ещё один и ещё. И, наконец, залез сам Дешанель. Непривычно было видеть его в форме, да и ему самому явно было не очень комфортно. Но идти на такой штурм в пиджаке было уж совсем глупо.

Полковник неуклюже спрыгнул на пол и огляделся вокруг. Штурмовики уже связывали выжившим Янтарным Людям руки сзади какой-то прозрачной проволокой. Астра вспомнила, что Комитет не любил наручники.

Дешанель поцокал языком, оглядывая комнату. Потом подошёл к Карлу, который так и лежал в дверном проёме, и, брезгливо морщась, перевернул его ногой на спину. Всмотрелся в лицо и вдруг улыбнулся:

– Какого кабанчика вы нам подстрелили! Янтарный Человек, кличка «Карл», настоящего имени никто не знает. Можно прямо сейчас отрезать голову и везти в Метрополию, они давно его ищут. Пометка в деле: «Живым не брать». Ну, никто и не взял.

Ирвин сел на полу и стал водить по лицу, стараясь стряхнуть капельки крови и пота. Дешанель достал из нагрудного кармана жилета платок и протянул полицейскому:

– Бонус вам от Комитета, капитан. Впечатляет, очень впечатляет

– Спасибо, сэр, но я только лейтенант.

– Да как бы вам за такую добычу кем повыше не стать. Думаю, что капитаном я вас могу называть не задумываясь.

Ирвин пожал плечами. Ему было особо не до регалий, после всего случившегося он просто хотел оказаться в тёплой кровати подальше от этого места.

Но Флёр не унимался.

Теперь он подошёл к Астре. Она смотрела на него снизу вверх, но в себя пришла ещё не окончательно. В ушах по-прежнему стоял гул от взрыва.

– Как будем делить добычу? Вы потребуете, чтобы я доставил вас обоих в штаб колониальной полиции, или я могу сразу везти преступницу в Метрополию?

— Как вы посчитаете нужным. Вы выше меня по званию, вас больше, и вообще это явно ваша операция. Мне уже всё равно. Живы — и ладно.

Дешанель слегка кивнул и ответил:

— Разумный ответ. Идите в вертолёт, мы отвезём вас к вашим друзьям.

Интерферер поковылял к окну. Похоже, ему не повезло упасть так же удачно, как Астре, и он слегка прихрамывал. Дешанель секунд пять провожал его взглядом, потом повернулся к девушке:

— Что же касается вас, юная леди, то я не в восторге от того, что придётся сделать. Но. Служба.

С этими словами Дешанель схватил девушку за волосы и рывком поставил на колени. Астра почувствовала, как к её лбу прикоснулось холодное дуло пистолета.

— В соответствии с решением Метрополии, вы проговариваетесь к смертной казни. Приговор привести в исполнение немедленно.

— НЕТ! — Интерферер, который уже закинул одну ногу на подоконник, развернулся и бегом кинулся обратно. Хотя бежал он не очень уверенно, но всё же успел оказаться рядом, прежде чем комитетчик спустил курок. Ирвин вырвал у него Астру и спрятал за собой. — Нет! Что вы творите? Вы же сами сказали, что повезёте её в Метрополию!

Флёр несколько опешил от такой реакции и не сразу собрался с мыслями — на его лице промелькнуло недоумение. Потом всё же ответил:

— ЛЕЙТЕНАНТ, эта девушка — преступник. Существует секретное распоряжение: если она попадёт в руки к нам — казнить её на месте.

— Я не видел такого распоряжения!

— Вы и не могли его видеть: это секретный документ исключительно для сотрудников Комитета. Если бы она попала в руки полицейских, то её бы судили, да. Но ей не повезло, и я обязан выполнить свой приказ.

— Нет, — Ирвин продолжал прятать девушку за свою спину. — Если вам уж так угодно, она попала в руки именно полиции и подлежит доставке в наш штаб, откуда попадёт на суд. И если её приговорят к исключительной мере — так тому и быть. Но всё будет только так и никак иначе.

Астра почувствовала, что её тело прислоняется к чему-то холодному. Пистолет, наполовину полный пистолет Интерферера был в кобуре, лейтенант даже не думал доставать его.

Дешанель снова стал непроницаемо холоден.

— Лейтенант. Отдайте нам девушку, и больше никто в этой истории не пострадает.

— Ну а если не отдам?

— Тогда в этой комнате станет на один труп больше.

— И вы это сделаете? — тут Ирвин слегка приподнял руки вверх. — Вы меня убьёте, хотя я не пытаюсь напасть на вас? За что? Я не предатель, я выполняю свой долг, и ещё минуту назад вы говорили, что быть мне за это капитаном. А сейчас собираетесь нарушить «свой-чужой» ради того, что и так может произойти? Дешанель, подумайте хорошенько: оно вам надо?

Дешанель умолк и долгих десять секунд рассматривал полицейского. Потом вздохнул и махнул рукой своим подчинённым:

— Прикончить их!

Астра зажмурилась. Пуля попадала в неё лишь однажды, и она ещё помнила эту резкую, пронзающую тело боль. Сейчас всё должно было быть раз в десять страшнее. Или, наоборот, они даже ничего не успеют понять? Но... где же выстрелы? Она осторожно выглянула из-за спины Ирвина.

Весь отряд Дешанеля стоял кто где, растерянно опустив винтовки. Флёр повторил с нарастающей яростью в голосе:

– Я приказал убить их.

И снова тишина. Наконец, один из штурмовиков неуверенно сказал:

– Сэр, но... это же СВОЙ.

– И что? Он отказывается выполнять приказ.

– Вообще-то, именно его он и выполняет, у вас с ним просто приказы разные...

Дешанель оглянулся и изумлённо посмотрел на своего подчинённого:

– Бунт на корабле?

– Нет, сэр, насчёт девчонки возражений нет. Но в лейтенанта мы стрелять не будем...

– Тогда я сам! – с этими словами Дешанель поднял свой пистолет и...

ГЛАВА 37. МАСКИ СБРОШЕНЫ.

Вертолёт с опознавательными знаками Комитета Метрополии летел к штабу полиции. В штабе уже была объявлена полная мобилизация, стягивали сотрудников, брали под контроль каждый миллиметр периметра. Ещё бы! Такого узника к ним везут.

А в вертолёте с опознавательными знаками, на переднем сиденье, сидел Флёр Дешанель, его лицо было каменным, а вот глаза – красными от злости. А чуть сзади, в темноте грузового отсека, Астра, пристёгнутая наручниками к Ирвину, сказала лейтенанту:

– Удивительно, что он нас всё-таки не убил. Неужели даже у такого человека бывают принципы?

– У Дешанеля один принцип: по своим не стрелять. Так что нам очень повезло. Он меня хотел лишь припугнуть, надеялся, что я отступлюсь. Но старайся его в дороге не злить: ещё раз так может и не повезти...

***

Астра ожидала оказаться в тёмном каменном мешке в полном одиночестве минимум на неделю. Потом долгие и нудные допросы. Возможно, пытки. А может, просто прессинг. Сути дела это не меняло: из плена Янтарных Людей, откуда сбежать теоретически было можно, она попала прямоком в плен Метрополии. И вот тут... Нова не питала иллюзий насчёт своей судьбы.

Ещё когда вертолёт Комитета опускался на крышу штаба полиции, она уже увидела, какая толпа пришла её встречать. Все в тяжёлой амуниции, бронежилеты высшей степени защиты. Винтовки с подствольными гранатомётами. И, большая редкость, чёрные маски на головах.

Полицию можно было упрекнуть во многом, но вот трусостью сотрудники этого ведомства не отличались. Маски надевались при облаве на какого-нибудь особенно влиятельного преступника, который мог из-за решётки устроить проблемы тем, кто его задержал.

И вот теперь она. Крошечная, хрупкая. И они. Тридцать или сорок мужчин. И все в масках. Только один без.

Мирус Мистери лично вышел встречать свою новую узницу. Ну начальнику полиции бояться просто глупо, и так все его знают.

Ирвин легонько подтолкнул Астру, и они вместе выпрыгнули из вертолёта. Воздушная машина тут же взревела обоими винтами и оторвалась от посадочной площадки. Похоже, Дешанель не был настроен общаться с полицией. Впрочем, никто не обратил на это внимание.

Интерфер через живой коридор из коллег подошёл к своему командиру и путанно начал:
– Командующий, задержана девушка, являющаяся, точнее похожая...

Мистери махнул рукой:

– Я вас понял, лейтенант. Девушка будет помещена во временный изолятор. Благодарю вас! И жду в своём кабинете через полчаса.

Интерфер отстегнул наручник от своей руки и перестегнул его на руку Мистери. И дальше Нову конвоировал уже сам командующий.

Правда, каменного мешка не случилось. Астру поместили в светлую камеру с мягким диваном, умывальником и туалетом. Девушка думала, что события этого дня ещё долго будут укладываться в её голове, но как только она коснулась щекой подушки, то провалилась в глубокий сон.

***

Два дня её не допрашивали. Вообще. Был только медицинский осмотр, где задали хоть какие-то вопросы. И то про её самочувствие. Даже пару швов наложили, оказывается, у неё всё это время была рассечена бровь. А она и не чувствовала.

Дали какие-то таблетки. Астра их выпила, рассудив, что если в неё захотят закачать какую-нибудь гадость, то всё равно закачают.

И всё равно она представляла себе свой арест не так. И не должно было быть так. Многие её друзья и соратники бывали в полицейских тюрьмах, кому-то даже посчастливилось вернуться из застенков Комитета. Астра понимала, что она – особенная узница. Но не настолько же! Она по-прежнему жила в своей белой камере, раз в день был душ, трёхразовое питание, лечение. Что-то здесь было нечисто. Но она держалась и не задавала своим тюремщикам вопросов. Почему? Да она и сама не знала, в чём смысл этой своеобразной гордости.

На третий день её всё-таки привели в допросную. Эта комната уже больше напоминала её представления о полиции. Три голые бетонные непокрашенные стены, лёгкий сквозняк, тусклый свет. Четвёртая стена стеклянная, но непрозрачная. Очевидно, тем, кто находится за ней, всё видно. Девушка поёжилась.

Посреди комнаты стоял стол и два кресла друг напротив друга. У одного на ручках были ремни, стало быть, чтобы допрашиваемый не дёргался. Второе, очевидно, для того, кто ведёт допрос.

Сесть пришлось именно в кресло с ремнями. Правда, привязывать её не стали.

Спустя минуту вошёл... Ну стоило догадаться. Ирвин Интерфер уже не хромал, хотя на лице ещё были следы недавней борьбы с Янтарными Людьми. Зато царапины почти затянулись.

Выглядел лейтенант посвежевшим. Или уже не лейтенант? Астра пригляделась. Точно, погоны капитанские. Ну было бы странно, если б не повысили.

Интерфер сел напротив неё в кресло. Открыл какую-то папку, посмотрел внутрь. Потом вдруг поднял голову и – прямо в глаза Нове. Девушка вновь поёжилась.

– Астра, давайте договоримся сразу: я вам не враг. Я сражаюсь на другой стороне, я полицейский, и многих на Шарре я могу назвать своими врагами. Не вас. Я думаю, что Альбина (вы её знаете как Крысу) передавала краткое содержание наших бесед. У меня сложные взгляды на нынешнюю ситуацию, в принципе, я этого не скрываю.

– Ещё скажите, что поддерживаете Сопротивление.

– Нет, и вы знаете почему. Теперь точно знаете. Прошли, к сожалению, прошли времена романтиков, которые стремились через борьбу прийти к власти и сделать мир лучше. Сейчас

любое движение, которое набирает силу и получает отклик в обществе, повторюсь, ЛЮБОЕ такое движение, тут же стремятся взять под контроль те, кто знают, как извлечь из них выгоду. Ваше Соппротивление не исключение. Возможно, сама по себе идея и неплоха, но реализовать её так, как хотите вы, не дадут. Ваши же покровители.

Мы допросили ваших выживших тюремщиков. Янтарных Людей вообще сложно допрашивать, я уж молчу, что по секретным инструкциям даже полиция обязана казнить их в кратчайшие сроки. Но нет, пока они живы и мы пытаемся понять общую картину. На данный момент ясно одно: вас целую неделю насильовали все, кто был в том доме. Зачем? Что вы с ними не поделили?

Астра смотрела прямо на новоявленного капитана. Его слова немного задели девушку, но отрицать правоту Интерфера было бессмысленно. Ринг на пару с Томили превратили повстанцев в какую-то ручную армию.

И всё же. Несмотря даже на то, что Ирвин спас ей жизнь, он правда надеется, что она будет отвечать ему? Полицейскому?

— Астра, я не питаю иллюзий относительно вас. Вы — крепкий орешек, все это знают. Я не прошу сдавать местоположение Кречета и Призмы, оно нам теперь также известно.

Девушку как током ударило. Одно то, что полиция знает эти названия, уже очень плохо. Можно надеяться, что капитан блефует... А вдруг правда знают? И что там теперь? Живут и ни о чём не подозревают? Или их уже нет?

— К сожалению, мне пока запрещено обсуждать с вами судьбу ваших баз. Я не буду. Взамен не буду просить вас сдать кого-то. Но вокруг Шарры наблюдается нездоровое движение. Метрополия подумывает о введении внешнего управления. Думаю, вы понимаете, чем это для нас может обернуться.

Вот тут Астра испугалась по-настоящему. Внешнее управление и недалёковидная армия Метрополии... Они могут натворить таких дел, что полиция и Комитет покажутся милыми котятками.

— Чтобы этого не произошло, я... мы все хотим понять, какие события происходят вокруг колонии. И ваш плен и пытки — важное звено во всём этом. Мы не получали информации о борьбе за власть внутри вашего движения, да и убрать лидера можно как-то иначе, не так жёстко. Даже по меркам Янтарных Людей. Астра, я задам только один вопрос, прошу, ответьте. Зачем они это делали?

Девушка вздохнула... А, была не была!

— Они хотели приписать мои истязания полиции или Комитету — я уже точно не помню — и вызвать волну протестов... Революцию спровоцировать.

Ирвин приподнял бровь:

— Но это же безумие. Сейчас!

— Сказали, что Янтарные Люди помогут. И вообще, лей... капитан. Вы обещали только один вопрос! Я на него ответила. Могу я спросить у вас?

— Да?

— Что дальше? Будет суд, меня казнят?

Интерфер потёр переносицу:

— Думаю, да. Точнее, думал, но сейчас... Астра, я хочу, чтобы вы кое-что увидели. Вернее, этого хочу не я, этого хочет Метрополия.

— Тогда я точно это смотреть не буду!

— Не обсуждается. Ури Ринг был задержан вчера, невероятными усилиями Комитета и лично Дешанеля его всё-таки нашли. И, вы не поверите, не упрятали в своих подвалах, не казнили, не

пустили на органы. Его передали нам для допросов и суда. Правда, допросы ведёт Дешанель, но у нас, тут.

– Поразительное благородство.

– Меня оно тоже как-то смущает. Но у меня выбора нет. Сейчас здесь, в этой комнате, будет самый жёсткий и массированный допрос Ринга. Метрополия хочет, чтобы вы его увидели. И я с вами. Стена за вами пропускает свет в одну сторону. Пойдёмте?

Интерфер спокойно закрыл папку и направился к стене. Часть стекла отъехала в сторону, хотя до этого блестящая гладь казалась абсолютно цельной. За этой импровизированной дверью стоял длинный стол, за ним сидели Мистери, Дешанель и ещё несколько неизвестных девушке офицеров. Ирвин тоже сел в кресло, жестом пригласил Астру сесть рядом.

Нова уже плохо понимала, что происходит. Может, на её глазах Ринга планируют пытать и тем самым запугать её? Или, напротив, втираются в доверие, делая больно тому, кто отдал её на растерзание Янтарным Людям? Девушка перешла к наблюдателям и осторожно опустилась в кресло, решив просто посмотреть, что будет дальше.

Дешанель поднялся со своего места и перешёл в допросную. Занял место Ирвина. На Астру он даже не взглянул.

Стекло закрылось, и теперь бетонный мешок был у них как на ладони.

Дверь открылась, и в допросную завели Ринга. Он немного осунулся и, судя по лицу, был сильно напуган. Конвоир привязал его руки ремнями к стулу. Дешанель начал допрос...

***

– Назовите ваше имя, должность и причину задержания.

– Ури Ринг. Я бухгалтер в одной из структур Энгельберта Томили. Меня задержали в поселении Лемниската, когда я был направлен туда с инспекционной проверкой.

Астра похолодела. Лемниската – это Кречет. Неужели базу постигла судьба Фабрики?

Дешанель улыбнулся самым уголком рта:

– Бухгалтер? Инспекционная проверка? Ринг, вы тут кого собрались дурачить? Вы находились на базе повстанцев, там не было ни единого человека, который был бы не повязан с Сопротивлением.

Ринг мрачно смотрел в стол:

– Я повторяю: я бухгалтер, и я знать не знал...

– Ладно, ладно, – Дешанель поморщился и жестом остановил его. – Давайте попробуем зайти с другой стороны. Примерно с той, с которой ваши подельники всю последнюю неделю заходили в мисс Нову.

Астра снова вздрогнула. Ринг же непонимающе посмотрел на полковника.

Тот достал из-под стола какой-то пульт с крутящимся регулятором:

– Видите ли, у вашего кресла есть специальные ремни, которые не дают вам встать с него. Это не для того, чтоб вы не убежали, смысл куда страшнее.

Ринг нервно дёрнулся, но ремни лишь впились ему в предплечья.

– Так вот, у этого стула совсем неслучайно железное сиденье. Туда встроен нагревательный элемент. А у меня в руках – пульт от этой своеобразной конфорки. Если мне не изменяет память, она прогревается до тысячи градусов, но я могу ошибаться. Смысл остаётся прежним, я могу вас поджарить, причём начнём с вашего самого интимного места. Разогревается система где-то минуту, так что начнём.

Флёр уверенным жестом повернул регулятор сразу на сто восемьдесят градусов. Астра не выдержала и отвернулась. Всё-таки слухи о жестокости Комитета не на пустом месте родились. Ринг та ещё сволочь, но быть заживо поджаренным – такого никому не пожелаешь.

Дешанель спокойно смотрел на своего собеседника, слегка приподняв бровь. Казначей Спротивления уже вовсю ёрзал на стуле. Не прошло и полминуты, как он закричал:

– Хватит! Прекратите! Я всё расскажу! Мне больно.

– Очень странно, – улыбнулся полковник, – ведь регулятор только выставляет температуру. А включается вся система вот этой кнопкой сбоку, и я её ещё не нажимал.

– А? – Ринг потрясённо посмотрел на Дешанеля.

– ...Но нажму обязательно, если вы передумаете раскаиваться. Итак, ещё раз. Кто вы?

– Я Ури Ринг. Главный казначей той организации, которую вы называете Спротивлением, – мужчина обмяк и буквально повис в кресле. Маленькая психологическая атака полковника сломала его моментально. Впрочем, Астра помнила: казначей и не собирался долго держаться на допросах.

– Вот это уже разговор двух взрослых людей! Меня интересует главный вопрос: зачем вы пленили своего лидера, так жестоко с ней обходились и, очевидно, собирались убить?

– Чтобы истерзанное тело Астры нашли и подумали на Комитет или полицию. Мы бы подстроили такие слухи. И на этом организовали всплеск народного гнева. Что-то вроде событий восьмилетней давности.

– Зачем? Вам бы не удалось победить.

Ринг поднял голову и посмотрел Дешанелю в глаза:

– Какие же вы все странные! Не видите очевидных фактов! Не нужна нам была победа или независимая Шарра, НЕ НУЖНА. Нужно было восстание, война. За этим всё делалось. Янтарные Люди помогли бы нам противостоять армии Метрополии и превратить всё в долгий и затяжной конфликт, как было на Виссаже.

Тут, похоже, даже Дешанель опешил, не говоря уж о людях, сидевших за стеклом.

– Но зачем? Война ради войны, глупость какая-то!

Ринг снова опустил глаза:

– Долгое время Янтарные Люди безнаказанно разбирали на запчасти жителей Виссажа. Там шла война, царили дикие порядки, и делать это было легко и просто. Колония эта вообще самая дикая из всех владений Континента, прямо скажем, там до сих пор сильны первобытные устои.

К сожалению, не так давно там появилась новая фигура – Мугабар Тонго. Потомственный каннибал из уважаемого племени пошёл на сделку с Метрополией, и каким-то чудом ему удалось навести в колонии относительный порядок. Ну как порядок... Установить свою власть с помощью Метрополии и получать от неё помощь. Взамен быть её вассалом и платить дань. Это далеко от того порядка, что сейчас на Шарре или, скажем, Рододендроне, но всё-таки. Поток дешёвых органов иссяк. А у Янтарных Людей всегда был спрос на их товар.

Бодаться с Тонго себе дороже, они попытались, но в итоге Виссаж пришлось покинуть.

– И вы решили развязать войну в другой колонии, – сделал Дешанель уже очевидный вывод.

– Да. Шарру выбрали потому, что тут было одно из самых сильных движений Спротивления. Томили сомневался, стоит ли овчинка выделки, но Янтарные Люди назвали такие прибыли и обрисовали такие перспективы, что он решил сыграть с ними в одной команде.

Астра сидела и молчала. Её как будто ударили по голове этим признанием. Значит, вот так? Не было никакой светлой идеи, не было бы независимой Шарры? Их руками развязывали войну, чтобы потом их же продать по деталям богатым воротилам, которым нужна трансплантация...

Дешанель откинулся в кресле и посмотрел на Ринга:

– Хорошо. Мы разгромили гнездо Янтарных Людей в центре Терраны, ещё человек десять попались в пригороде, в коттеджном посёлке. Где ещё они прячутся?

– Призма. Это база на...

Полковник прервал казначея жестом руки:

– Про Призму нам тоже известно, её больше нет в том лесу. Ещё?

Ринг беспомощно посмотрел на Дешанеля:

– Как... Призмы уже нет?

– Для её уничтожения даже помощь армии запросили, их всё равно к нам направили на всякий случай, вот мы им и дали пар выпустить. Призма уничтожена со всеми её обитателями.

– Ну... тогда всё. А на Кречете их никогда не было из-за разногласий с другими повстанцами... Может, отдельные группки в Рекуренте или Руте, но я про них точно не знаю, это надо их самих допрашивать.

– Допросим. Что ж, мистер Ринг, я более чем доволен вашими ответами, пока вы возвращаетесь в камеру в целостности и сохранности.

Полковник нажал под столешницей на кнопку вызова конвоя, и Ринга быстро увели.

Стеклянная панель вновь отъехала в сторону, Дешанель вернулся в небольшой кабинет за стеклом:

– Ну? Что скажет полиция?

– Мы в шоке, – выразил общее мнение Мистери. – Я даже не думал, что план был настолько...

– Беспринципным? – закончил Флёр. – Честно скажу, я немного догадывался в ту сторону, очень уж похоже было, что они развязывают войну ради войны. Но вот конечную цель до нынешнего момента не понимал. А Вы что скажете, мисс Нова? Вы у нас идейная, это все знают. Как вам такой поворот?

Астра молчала. Ещё не хватало говорить с Дешанелем. Даже если он посадит её на этот стул-печку, не факт, что услышит хоть слово.

– Ладно. Полагаю, нам всем пора, кроме вас, капитан, – эта фраза была обращена к Интерферу. – Вы тут пока за старшего остаётесь и покажете мисс Нове наш последний на сегодня козырь в рукаве. Мне же пора.

Астра удивлённо закрутила головой. Что ещё за последний козырь? Ирвин вздохнул, дождался, пока все покинут маленький кабинет, и кивнул девушке:

– Нам придётся вернуться в допросную. Я должен познакомить вас с одним человеком, уж не знаю, встречались ли вы раньше. Дешанель настаивает, чтобы вы просто поговорили.

– Что это за человек?

– Как вы уже поняли, Призма и Кречет уничтожены. Кречет – силами полиции, Призма – объединёнными силами Комитета и армии. Соответственно, от Призмы не осталось ничего и никого. А вот на Кречете более ста повстанцев были взяты в плен.

– Более ста, – выдохнула Астра. – Но их же там было...

– Что-то в районе тысячи, знаю. Они оказали ожесточённое сопротивление. Мы бы рады всех живыми взять, но... В общем, я хотел организовать вам встречу тет-а-тет с одним из выживших, его уже ведут сюда. Посидите, поболтайте минут двадцать. Потом мы с вами продолжим.

Астра прикрыла глаза. Она уже представляла, в какую сторону её будут гнуть. Правда, до понимания всего девушке было ещё очень далеко.

ГЛАВА 38. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОВСТАНЦА НОВЫ.

Молодой человек, она и правда видела его на Кречете. Хотя даже имени не знала. Красивый, стройный, на вид лет восемнадцать. С детским наивным взглядом, по которому легко читалось, что он ещё совсем ребёнок, несмотря на возраст.

Его усадили на кресло-печку, правда тоже не стали привязывать. Астре пришлось сидеть в кресле следователя. Ирвин вышел. Они остались вдвоём. Молодой человек ободряюще улыбнулся девушке:

— Очень рад вас увидеть ещё раз, мисс Нова! Я всегда восхищался вами. Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах...

— Так, — девушка подалась вперёд. — Рассказывай, что случилось и чего они от вас хотят.

— Кто хочет? — не понял молодой человек.

— Полиция, Комитет, Метрополия. Не знаю. Зачем нам с тобой устроили эту встречу?

Молодой человек посмотрел в пол:

— Я тоже не знаю. Нас взяли на Кречете. Я старался отстреливаться, но меня взрывом оглушило, а пришёл в себя я уже в вертолёте, связанный. Кто-то сам сдался, кого-то взяли. Нас таких человек сто, по слухам. Сидим в камере вдесятером, камеры периодически тасуют, потому удаётся общаться...

— Они говорят, что с вами будет?

— Говорят... Говорят, что всех казнят. Ну этого следовало ожидать, — тут молодой человек замолчал и как-то совсем сник.

Замолчала и Астра. Она смотрела на этого парня, красивого, молодого и... обречённого. Который сражался за независимость своей родины, но из-за того, что она, Муравей, Карет, другие руководители Сопrotивления просмотрели, доверились Рингу и Томили, вся его борьба была бессмысленна. А теперь его казнят как преступника. Проклятье!

Они ещё немного поболтали, молодой человек старательно натягивал улыбку и просил Астру не падать духом. Но внутри него как будто выключили какую-то лампочку, он сидел перед ней грустный и опустошённый.

Когда его увели, снова вернулся Интерфер. Даже сел на кресло с ремнями. Сидел, молчал, смотрел в сторону.

Астра не выдержала первой:

— Я так понимаю, что у вас, капитан, есть ко мне какое-то предложение? Вы недвусмысленно дали понять, что моих соратников казнят. Но. Очевидно, я как-то могу их спасти. И этот способ мне не понравится?

— Вы всё точно угадали. Метрополия в лице Дешанеля гарантирует, что по повстанцам, которые не имеют отношения к Янтарным Людям, не будет ни одного смертного приговора. В одном случае.

— Говорите, не тяните. Вы знаете, я не Крыса, но на многое готова пойти, хоть голой меня по улицам водите и помидорами кидайте.

Интерфер молчал, обдумывая, как лучше сказать Астре то, чего они хотят. Наконец, начал:

— Астра, я очень надеюсь, что все ваши унижения, особенно сексуального характера, остались в прошлом. Вы же понимаете, что Метрополия не хочет вашего истязания, ей нужен мир и покорность колоний.

— Это не новость.

– И в свете всех событий, согласитесь, остаться колонией в составе Континента для Шарры не так уж и плохо.

– Капитан, говорите уже, не томите. Что от меня нужно?

Интерфер поднял глаза и быстро заговорил:

– Идея в следующем. Вас освобождают безо всяких условий, вы остаётесь жить на Шарре. И поступаете служить в полицию.

– ЧЕГО? – девушка выпучила глаза и подалась вперёд. – В полицию?! Я?! Вы в своём уме вообще?

– Я ожидал такой реакции. Но если вы успокоитесь, то поймёте план Континента.

– Лучше потрудитесь объяснить, я ещё долго не смогу успокоиться!

– После разгрома теперь уже всех баз повстанцы на Шарре почти потеряют силу. Но останется много людей, им сочувствующих. Или тех, кто с вами сотрудничал, но на базах не жил. О многих мы даже не знаем. Со временем они, так или иначе, могут возродить Сопротивление. Чтобы этого не произошло, их надо лишить надежды и дать им понять: жизнь колонией – их единственная судьба. Что они подумают, когда показания Ринга обнародуют, но при этом Астра Нова, говорящая голова и лидер, официально станет полицейским? Что вы их предали?

– Нет, – упавшим голосом ответила девушка. – Они подумают, что я с самого начала была агентом вашего ведомства и работала под прикрытием всё это время. Даже если сами до такой мысли не дойдут, им её подкинут на блюдечке наши же СМИ.

Интерфер развёл руками:

– Именно так, мисс Нова. План в этом. Взамен мы оставляем в живых... Континент оставляет в живых сто с лишним ваших соратников. Часть даже можно амнистировать, чего уж там, среди этой сотни и старики есть, и молодые совсем. Но они будут своеобразной гарантией вашей верности.

Вас определяют служить в криминальную полицию, к Джозефу Карпентеру. Вот на этом настоял я, потому что изначально вообще планировали вас в рудную безопасность на место Когеля.

– Смешно, – девушка сама слышала, как глухо звучит её голос. – А чем в криминальной полиции лучше, чем у вас?

– Криминальная полиция не занимается политическими вопросами. Карпентер очень принципиален в таких вещах. Вам не придётся сталкиваться с теми, с кем вы сражались, и уж тем более не придётся ловить своих бывших соратников. Только благородная работа по поиску настоящих убийц и уголовников. Вот как-то так. Что скажете?

– А если меня убьют? Свои же, за предательство? Это вашим планом предусмотрено?

– Не останется уже на Шарре боевых соединений Сопротивления, которые способны на такое. Разве что какой-нибудь фанатик-одиночка. Но на первое время мы обеспечим вам охрану, это понятно. А потом... Вы удивитесь, как быстро все всё забудут. В современном мире новости протухают быстро, и уже через год вам даже не вспомнят эту историю. Равно как почти забыли тот мятеж восемь лет назад, и уже далеко не все, даже здесь, в полиции, знают, что значит моя нашивка лебеда. Так что? Наверное, нужно время подумать?

Астра посмотрела на капитана:

– А что изменит ваше время? Чего уж тут думать... Я уже натворила делов. Если мне теперь удастся спасти больше ста человек... Думаю, здесь не время для гордости.

ГЛАВА 39. ОПЕРАЦИЯ «ПАНИКА».

Астра шла по коридору и тёрла переносицу. От работы с архивными бумагами глаза уставали больше, чем от плазменной панели. Утешало одно: завтрашний день обещал стать последним в разгребании канцелярской пыли, и она наконец-то начнёт подводить итоги своих раскопок.

Удивительно, но работа в криминальной полиции уже давно не казалась ей тюрьмой, в которую её запихнула Метрополия. Оказалось, что пользу обществу можно приносить, даже сидя в самом сердце логова злодеев. В конце концов, даже если бы повстанцы победили, им всё равно пришлось бы наводить порядок, ловить воров и убийц, бороться с уголовщиной.

В криминальной полиции уже капитану Нове быстро удалось найти свой угол. Пытаясь хоть немного отстраниться от всего, что с ней случилось, Астра нырнула в розыск убийц, которым занимался её отдел. И за два прошедших года достигла удивительных успехов, в конце концов, она много знала о жизни с той стороны баррикад, и в работе это сильно пригодились. Единственное условие, которое она сразу поставила: она не будет связываться с любыми политическими вопросами и тем, что касалось повстанцев. В целом это оказалось мудрым решением: на Шарре обычных убийств хватало, а её непосредственный начальник, Джозеф Карпентер, скоро начал сдувать пылинки с девушки, которая поправила ему статистику почти на четверть. А Астра могла хоть как-то отвлечься от грустных воспоминаний. И понимания того, что она предатель. Как бы это ни пытался выставить Ирвин Интерфер. Она – самый настоящий ренегат.

Грустные мысли снова навалились на неё, когда она уже вышла из архива и брела по полутёмному коридору управления колониальной полиции.

Навстречу иногда проходили припозднившиеся сотрудники и дежурные, однако девушка почти не замечала их. А они её. В одном Интерфер оказался прав: всю историю забыли быстро. Настолько быстро, что это даже пугало. Ещё месяца два после разгрома «Кречета» стоял какой-то шорох, а потом вдруг всё. Как будто и не было стольких лет Соппротивления, повстанцев и попыток свергнуть власть Метрополии. Метрополия победила и тихо, без лишнего шума, похоронила события тех дней в своих архивах. Мудро для них.

Навстречу шла группа людей в форме Комитета. Астра сначала удивилась, а потом вспомнила, что Метрополия направила в штаб полиции какую-то комиссию с проверкой.

После разгрома повстанцев влияние Комитета на Шарре заметно ослабло, да его сотрудники и сами не рвались в колониальное болото. Так что вся работа ограничивалась несколькими проверками в год да формальным присутствием офиса Комитета на территории колонии. Даже в этом разгром повстанцев сделал доброе дело.

***

Девушка прижимала к груди несколько папок со своими пометками по очередному делу. Комитетчики немного посторонились, пропуская её, и она машинально прошла сквозь их компанию... Машинально... прошла...

Астра остановилась. Её глаз зацепился за... за то, чего не могло быть. Нет, нет! Нет. Она просто пересидела в архиве, на неё снова нахлынули воспоминания, она...

Девушка обернулась. Группа проверяющих шла к лифту. Тот человек, который вызвал в ней такие эмоции, тоже шёл с ними. На нём была форма Комитета Метрополии. Хотя он не обернулся, со спины он остался таким же, каким его запомнила Астра.

Девушка хлопала глазами. Группа зашла в лифт, и только тут оцепенение спало.

– Стойте! – хотела крикнуть она, но в горле пересохло и вырвался лишь какой-то непонятный хрип.

Астра кинулась к лифту, бросив все папки на пол, однако двери уже закрывались. Лишь поравнявшись с ним, она на долю секунды снова увидела его. И он её узнал. Крис Когель, убитый в перестрелке с властями Континента, Крис Когель, который спал с ней, перешёл на сторону повстанцев и спас ей жизнь...

Крис Когель в форме Комитета Метрополии кивнул ей. И двери лифта закрылись.

***

Сердце девушки бешено стучало, когда она неслась по лестнице. Второй лифт, как назло, уехал куда-то под крышу, судя по мониторчику указателя этажей. А архив находился в самой глубине штаба, на минус четвёртом этаже. Конечно же, она не успела перехватить группу проверяющих. Когда выскочила к проходной, их уже и след простыл. Но они же полиция, чёрт возьми, и это их штаб! Есть отличный способ понять, сошла ли Астра с ума.

Тут девушка замерла как вкопанная прямо перед турникетом. Они полиция... Мы – полиция. Я – полиция. Как, когда она успела к этому привыкнуть? Всего два года прошло. Лидер повстанцев, говорящая голова и... капитан Нова. Поразительно.

Девушка решительно тряхнула головой, освобождая себя от ненужных мыслей, и повернулась к сержанту-охраннику. Тот с любопытством наблюдал за странными действиями капитана, но пока молчал и ждал, что она предпримет.

Астра поправила волосы и спокойно спросила:

– Здесь должна была пройти группа проверяющих из Комитета Метрополии.

– Верно, прошли буквально две минуты назад. Сели в свой микроавтобус, прямо у входа их ждал, и уехали.

– Куда?

– Капитан Нова, они мне не докладываются. Поздно уже, скорее всего, в гостиницу.

Девушка кивнула, она уже почти успокоилась, хотя сердце ещё постукивало чаще обычного. Так. Тогда...

– Тут над входом камера. Мне нужно просмотреть запись с неё.

– Разумеется, только с начальником охраны поговорите, мне нужна его санкция.

Бешенство накрыло Нову, она резко подпрыгнула, перегнулась через стойку, облокотившись на неё животом, так, что задралась форменная юбка, схватила охранника за воротник мундира и прошипела:

– Мне. Нужно. Посмотреть. ЗАПИСИ!

Сержант испуганно выдавил:

– Д-да, м-мэм...

***

Ирвин Интерфер все эти два года поднимался по карьерной лестнице семимильными шагами. Это было ожидаемо, хотя некоторые думали, что принадлежность к старой гвардии всё же может ему помешать. Но молодой человек звёзд с неба не хватал, на первые роли не лез, а потому как-то аккуратно, окольными путями, забирался всё выше. Сейчас он был вторым заместителем Мистери, третьим человеком в полиции Шарры, на его зону ответственности приходились Рута и Рекурента. В целом его кандидатура постоянно оказывалась какой-то золотой серединой, которая устраивала всех: местных и Метрополию, выходцев из старой гвардии и новое поколение полиции, горожан и жителей посёлков.

Сидел Ирвин всё так же в штабе полиции, правда, переехал на девятый этаж и поселился в собственном кабинете. Астра очень редко пересекалась с ним по работе. Хотя у неё было какое-то чувство благодарности к теперь уже заместителю командующего, она всё равно избегала его. Понятно почему – он напоминал ей о прошлом. Интерфер и сам не рвался общаться с девушкой. Первое время как-то пытался поддержать, но быстро понял, что делает только хуже, и самоустранился. Виделись они только на совещаниях у Мистери, да и то обменивались лишь ритуальными приветствиями. И всё.

Но сейчас Астра намеревалась поговорить с ним, тем более точно знала, где искать замкома.

После проверки из Метрополии он наверняка сейчас сидит в своём кабинете и дострачивает какой-нибудь отчёт или справку для комиссии.

В этот раз девушка была в таком состоянии, что не просто обошлась без церемоний. Дверь она распахнула с такой силой, что та стукнулась об ограничитель с характерным хрустом. Секретарь Интерфера, бледный молодой лейтенантик с не слишком приятной внешностью, но пронизательным взглядом, подскочил, его рука сама потянулась к кобуре. Но, увидев Нову в форме, оружие он доставать не стал:

– Капитан, что вы хотели?

– Ирвин на месте?

– Да, но он занят. К нему надо записываться заранее либо согласовать свой визит. Капитан, вы нам дверь сломали, вы понимаете...

– Заткнись! Я спросила, на месте ли он, больше у меня вопросов не было.

Астра решительным шагом направилась к двери кабинета, но секретарь выскочил из-за стола и встал на её пути:

– Простите, я вас не пушу! И вынужден буду доложить о вашем поведении...

Дверь за ним открылась, и оттуда выглянул Интерфер:

– Лейтенант, что тут происходит?

Секретарь обернулся к шефу, при этом всё ещё не пуская Астру. Даже руки растопырил, чтобы она его не попыталась оббежать:

– Капитан очень хочет попасть к вам, я ей говорил, но...

Ирвин посмотрел на девушку, потом вздохнул.

– Пусть заходит. Для капитана Новы у меня всегда есть время. И... поглядите, что с дверью. По-моему, она у нас случайно сломалась.

Лейтенантик был немного удивлён, но кивнул и посторонился, пропуская Нову к шефу. Лишь осторожно спросил:

– Может, у неё хоть оружие забрать?

– Обойдёмся.

***

Астра глубоко вздохнула и села в кресло. Самообладание понемногу возвращалось к ней, но сердце всё ещё готово было выскочить из груди.

– Симпатичный у тебя секретарь.

– Не лести ему, я сам знаю, что он не красавец. Но дельный молодой человек. Я не держу сотрудников ради того, чтобы глаз радовался.

– Похвально, заместитель командующего, похвально. Кстати, знаете, кого я сейчас встретила?

– Дешанеля? – пожал плечами Ирвин. – Думаю, что такая реакция могла быть только от встречи с ним. Что он сделал?

Астра снова вышла из себя и подскочила с кресла:

– Когеля! Ты слышишь меня, Когеля! Он шёл по коридору штаба колониальной полиции!

Ирвин приподнял брови:

– Может, ты обозналась? У Когеля была не такая уж специфичная внешность и...

– Не пудри мне мозги! – Астра ко всему ещё и глаза выпучила. – Он кивнул мне, и я видела, что он меня узнал! Я тебе больше скажу, он был в форме Комитета Метрополии. И... И я посмотрела запись с камеры наблюдения! Это он! Что происходит?

Интерфер посмотрел на календарь и вдруг спросил:

– А ты сколько у нас работаешь? – и тут же сам себе ответил. – Чуть больше двух лет. Да, два года и месяц. Значит, с тех событий прошло примерно столько же. Видимо, ему уже разрешили вернуться. Мораторий был на полтора года.

– Вернуться откуда? С того света?

– Нет, из Метрополии. Руководство решило, что его появление в колониях в последующие восемнадцать месяцев после всех событий нежелательно.

– Как... какое появление, Ирвин?! Он умер почти у меня на руках, его застрелили ваши бойцы, а ты потом пил в баре, заливая окончательную потерю лучшего друга! Откуда он мог вернуться? Что... о чём ты вообще говоришь?!

Интерфер вздохнул и поднял трубку спикерфона:

– К нам никого не пускать с полчаса, у нас важный разговор.

Затем положил трубку. Посмотрел на Астру:

– Ты бы присела. Рассказ будет долгим.

Астра автоматически опустила обратно в кресло. Ирвин подумал пару секунд, потом всё же начал:

– Даже не знаю, когда точно началась эта история. Предпосылки были давно, но вот чтобы именно всё вошло в активную фазу... Года три, думаю.

Наверное, правильно будет сделать небольшое отступление. Никакого Криса Когеля не существует. Его роль сыграл агент Комитета Метрополии. Не так важно, как зовут этого агента, скажу лишь, что это его ты встретила сегодня в коридоре и именно его ты считала тем, кем он никогда не являлся.

– Ничего не понимаю... Но Когель был! Было личное дело на него, были друзья, родственники, связи...

– Ключевая фраза во всём этом: «личное дело». Собственно, с этого всё и началось. Повстанцы совсем потеряли какие-либо границы и ради своей цели шли на что угодно. Как бы мы ни защищали свои архивы и базы данных, утечки были постоянно. А в личных делах сотрудников слишком много важной информации, чем и пользовались твои бывшие друзья. Удары стали наноситься точечно, по рядовым сотрудникам и важным шишкам. Причём удары настолько болезненные, что оставлять это в том виде, к которому всё пришло, было уже нельзя.

Взять меня и Крысу. Соппротивление прощупывало почву для вербовки офицеров полиции, была сделана небольшая выборка разных людей, ну я попал туда как лебедь, хотели понять, не изменились ли мои взгляды. И с какой стороны решили подступиться? Именно. У лейтенанта как-то всё плохенько с личной жизнью, можно помочь, – тут Ирвин глубоко вздохнул, похоже, на него тоже нахлынули воспоминания. Всё же он продолжил: – Ты сама всё знаешь, таких историй было несколько. И ни одна руководство не радовала. Вот тогда был предложен очень опасный,

авантюрный, но необычный план. Раз повстанцы могут читать наши личные дела, почему бы не сыграть на этом? Создать липового сотрудника с определённым набором качеств. У него будет послужной список, друзья, родственники, жизненный путь и прочие атрибуты живого человека. А в определённый момент он резко изменит своим идеалам и станет одним из повстанцев. Войдёт в доверие и... ну скажу честно: прям так далеко мы не заглядывали, хотели увидеть, получится ли вообще создать человека из ниоткуда. Разумеется, что силами одной колониальной полиции такое было... не то чтобы не проверить, но нам не дали. Флёр потребовал совместных действий. В итоге на роль нашего новорождённого выбрали как раз человека от Комитета. А в лучшие друзья ему записали настоящего колониального полицейского с настоящей биографией и послужным списком. Всё это было очень-очень опасно, прихлопнуть таких друзей могли в любой момент, а то, что игру удастся доиграть до конца, — тут гарантий не было никаких. Потому и пообещано за этот спектакль было немало, — тут Интерфер кивнул на свои погоны.

Астра прикрыла глаза:

— Значит, Когеля никогда не было... А ты был, но не такой, каким мы тебя видели.

— Я, кстати, наиболее настоящий в этой истории. Я действительно служил в силах правопорядка до мятежа, я примкнул к тем, кто остался верен Метрополии, вошёл в пять процентов «старой гвардии», ну и так далее. Это всё правда. А вот вся линия Когеля — вымысел. Друзья у меня были, но такого, как Крис, — никогда. Из настоящего только то, что тот человек служил в авиационной безопасности Рододендрона, это на случай, если попадётся эксперт в самолётах или бывший житель из вышеназванной колонии. Чтобы наш актёр мог адекватно отвечать на специфичные вопросы о прошлом.

Как видишь, затея удалась просто блестяще. Я даже не ожидал, что всё пойдёт именно так, как задумано. Никто не ожидал. Поэтому в «Призме» Крис какое-то время сидел без дела и активно консультировал вас. Никто сразу не смог придумать, что с этим делать, и ему было приказано во всём содействовать повстанцам. Потом план всё же скорректировали и пошли дальше.

— Да уж, консультировал он меня там основательно.

— Астра, ваши интимные отношения в плане прописаны не были, это его личная инициатива. Впрочем, подобных запретов у него также не было, действовал на своё усмотрение. Если честно, бабник он ещё тот.

— Ага. И эту сторону он отразил в своих отчётах? Вероятно, так вы узнали о «Призме» в принципе?

— Да, именно так. Мы даже немного увлеклись, но в какой-то момент решили, что нашего лже-Когеля надо спасать. Вы тогда планировали поехать на Кречет, нам нужно было узнать его местонахождение, все ждали, за вами даже не следили.

Встреча с Рингом всё испортила. Стало ясно, что лже-Криса могут увезти туда, откуда он уже не вернётся, кроме того, отпала возможность узнать местонахождение Кречета. И все зашевелились. Меня выдернули из штаба, чтобы я присутствовал при задержании, пальнул в вас фальшивой ракетой и картинно прокричал: «Нееет!» над трупом.

Была разыграна красивая сцена с расстрелом и патронами с краской. У него даже оказался с собой пакетик с густым соком, это вы видели, как у него кровь изо рта потекла. Тело запихнули в чёрный мешок, предварительно накачав снотворным, чтобы не подавал признаков жизни, и в ту же ночь отправили в Метрополию. Больше он на Шарру не возвращался. Ну, до сегодняшнего дня. А вот ценной информации дал столько, что ещё долго разгребали. В одном мы просчитались в тот день: упустили вертолёт с Рингом и тобой. Дешанель был уверен, что знает, куда вы

летите. Но ошибся. К счастью, мне удалось исправить его оплошность. Правда, тут был совсем не бутафорский, а самый настоящий риск, когда мы с тобой отстреливались от Янтарных Людей. Конечно, я в последний момент всё же сообщил Дешанелю, куда еду, а уж тот тоже не дурак, собрал ударную группу и полетел ко мне на помощь. Потом уже говорил, что точно ничего не знал, но как почувствовал. И не зря.

— А как Крис понял, что его будут со спектаклем переправлять в Метрополию? Мы ведь всё время были вместе?

— Может, помнишь характерную девушку в шарфике, которая ела мороженое?

Нова кивнула. Девушка и правда была очень запоминающейся.

— Это была метка. Крис знал, что если встретит её где-то — это не случайность и готовится его эвакуация. И я должен появиться в качестве второй метки, но это по определению случается позже.

Астра молчала. Потом вдруг спросила:

— А кто убил Альбину? Ты или всё же Дешанель?

— Дешанель, — тут Ирвин глубоко вздохнул и опустил глаза. — Я правда думал, что мы идём её арестовывать. Даже это мне далось тяжело, я всё-таки уже прикипел к ней как-то... Но у Континента своя правда, ему живая Крыса была не нужна. А я сразу и не догадался.

Астра молчала. Ей было просто нечего сказать. До этого дня лейтенант, а потом и замком Интерфер, для неё оставался противником, который победил. Эта победа досталась ему дорогой ценой, он многое потерял и, как думала девушка, в итоге занял своё кресло не просто так. Хотя она не любила колониальных полицейских, к Интерферу всё равно относилась с уважением, ведь он дважды спас её жизнь, да ещё и пристроил в то место, где мысли о предательстве не так разрывали голову. В этой истории он был хорошим человеком, который просто сражался по другую сторону баррикад, но не более. Теперь всё изменилось.

Ирвин тоже молчал. Только подошёл к журнальному столику в углу и начал наливать две кружки чая. Одну он в итоге протянул Астре. Та сначала хотела выбить напиток у него из рук, но почему-то взяла.

— Скажи... Раз уж заговорили об Альбине. Ты с самого начала знал, что она Крыса?

— Нет. Я настороженно относился ко всему, что движется, всё это время, но за год всё равно бдительность притупилась. Да она ещё выбрала такой эффектный способ знакомства, как будто не она, а я. Ну и дальше всё как-то по-человечески получалось, разговоров-то, похожих на вербовку, не было. Иногда, если честно, я снова прокручиваю те события в голове, думаю, может, мы всё же ошиблись. Но нет, она призналась...

В общем, её личность мне раскрыл уже Дешанель. Вы тогда попытались запутать меня малахитовыми корками, но он довольно убедительно доказал, что Альбина всё-таки служит не у него, а у повстанцев. Жалко. Честно, жалко, я ведь за эти два года так никого больше и не встретил.

— Совсем? — машинально спросила Астра.

— Ну так... Ничего серьёзного. Не суть важно. Спрашивай, что ещё?

— Откуда вы всё-таки узнали про Кречет?

— Томили сдал. В обмен на свою свободу, как он тогда думал. После спешной эвакуации лже-Криса Дешанелю и Мистери пришлось срочно пересмотреть свой план. Уничтожение баз они задумали на определённый срок и к нему найти Кречет не успевали. Потому пошли ва-банк: арестовали Томили и допросили... с пристрастием, как умеет Комитет. Дали ему надежду, что в случае признания его отпустят.

Девушка кивнула головой и поморщилась. Томили казнили, несмотря на его связи и положение. Неслыханное дело, но он пошёл против самой Системы. Такого не прощают.

— Зачем Крис сообщил мне, что Муравья и Томили разоблачили? Муравей отправил на тот свет кучу комитетчиков.

— Да как-то понадеялись, что Муравей просто укроется где-нибудь, планов его ареста не было. А такая информация резко повысила уровень доверия лже-Когелю. Что же касается Томили, к тому времени он уже и сам знал, что на него вышли. Но продолжал играть в свою опасную игру. Конец тебе известен.

— А ещё? Ты говорил, что все события начались года три назад, то есть с Крисом... с лже-Крисом вы вместе проработали около года?

— Всё так.

— Но в досье было указано, что вы служите вместе порядка трёх лет?

Ирвин кивнул:

— Это была часть эксперимента, хронологическая. Не всегда есть время прожить столько, сколько предусматривает легенда. Иногда действия нужно форсировать. Потому, когда Криса перевели ко мне в напарники, у него месяц шёл за три. Делалось это постепенно: каждый месяц ставилась отметка, которая отодвигала дату начала нашей совместной работы всё дальше назад. Наши коллеги личных дел и дат там не видели, да никто и не следил, сколько Крис у нас работает. А начальство, такие как Мистери, были в курсе. И Ринг также ничего не заметил, он ведь сделал копию дела лишь однажды. Кстати, всё это называлось операция «Паника». Не попадалось вам это название?

Астра отрицательно помотала головой.

— Видишь, как всё законспирировали хорошо. Теперь эту методику возьмут в работу и другие колонии, Виссаж в первую очередь, конечно. Хотя там как-то тихо стало в последнее время. Ещё какие-то вопросы?

Астра отхлебнула чай и помолчала. Потом подняла голову и посмотрела на Ирвина:

— Пожалуй, последний и главный. Что сейчас и что делать дальше?

Интерфер пожал плечами:

— Ничего. Того, кого мы знали как Криса, судя по всему, перевели служить в Метрополию. Это неслабое повышение, с Рододендрона-то. Мы с тобой тут. У меня своя дорога, у тебя своя, не факт, что ещё когда-то так плотно пересечемся. Да тебе это не особо и нужно, как я уже понял. Будем работать.

— Вот так просто? Работать?

— Да. Астра, что принципиально меняет мой рассказ? Повстанцы разгромлены, бунта не случилось, и это здорово, иначе нас с тобой уже могли на мясо растащить. Тебе очень наглядно показали, что случилось бы на самом деле, а не в светлых мечтах.

Твои соратники живы. У тебя впечатляющие успехи в криминальной полиции, и я рад за тебя. Пока ты под крылом Карпендера, можешь быть спокойна: тебя никто не тронет. Да и вряд ли тронут вообще. Ты поняла, что со злом можно бороться по-разному, и сейчас от тебя Шарре куда больше пользы, чем было тогда. По-моему, все в выигрыше. Жить дальше — это самое правильное решение.

Астра допила чай. Возразить ей было нечего, да она и не хотела. Требовалось время, чтобы уложить все мысли в голову. Бешенство куда-то ушло, остались усталость и апатия. Подумать. Домой и подумать. Но Ирвин опять прав, думай не думай, ничего это не изменит...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЮДЖИН.

Когда Нова ушла, секретарь осторожно заглянул к Ирвину:

– Шеф, у вас всё в порядке?

– Да, просто мисс Нове срочно требовалось решить один вопрос. Ты что-то хотел?

– Вам звонил Юджин Ами из Комитета, оставил свой номер, просил, чтобы вы ему перезвонили.

– Юджин Ами? Это ещё кто такой? – Ирвин удивлённо взял из рук секретаря бумажку с номером. – Давно звонил?

– Минут пять назад.

Интерфер отпустил секретаря и задумчиво смотрел на номер. Что за Ами такой? Может, по проверке? Но почему так поздно? Замком решительно снял трубку и набрал цифры, указанные в записке.

– Юджин? Здравствуйте. Это Ирвин Интерфер, колониальная полиция. Вы хотели со мной поговорить?

Голос на том конце он узнал сразу:

– Привет, Ирвин! Юджином тебе меня называть непривычно, можешь по старинке – Крисом. Я тут проездом у вас в составе комиссии, но на сегодня мы уже закончили. Не хочешь по пиву, как пару лет назад? Я немного скучаю по нашим посиделкам, да и разъехались мы тогда как-то в спешке, точнее, меня увезли в пакете. Даже ничего не обсудили!

Интерфер расплылся в улыбке:

– Говори где и во сколько.